

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2013

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 4) 2013
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Вереминко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. В. Сиренов

О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в..... 7

О. А. Патрикеева

Газета «Новое время» о проблеме революционного террора
в России (1905–1907 гг.)..... 15

М. В. Зеленов

Источниковедческие проблемы истории текста
«Краткого курса истории ВКП (б)»..... 24

С. В. Яров

Источники личного происхождения
о жизни блокадного Ленинграда в 1941–1942 гг..... 34

Н. Д. Козлов, В. О. Левашко

Воспоминания участников и современников события
как источник по истории Сталинградской битвы 41

ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. Ю. Гусман

Историография русской либерально-дворянской,
конституционалистской эмиграции 1840-х – 1860-х гг. 57

И. А. Тропов

Исследование истории земского самоуправления в 1917 г.
в отечественной историографии 69

М. Ю. Белов

Из истории изучения биографии С. М. Буденного..... 75

М. И. Фролов

Причины поражения Германии на Восточном фронте во
Второй мировой войне в освещении немецких историков XX в. 88

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Н. С. Гусева

Постнеклассическая наука и постмодернизм: проблемы теории
и методологии исторического познания в отечественной
и зарубежной историографиях на рубеже XX–XXI вв. 105

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Д. Н. Соловьёв, В. А. Чернухин

Участие казаков в регулярных войсках России
в дореформенный период 116

В. М. Курмышов

Береговая оборона Балтийского флота в 30-е гг. XX в. 123

<i>Г. И. Большакова</i>	
Война и люди: морально-психологическое состояние советских переселенцев на Карельском перешейке в начальный период Великой Отечественной войны	129

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Н. А. Портнягина</i>	
Обсуждение проблемы террора в Третьей Государственной думе	135
<i>А. А. Смирнова</i>	
Петроградская организация меньшевиков в сентябре–октябре 1917 г.....	148
<i>В. Ю. Лукьянов</i>	
К проблеме трансформации политической власти в советской России (1917–1991 гг.).....	157
<i>М. Н. Веселова, А. М. Судариков</i>	
Влияние терроризма на современные культурные процессы	166

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>М. Д. Масанова</i>	
Подготовка народных учителей в России во второй половине XIX в.	174
<i>В. А. Верременко</i>	
Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.	181
<i>В. В. Волков</i>	
Сравнение реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих Европейской России в 1900 и 1908 гг. (по данным промышленных переписей).....	192
<i>А. В. Соколов</i>	
Реквизиция Петроградской Синодальной типографии в январе 1918 г.....	199
<i>А. Ю. Давыдов</i>	
Адаптационный синдром: взаимоприспособление нелегального рынка и новой экономической политики.....	210
Сведения об авторах.....	218

Contents

SOURCE STUDIES

A. V. Sirenov

About the library of Makaryevsky Zheltovodsky monastery
in the XVII century 7

O. A. Patrikeeva

The Newspaper «Novoye Vremya» about the Problem
of the Revolutionary Terror in Russia in 1905–1907..... 15

M. V. Zelenov

Source studies' problems of history of the text «Short course
of history of the AUCP (b)
(All-Union Communist Party of Bolsheviks)» 24

S. V. Yarov

Sources of personal origin about the life during the siege
of Leningrad in 1941–1942..... 34

N. D. Kozlov, V. O. Levashko

Memories of participants and contemporary events
as the source on the Battle of Stalingrad 41

HISTORIOGRAPHY

L. YU. Guzman

Historiography of the Russian liberal-noble constitutionalistic
emigration of 1840–1860s 57

I. A. Tropov

The study of the history of Zemstvo's self-government in 1917
in the Russian historiography 69

M. Yu. Belov

From the historiography of S.M. Budenny's biography 75

M. I. Frolov

The reasons for the defeat of Germany on the Eastern Front
of World War II in the works of German historians
of the twentieth century 88

METHODOLOGY OF HISTORY

N. S. Guseva

Post-nonclassical science and postmodernism: problems
of the theory and methodology of historical knowledge in native
and foreign historiography at a boundary of the XX–XXI centuries..... 105

MILITARY HISTORY

D. N. Solovyev, V. A. Chernukhin

Participation of Cossacks in the regular forces
of Russia in the pre-reform period 116

V. M. Kurmyshov

Coastal defense BALTIC FLEET in the 30's. XX century 123

G. I. Bolshakova

The War and people: the moral-psychological State
of Soviet emigrants at the Karelian Isthmus for the first period
of the Great Patriotic War 129

POLITICAL HISTORY

N. A. Portnyagina

Discussion of the terror problem in the third State Duma 135

A. A. Smirnova

Petrograd organization of the Mensheviks
in September – October 1917 148

V. Yu. Lukyanov

The problem of transformation of political power
in Soviet Russia (1917–1991) 157

M. N. Veselova, A. M. Sudarikov

The impact of terrorism on the modern cultural processes 166

RUSSIAN HISTORY PAGES

M. D. Masanova

The preparation of the public teachers in Russia
in the second half of the XIX century 174

V. A. Veremenko

Domestic workers in the noble families of Russia
in the second half of XIX – early XX centuries 181

V. V. Volkov

Comparison of the real wages of factory workers
in the European Russia in the years 1900 and 1908
(according to the data of industrial polls) 192

A. V. Sokolov

Requisition of Petrograd Synodal Press in January 1918 199

A. Yu. Davydov

Adaptation Syndrome: Co-adaption of illegal market
and the New Economic Policy 210

About authors 218

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47+57)«16»:02:271.22-788

А. В. Сиренов

О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в.*

В статье рассказывается о реконструкции библиотеки Макарьево-Желтоводского монастыря в XVII в., привлечены две известные описи монастырской библиотеки, 1640 г. и 1702 г., а также рукописи, происходящие из книжного собрания Желтоводского монастыря. Актуальность темы определяется тем обстоятельством, что в XVII в. Желтоводский монастырь играл большую роль в истории русской культуры, так как с этой обителью были связаны как крупнейшие деятели церкви (патриарх Никон, протопоп Аввакум, выдающийся книжник и музыковед второй половины XVII в. Тихон Макарьевский и др.). Изучение истории формирования монастырской библиотеки позволяет определить тот культурно-исторический контекст, в котором протекала деятельность целого ряда деятелей русской истории и культуры XVII в.

The article is devoted to the reconstruction of the library of Makaryevsky Zheltovodsky monastery in the XVII century. Two well-known registers of the monastery library, 1640 and 1702, are involved, as well as manuscripts originating from the book collection of Zheltovodsky monastery. The relevance of the topic is determined by the fact that in the XVII century Zheltovodsky monastery played a great role in the history of Russian culture, and the great Church leaders (Patriarch Nikon, Archpriest Avvakum, a distinguished scholar and musicologist of the second half of the XVII century Tikhon Makaryevsky, etc.) were tied with this abode. The study of the history of the monastery library gives the opportunity to define the cultural and historical context in which activities of a number of figures of Russian history and culture of the XVII century passed.

Ключевые слова: источниковедение истории России, история России XVII в., история русской культуры, монастырские библиотеки, Макарьев-Желтоводский монастырь.

Key words: source study of Russian history, history of Russia in the XVII century, history of Russian culture, monastery library, Makaryev-Zheltovodsky monastery.

Изучение монастырских библиотек русского Средневековья позволяет реконструировать историю книгописной деятельности в монастырях, дает новый материал для исследования самых разных

© Сиренов А. В., 2013

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-01-00216, тема «Тихон – деятель русской культуры переломной эпохи (XVII–XVIII вв.)».

памятников древнерусской книжности – как выдающихся, так и рядовых, что также имеет немаловажное значение. Начатое трудами Н.К. Никольского, Н.Н. Зарубина, М.В. Кукушкиной это направление отечественного источниковедения активно развивается в настоящее время [1; 2; 3; 6; 8; 10].

В XVII в. в составе монастырских библиотек происходят качественные изменения, поскольку все большее значение приобретает печатная книга. Если применительно к XVI в. еще нельзя говорить о постоянной книгоиздательской деятельности в Московском государстве, то в XVII в. ситуация изменилась в лучшую сторону. На протяжении всего столетия в Москве действовал Печатный двор, объем продукции которого постоянно увеличивался. Немалое значение имели и книги, напечатанные в украинских землях. Все это привело к постепенному вытеснению рукописной книги из монастырских библиотек. Если в XVI в. мы имеем дело по преимуществу с собраниями рукописной книги, то к концу XVII в. рукописи как правило составляют лишь небольшую часть монастырской библиотеки (разумеется, есть и исключения из этого правила). Собственно, такую цель и ставили перед собой организаторы книгопечатного дела, стремясь, прежде всего, к тому, чтобы церковная служба осуществлялась исключительно по печатным текстам, подготовленным опытными и надежными справщиками на Печатном дворе.

Описанные тенденции особенно заметны при обращении к книжным собраниям монастырей молодых, не имевших вековых традиций собирания рукописей и книгописания. К таким обителям относится Макарьевский Желтоводский монастырь. Первоначально основанный в середине XV в. известным нижегородским подвижником св. Макарием, этот монастырь вскоре был razорен казанскими татарами и пребывал в таком виде до 20-х гг. XVII в. [13; 14]. Собственно, было известно только место, где некогда находился монастырь – на берегу Волги, в 88 верстах от Нижнего Новгорода. Песчаное дно находящегося рядом Желтого озера создает впечатление, что вода в нем желтоватого оттенка, поэтому монастырь стали называть «на Желтых водах» или Желтоводским.

Восстановление монастыря в 1620 г. имело свою предысторию. Макарий Желтоводский особенно почитался в Поволжье. Этому способствовала деятельность братаи основанного св. Макарием Унженского монастыря, в котором покоились мощи святого. В Смутное время почитание Макария Желтоводского и Унженского приобрело всероссийский масштаб. Участники второго ополчения, отправляясь из Нижнего Новгорода освобождать Москву от поляков, несли образ св. Макария. По-видимому, его покровительство рассматривали как залог успеха в деле освобождения страны от интер-

вентов. Отсюда и особое почитание св. Макария представителями династии Романовых. В 1619 г., когда царь Михаил Федорович отправился в богомолье по городам Поволжья, его отец, только что вернувшийся из польского плена, писал ему о необходимости посетить Макарьев Унженский монастырь. При таком отношении к Макарию царя и патриарха вполне закономерным выглядит восстановление Желтоводского монастыря в 1620 г. [11]. Монастырь быстро богател и обстраивался. Появившаяся у его стен Макарьевская ярмарка со временем стала крупнейшим рынком России. С Желтоводским монастырем связана биография многих выдающихся деятелей русской церкви середины – второй половины XVII в. Например, именно здесь состоялось знакомство будущего патриарха Никона и протопopa Аввакума. Священником села Лысково, расположенного в непосредственной близости от монастыря, был в начале своей карьеры Иван Неронов. Из архимандритов Желтоводского монастыря на Рязанскую епархию был поставлен другой сподвижник Никона – епископ Илларион.

Во второй половине 70-х гг. архимандритом Желтоводского монастыря Тихоном была составлена так называемая Латухинская Степенная книга – крупнейшее историческое произведение второй половины XVII в. Ее автор в 1680 г. стал келарем любимого царем Федором Алексеевичем Савина-Сторожевского монастыря, а позднее, в 1695 г., патриаршим казначеем. Обращаясь к тексту Латухинской Степенной книги, отметим большое количество источников, привлеченных при ее составлении. Это Воскресенская и Типографская летописи, Новый летописец и Летописный свод 1652 г., а также Синописис в издании 1678 г., печатные Пролог и Киевопечерский патерик. Основой текста стали две редакции канонического текста Степенной книги XVI в. – Пространная и редакция Ионы Думина. Уникальные известия Латухинской Степенной исследователи возводят к недошедшим до нас запискам современников о Смутном времени. Логично предположить, что источники Латухинской Степенной хранились в библиотеке Желтоводского монастыря, поэтому её изучение имеет немаловажное значение.

В научной литературе встречаются упоминания о двух описях монастырской библиотеки – 1640 и 1702 гг. Первая из них дошла в составе духовной изустной памяти строителя монастыря Авраамия и отражает начальный этап формирования монастырской библиотеки. Здесь описывается всё монастырское имущество, в том числе 69 печатных и рукописных книг. В Никольской церкви, находящейся в монастырской слободе, числилось семь книг: «Евангелие престольное печатное, евангелисты медные, крест на празелени, Евангелие

толковое – печать киевская, служебник печатной, Апостол печатной, Псалтирь – печать киевская, потребник письменный, Послушание письменное» [4]. Остальные книги хранились в монастырском Троицком соборе: «Да у Троицы же в церкви книг печатных одинацать миней месячных, да три минеи письменные месячные, да четыре Евангелия толковые печатные, да три Апостола печатных, два Октоиха печатных на осьмь гласов, два Устава печатные, Псалтирь со следованием печатная, другая Псалтирь в полдесть печатная, два Часовника печатных, Минея общая печатная, два Потребника печатных, Часословец письменной в подесть, да Потребник же печатной в десть, да Полууставие письменное, два Пролога письменные, сборник письменной в полдесть, книга Златоуст письменная, книга Иван Лествичник, книга Ефрем Сирийский, книга Беседы апостольския – печать киевская, книга же Житие Макария чудотворца, два Ермолага, Канонник в четверть, седмь Канонничков маленьких, книга сендик, книга Григорий Богослов, два сборника в десть, Лествица в четвертину, книга Василей Великий, книга Иоасаф царевичь, книга Сава Сербский, Евангелие письменное престольное» [4, с. 45–46].

Отметим, что книги исторического содержания в описи отсутствуют, если не считать таковыми Житие Макария Желтоводского и рукописные Прологи. Упомянуты также три рукописных сборника, о содержании которых в настоящее время ничего нельзя сказать, поскольку идентифицировать их пока не удастся. В конце описи помещено немаловажное для истории библиотеки указание: «А куплено тех книг, опричь прикладных, на тридцать рублей с полтиною» [4, с. 46]. Таким образом, уже в самом начале существования возобновленного монастыря уделялось внимание комплектованию его библиотеки.

Вторая опись [12. Оп. 7. Ч. 1. № 56. Л. 30 об. – 61 об.] входит в состав описи монастырского имущества – Описной книги Макарьевского Желтоводского монастыря 1702 г. Рукописные и печатные книги содержались в то время в специальной книгохранительнице, над которой надзирал старец книгохранитель Илларион. Опись библиотеки 1702 г. составлялась, по всей видимости, на основе предыдущей описи 1700 г. В конце описной книги перечислено то имущество (в том числе и книги), которое явилось «сверх переписных книг прошлого 208-го году»: «А книгохранитель старец Илларион про те прибылыя книги сказал, что де явилось сверх переписных книг печатных и писменных книг 208-го году: Апостол печатной в десть, оклеен бархатом зеленым, на верхней дске на середине круг и наугольники и кругом камы и травы серебряные чеканные и позолочены, а на исподней дске на середине репей и наугольники прорезные

чеканные, застешки серебряные же резные, проклатка // тафтяная, на ней репей шит канителью з зерны жемчужными и с камешки и с канителью; да три Службника печатные, в полдесть, оклеены бархатом: один лазоревым, а два зеленым, у одного на верхней и на исподней дске в середине круги и наугольники серебряные чеканные прорезные, застешки и петли серебряные чеканные прорезные, застешки и петли серебряные резные, у дву Службников на верхних и на исподних цках наугольники, да на срединах по одному репью серебряныя резныя; да Треодь цветная в десть, печатная; Псалтырь в полдесть, печатная; Часослов в десть, печатной; Канунник в десть, печатной; Сборник в десть, писменной; Минея месечная в десть, писменная; Книга Беседы евангелския в десть, писменная; Книга Иоанна Лествичника да Иоасафа царевича в четверть, писменная. И те де все вышеписанныя книги печатныя и писменныя были до тех вышеписанных переписных книг прошлого 208-го году в книгохранителнице, а что де в те переписныя книги те вышеписанныя печатныя и писменныя книги не написаны, и то де учинилось пропискою без хитрости». Далее помещено собственноручное рукоприкладство Иллариона: «Книгохранитель монах Илларион сказал и руку приложил» [12. Оп. 7. Ч. 1. № 56. Л. 123–123 об.]. Как видно, наличие в монастыре книг, не отраженных в описи, рассматривалось как существенное упущение книгохранителя.

В архивном фонде Желтоводского монастыря в Центральном архиве Нижегородской области хранится «Сказка монастырского книгохранителя старца Иллариона о книгах, не указанных в переписи» [15. Оп. 588. № 524], из которой следует, что в декабре 1701 г. «перед стольником Петром Борисовичем Вельяминовым Нижегородского уезду Закудемского стану Макарьева монастыря Желтоводского книгохранитель старец Илларион сказал, что явилось сверх переписных книг прошлого 208-го году». Объяснения, данные Илларионом в 1701 г., были полностью повторены в описи 1702 г. В сказке 1701 г. приведены также данные о двух утраченных с 1700 г. книгах: «А что по тем же вышеписанным переписным книгам не явилось в книгохранителнице дву книг печатных Ефрема Сирина с аввою да тетради об антимисе, и книга де Ефре[ма] Сирина была в том монастыре у дьякона Савватия в келье, и в пожарное время та книга в келье згорела, а тетрадь об антимисе взял бывшей архимандрит Герман с собою в Печерский монастырь, что в Нижнем Новгороде» [15. Оп. 588. № 524]. Таким образом, по описи 1702 г. мы можем составить представление о монастырской библиотеке 1700 г.

Опись 1702 г. включает 480 книг, большинство из которых печатные – рукописных только 128. Можно выделить рукописи описи

1640 г., фигурирующие в описи 1702 г. Это относительно легко и с большой долей вероятности удастся сделать для произведений, количество списков которых с 1650 до 1702 г. осталось неизменным:

Опись 1640 г.	Опись 1702 г.
три миней письменные месячные	Две книги миней же месячных, письменные, в полдесть, одна писана по хартии, месяцев сентября да октябрь, по зеленому обрезу, в красной коже
Полууставие письменное	Книга письменная, в полдесть, Полууставье, ветхая
книга Григорий Богослов	Книга Григория Богослова, письменная, в десть, по зеленому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные
книга Василей Великий	Книга Василия Великого, письменная, в десть, по зеленому обрезу в красной коже
Книга Сава Сербский	Книга Житие Саввы Сербского, в полдесть, писменная, по зеленому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные

Обратим внимание на дополнительную информацию, которую сообщает опись 1702 г. относительно предшествующей описи. Так, о рукописных минеях опись 1640 г. лишь кратко сообщает. Из описи 1702 г. узнаем, что две минеи были на бумаге, а одна – на пергамене. Рукописную книгу «Полууставие» опись 1640 г. также только называет, а в описи 1702 г. сказано, что эта книга форматом в полдесть, ветхая.

Труднее отождествлять рукописи, которые по описям 1640 и 1702 гг. числятся в разном количестве экземпляров:

Опись 1650 г.	Опись 1702 г.
«книга Иван Лествичник», «Лествица в четвертину»	Две книги Иоанна Лествичника, в полдесть, писменная, в красной коже. Книга Иоанна Лествичника, в четверть, писменная, по зеленому обрезу, в красной коже
Житие Макария чудотворца	Две книги Житие чудотворца Макария Желтоводского, письменные, в десть; один по обрезу золочено, другой по зеленому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные. Книга Житие чудотворца Макария, письменная, в полдесть, по зеленому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные

Книга Иван Лествичник, ... Лествица в четвертину	Две книги Иоанна Лествичника, в полдесть, писменная, в красной коже. Книга Иоанна Лествичника, в четверть, писменная, по зеленому обрезу, в красной коже
Книга Иоасаф царевич	Книга Житие Иоасафа царевича, письменная, в лицах, в десть, по желтому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные. Книга Житие Иоасафа царевича, письменная, в полдесть, по зеленому обрезу, в красной коже, застешки и петли медные

Весьма вероятно, что вторые и третьи списки хранящихся в монастырской библиотеке сочинений появились в результате переписки этих рукописей, организованной непосредственно в монастыре.

Кроме переписки рукописей, еще одним и, видимо, основным источником пополнения монастырской библиотеки оставалась покупка книг. Так, удалось отождествить список Толковой Псалтири первой половины XVII в., числящейся в описи 1702 г., а ныне хранящейся в Нижегородской областной библиотеке под шифром Р 1010. В описи эта рукопись описана так: «Псалтырь большая толковая, письменная, в десть, по красному обрезу, в красной коже, застешки и петли медные». В действительности она содержит еще запись о продаже в монастырь Е.А. Пашковым в 1667 г.: «Лета 7175-го генваря во 2 день продал я, Еремий Афонасиев сын Пашков сию Толковую Псалтырь в Макарьевской Желтовоцкой монастырь архимандриту Пахомию з братьею. А взял за сию книшку пятнадцать рублей» [5, с. 69].

Отметим, что в описи 1702 г., подобно большинству других описей монастырских библиотек этого времени, не указывается информации, содержащейся в записях на кодексах. Так, Н.В. Соколова обнаружила в ОР ГИМ список сочинений Дионисия Ареопагита с вкладной записью: «В монастырь Жолтовоцкий по приказу и по духовной росписи преосвященнейшего Иллариона митрополита Рязанского и Муромского отдана в Макарьев сия книга ради вечного помяновения по душе его и сродник» [13, с. 163]. В описи 1702 г. источник поступления этой рукописи в монастырскую библиотеку не указан: «Книга Деонисия Ареопагита, письменная, в полдесть, по красному обрезу, в черной коже, застешки и петли медные». Постриженник Желтоводского монастыря, его настоятель, впоследствии ставший рязанским митрополитом и выдающимся церковным деятелем, Илларион в конце жизни удалился на покой в родной монастырь. Можно думать, что от него в монастырскую библиотеку

поступило немало книг. Н.В. Соколовой обнаружена еще одна рукопись с вкладной записью Иллариона: «182-го септевриа в 22 день дана сия книга в обитель чудотворца Макария на Желтые воды вечнаго ради помяновения души преосвященнейшаго Иллариона митрополита Рязанскаго и Муромскаго и сродников его» [13, с. 163].

Список литературы

1. Белова Л.Б. Гравированный «экслибрис» иеродиакона Стефана Сахарова 1691 г. на старопечатных служебных минеях // Книга в России / отв. ред. В.П. Леонов. – М., 2006. Сб. 1. – С. 60–71.
2. Белова Л.Б., Кукушкина М.В. К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН. – Л., 1978. – С. 154–187.
3. Буланин Д.М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // Тр. Отдела древнерус. лит-ры (ТОДРЛ). – Л., 1988. – Т. 36. – С. 71–79.
4. Духовная изустная память строителя Макарьево-Желтоводского монастыря Авраамия (1640 года 5 апр.) // Временник Общества истории и древностей российских (ОИДР). – М., 1850. Кн. 8. Смесь.
5. Каталог рукописных книг из собрания Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки (НГОУНБ) / сост. И.В. Нестеров. Ч. 1. XV–XVII вв. – Н. Новгород, 1999.
6. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. – Л., 1977.
7. Макария Желтоводского и Унженского // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Т. 2. – Белгород, 1999. – С. 82–84.
8. Никольский Н.К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. – СПб., 1912.
9. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. – СПб., 1998.
10. Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комментированное издание / сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик; отв. ред. М.И. Мильчик. – СПб., 2003.
11. Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // ТОДРЛ. – Л., 1990. – Т. 43. – С. 59–61.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237 (Монастырский приказ).
13. Соколова Н.В. Роль Макарьево-Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII – первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества: материалы науч. чт. Горький. 31 мая – 5 июня 1987 г. – Горький, 1989.
14. Титов А.А. Троицкий Желтоводский монастырь у старого Макарья (1435–1887). – М., 1887.
15. Центральный архив Новгородской области (ЦАНО). Ф. 998 (Макарьево-Желтоводский монастырь).

О. А. Патрикеева

Газета «Новое время» о проблеме революционного террора в России (1905–1907 гг.)*

В статье рассмотрена важная проблема – разгул революционного терроризма в России в начале XX в., показано, каким образом эта проблема освещалась на страницах газеты «Новое время». Хронологические рамки работы охватывают период с 1905 по 1907 г., когда революционный террор в России достиг своего пика. Статья написана на основе материалов периодической печати и новых архивных документов.

This article devotes to the important problem – the orgy of revolutionary terrorism in Russia in the beginning of the XX century. We get to know how the information was covered on the pages of the newspaper «Novoye Vremya». We took this period, because the peak of the revolutionary terror in Russia was in 1905–1907. The article is written mainly on the basis of the periodical press and also the new archival documents.

Ключевые слова: политическая амнистия, газета «Новое время», революционный террор, политические убийства, терроризм, I Государственная дума, II Государственная дума.

Key words: political amnesty, the newspaper «Novoye Vremya», revolutionary terror, political murders, terrorism, the First State Duma, the Second State Duma.

К началу XX в. в России самой мощной и разветвленной была петербургская печать. В 1905 г. в столице выходило 419 периодических изданий, т. е. почти треть всей периодики страны [13, с. 116]. Наиболее значительным из них в течение 40 лет, с 70-гг. XIX в. и вплоть до 1917 г., оставалась петербургская газета «Новое время». Вот что говорил о ее влиянии на читателей известный русский философ, писатель и публицист В.В. Розанов: «Было впечатление, как бы других газет не было. Голос других газет, притом довольно читаемых, был глух в России, на них всех, кроме одного “Нового времени” не обращал никто внимания, не считались с ними, не отвечали им, не боялись их ругани и угроз и, увы, не радовались их похвалам и одобрениям...» [32, с. 39].

© Патрикеева О. А., 2013

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках выполнения работ по Соглашению № 14.В37.21.0952, от 26.10.12 по теме: «Российская общественность и власть в начале XX в.: реакция на революционный террор». Руководитель О. А. Патрикеева.

Известно отношение В.И. Ленина к «Новому времени» [9, с. 312; 10, с. 168; 11, с. 11]. Ленинская оценка газеты надолго утвердилась в отечественной историографии, где «Новое время», как правило, характеризуется весьма односторонне, как крайне реакционное издание, исповедовавшее исключительно националистические и охранительные консервативные идеи [2; 6; 8]. Более взвешенные оценки газеты появились лишь в последнее время [24; 46]. Большинство же современников считало, что «Новое время» не имело «строго выдержанной политической физиономии» [25, с. 45]. «Эта газета – русская "Таймс", орган оппортунизма, для которого главная цель – произвести впечатление, обратить на себя внимание...», – отмечал член Главного управления по делам печати Э.Н. Берендтс [36. Л. 103]. «В "Новом времени" сочетание сотрудников и редакторов странное – есть настоящие черносотенцы, а есть и такие, которые левее кадетов», – свидетельствовали современники [1, с. 454].

Владелец и издатель газеты А.С. Суворин стремился превратить ее в «парламент мнений». «"Новое время" бывает либеральным на первой странице, консервативным – на второй и клерикальным – на третьей», – констатировал Э.Н. Берендтс [36. Л. 103]. Правомонархические взгляды на страницах «Нового времени» отстаивала в своих ярких политических фельетонах известная петербургская писательница и журналистка С.И. Смирнова. Позицию «левее кадетов» в газете занимал великолепный В.В. Розанов. От имени умеренных политиков высказывался брат знаменитого премьера, А.А. Столыпин, член Петербургского ЦК «Союза 17 октября». С большими аналитическими статьями регулярно выступал самый высокооплачиваемый публицист газеты М.О. Меньшиков, не имевший четко выраженной политической позиции. «Единственной своей писательской гордостью я считаю свободу, то есть действительную независимость от партий, кружков, фракций, секций и т. п. организаций», – говорил он о себе [23]. Этих столь разных по своим взглядам и убеждениям журналистов объединял в газете исключительно «чуткий к талантливости» А.С. Суворин, сам оригинальный и блестящий писатель-публицист [5, с. 93].

«Вопросы государственные вызывают яростную полемику, и публика с интересом это читает», – отмечал А.С. Суворин [7, с. 464]. Наиболее значимые статьи А.С. Суворина, М.О. Меньшикова, В.В. Розанова, С.И. Смирновой выходили отдельными брошюрами и сборниками. «Если бы издали Ваши "маленькие письма", кое-какие статьи Столыпина, Меньшикова, Смирновой, Вы оказали бы громадную услугу делу воспитания нашего общественного мнения», – писал в июле 1906 г. А.С. Суворину известный политический деятель, лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков [35. Л. 2].

В 1905–1907 гг. в центре внимания газеты были самые злободневные вопросы российской политической действительности и, в том числе проблема революционного террора. Именно на этот период времени пришлось максимальное количество политических убийств и экспроприаций. Так, в течение года, начиная с октября 1905 г., в Российской империи было убито и ранено 3 611 государственных чиновников, к концу 1907 г. Их количество возросло почти до 4 500 чел. Вместе с 2 180 убитыми и 2 530 ранеными частными лицами общее количество жертв в 1905–1907 гг. оценивалось приблизительно в 9 000 чел. [4, с. 32].

Как известно, поворотным пунктом в становлении и развитии новой политической культуры России начала XX в. стал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., провозгласивший свободу слова, собраний, союзов и создание законодательной Государственной думы. Редакция «Нового времени» встретила этот документ с большим воодушевлением. «Пусть каждый отстаивает свои убеждения, как ему угодно, – страстно, пламенно, гневно, но только словом, а не руками. Бомбочки никого не убедят. Теперь, когда нам дана свобода слова, бросать бомбы хуже, чем преступление, это – глупость. Будем же метать в наших врагов не бомбы, а газетные статьи и речи в собраниях», – призывала С.И. Смирнова [38, с. 15–16]. Однако революционные партии, расценив эту уступку как признак слабости правительства, с еще большим упорством принялись штурмовать существующий государственный порядок.

«О преступности революционеров, прикрывающихся левым ярлыком, приходится чаще говорить, потому что их преступления относятся к преступлениям правых в пропорции тысячи на одно», – считал А.А. Столыпин [43]. Публицисты «Нового времени» пытались воспроизвести социально-психологический портрет террориста-революционера. «Кто они такие, неужели борцы за освобождение? – размышлял А. А. Столыпин. – Конечно, нет. Это борцы за насилие и люди нравственно-неустойчивые, охваченные всеобщим эпидемическим понижением нравственного чувства. Живя они в спокойное время, большинство из них, вероятно, удержалось бы кое-как в пределах добра, а меньшинство попало бы в процент простой уголовщины» [44]. «Где же они пестрят? – В городах, фабричных округах, где царят бедность, разврат и взаимно внушающая злобу скученность» [42]. «Как ни гнусны сами по себе убийства, не хочется и просто невозможно приписывать их исключительно низости бунтарей и их злобе, – возражал своему коллеге М.О. Меньшиков, – ... Заметьте, в террор идут юноши, почти мальчики, и девушки. Редко фанатиками убийства становятся зрелые люди... Но

именно молодежь, по неуравновешенности своей, по незаконченности развития, всего легче поддается неодолимым внушениям» [18].

Понять психологию террориста-революционера старалась и С.И. Смирнова, подчеркивая, что революционная деятельность всё больше переплетается с уголовными преступлениями, увеличением количества случайных жертв. «...Странно упрекать его в том, что он не жалеет людей и, бросая бомбу в одного, убивает еще человек двадцать. Требовать от него логики бесполезно. У него своя логика, – утверждала она. – Он верит, что для счастья России надо убивать министров, адмиралов, губернаторов, и убивает их, думая, что совершает этим великое прекрасное дело. Так рассуждает он в лучшем случае. В худшем – его привлекает самый процесс убийства, его подготовка, выслеживание своей жертвы» [37, с. 71]. «Не будь этого кровавого года, наше общество никогда не узнало бы сколько в нем таится убийц!» – с горечью восклицала С.И. Смирнова, подводя итог трагическим событиям 1906 г.: покушение на генерала Ф.В. Дубасова, убийства генералов В. Ф. фон Лауница, Г.А. Мина, главного военного прокурора В.П. Павлова, тверского губернатора П.А. Слепцова, гласного Тамбовского губернского земства Г.Н. Луженковского, взрыв на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге [39].

Одновременно газета «Новое время» резко критиковала российское правительство за медлительность и неэффективность в борьбе с революционным террором. Власти боролись с терроризмом, но их репрессии намного уступали по масштабам размаху радикальной деятельности революционеров. Так, в 1906 г. по приговорам военно-полевых судов в Российской империи было казнено 144 чел., в это же время от рук террористов погибло 1 383 чел. (из них 738 чиновников и 645 частных лиц); в 1907 г. власти казнили 1 139 чел., а революционеры – 2 935 (1 231 чиновник и 1 734 частных лиц) [4, с. 32]. Таким образом, революционный террор был намного жёстче, чем противодействие ему.

По мнению М.О. Меньшикова, для повышения результативности своей антитеррористической деятельности российскому правительству надлежало, во-первых, решительно изменить свое отношение к обществу: «Общество уже нельзя не замечать». Во-вторых, обеспечить полную гласность при безупречности работы: «Каждый факт должен быть вынесен на солнечный свет». И, наконец, ускорить «темп власти». Волокита, по глубокому убеждению М.О. Меньшикова, только «плодит анархию». «Пока тяжкие на подъем чиновники собираются начать следствие, пока ведут его, пока судят и рядят, политическая агитация около преступления развивается со страшной силой. Дело Спиридоновой могло быть выяснено

в первые три дня», – считал знаменитый нововременец [16]. К этой мысли он возвращался в своих статьях снова и снова: «Нужна не только борьба с бунтом, но борьба деятельная и быстрая, не менее быстрая, чем та, которую ведет террор» [22].

Сотрудники газеты горячо приветствовали создание первого российского парламента. «"Новое время" искренне и бесповоротно стоит за парламентаризм в европейском смысле этого слова», – выразил единодушное мнение редакции М.О. Меншиков [15]. Он первым из отечественных публицистов поднял вопрос об осуждении революционного террора Государственной думой. «Большую услугу государству оказала бы Дума, если бы в начале же своей работы провозгласила торжественно и твердо, что она осуждает все внутренние насилия, убийства и грабежи, прикрывающиеся революционным знаменем», – писал публицист-нововременец [21].

«Новое время» пристально следило за думской полемикой по вопросам политической амнистии и отмены смертной казни. С начала работы Государственной думы признанным «королем думского репортажа» считался сотрудник газеты А.А. Пиленко, возглавивший впоследствии «Общество думских журналистов». Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он оставил преподавательскую и научную карьеру, посвятив себя парламентской журналистике. Занимаясь журналистикой профессионально, талантливый нововременский публицист остался верен себе, став автором одного из первых юридических исследований деятельности российского парламента [30]. Слава лучшего парламентского обозревателя давалась ему нелегко. «...Приходится забрасывать всю работу, чтобы как-нибудь сохранить свои силы для Думы: руки и ноги трясутся от малейшего напряжения нервов», – жаловался он А. С. Суворину [34. Л. 6]. Парламентские репортажи А. А. Пиленко высоко ценил В.В. Водовозов, известный столичный критик и публицист, признанный эксперт по вопросам конституционного права, не замеченный в симпатиях к газете «Новое время» [3]. Современники считали газету А.С. Суворина важным источником достоверной информации в отношении обсуждавшихся в Думе проектов и предположений.

При подготовке думских репортажей А.А. Пиленко всегда старался «предпосылать изложению прений некоторый общий обзор всего заседания, как одного органического целого» [28]. О речи депутата-кадета И.И. Петрункевича о необходимости политической амнистии и отмены смертной казни, произнесенной им 27 апреля 1906 г. в день открытия первого российского парламента, нововременский публицист писал с осуждением: «Речь была суха и ничтожна. И если она произвела такой эффект в Думе, то это доказывает

насколько народное представительство подготовлено к требованию амнистии. Если бы вышел совсем косноязычный и сказал это магическое слово, результат был бы тот же» [26]. «Если бы дебатировался вопрос об уничтожении смертной казни в мирное время, я подал бы решительный голос против нее, – поддержал коллегу М.О. Меншиков, – но как отказаться правительству от всякой защиты, когда продолжают бешеные, до дьяволизма, жестокие атаки?» [14].

В отчете о думских дебатах 4 мая 1906 г., посвященных обсуждению ответного Адреса Государственной думы на тронную речь императора, симпатии А.А. Пиленко находились всецело на стороне депутата-октябриста М.А. Стаховича – единственного оратора, призвавшего в тот день с трибуны Государственной думы осудить политические покушения и прекратить «проповеди насилий и убийства» [27]. Молчаливое одобрение Государственной думой «смертной казни снизу» подверг резкой критике в ежедневных «Заметках» и А.А. Столыпин [43]. По глубокому убеждению М. О. Меншикова, предложение заклеить революционный террор не нашло понимания в парламенте исключительно по вине Конституционно-демократической партии, получившей в I Государственной думе большинство мест. Российские либералы, не принимая открытого участия в политическом терроре, оказывали ему скрытую поддержку. Либеральные издания оправдывали действия террористов, объясняя их недостатками существующего в России строя, а депутаты-либералы раз за разом отказывались осудить террор на думских заседаниях. День 4 мая 1906 г. знаменитый нововременец впоследствии назвал «черным днем нашей парламентской истории» [17]. Своих сотрудников поддержал А. С. Суворин, следивший за происходящим в Думе по стенографическим отчетам. «Речь г. Стаховича была на трудную тему – побудить Думу к порицанию убийств. Говорят произнесена она была увлекательно и произвела общее впечатление. Увы, в печати всякая речь страшно теряет», – отмечал он с сожалением [44]. Даже самый «левый» из публицистов газеты В.В. Розанов признавался: «В конце концов, я радуюсь, ...что амнистия, по всему вероятно, не будет дана или дана крайне урезанная» [33].

А.С. Суворин часто допускал на страницы газеты суждения и оценки, не совпадающие с его собственным мнением. «Газета не есть собрание истин, а собрание мнений. ...Часто мнения, которым я давал место, мне совсем не нравились, но мне нравилась форма, остроумие, живая струя», – объяснял свою позицию издатель «Нового времени» [31, с. 80–81]. Так, в мае 1906 г., в самый разгар думских дебатов о необходимости политической амнистии и отмены

смертной казни, в газете было опубликовано письмо, присланное в редакцию выдающимся отечественным юристом Ф.Ф. Мартенсом, в котором автор выражал надежду, что амнистия, «будучи забвением политических увлечений, но не прикрытием гнусных простых преступлений», создаст прочный фундамент мира и порядка в России [12].

Дебаты о необходимости политической амнистии продолжились и во время работы II Государственной думы в феврале–июне 1907 г. А.С. Суворин напоминал на страницах газеты: «Вопрос об амнистии имеет в виду вовсе не общенародный интерес, а интерес пострадавших революционных партий. Амнистия – исключительная прерогатива монарха, посягать на которую, значит делать явно революционный шаг» [45]. В отношении Конституционно-демократической партии «Новое время» продолжало демонстрировать жесткую позицию неприятия их политической программы и тактики. Нововременские публицисты обвиняли кадетских лидеров в космополитизме, в равнодушии к судьбам России, в стремлении к власти лишь для удовлетворения собственных амбиций. Особенное негодование нововременцев вызывало стремление конституционных демократов к блоку с левыми партиями. Полемизируя с газетой «Речь» о проблеме политического терроризма в России, А. А. Пилленко писал: «Я не понимаю той партии, которая не имеет по данному основному вопросу никакого мнения. Больше мужества, господа!» [29]. «...По духу конституционализма они обязаны бороться против революции, они ложно назвали себя конституционалистами, не будучи таковыми на деле», – вынес приговор кадетам М.О. Меньшиков [20].

Ответом на декларацию П.А. Столыпина во II Государственной думе явилось не обсуждение предложенных правительством законов, а требование конституционных демократов немедленно отменить военно-полевые суды. Законы о военно-полевых судах, временно введенные в 1906 г., утрачивали силу 20 апреля 1907 г., поскольку правительство не вносило в Думу предложения об их утверждении. По истечении двух месяцев со дня начала думской сессии эти законы автоматически прекращали свое действие. Правительство не требовало продления истекавшего срока действия военно-полевых судов. Как заявил депутат от правых В.В. Шульгин, ответственность за военно-полевые суды несет общество, морально оправдывающее террор. Критикуя практику военно-полевых судов, В.В. Шульгин и его сторонники требовали, чтобы Государственная дума одновременно осудила политический террор. Этого ожидало от Думы и правительство. Однако парламентское большинство вновь отказалось от осуждения революционного тер-

рора. «Вопрос о порицании парламентом политических убийств, сколько мне известно, был поднят в печати год тому назад именно мной», – комментировал ситуацию М.О. Меньшиков [17] и вновь настаивал: «Парламент наш, призванный спасти страну, должен пользоваться всеми случаями, чтобы отнять у террора всякую тень поддержки» [19].

Итак, в 1905–1907 гг. газета «Новое время» единодушно и последовательно осуждала разгул революционного террора в России. Именно «Новое время» в лице своего ведущего публициста М.О. Меньшикова первым из отечественных периодических изданий поставило вопрос об осуждении террора Государственной думой. Лучшие публицисты-нововременцы размышляли на страницах газеты над истоками терроризма в России, осуждали бездействие властей и давали свои рекомендации по борьбе с политическим террором. Свои взгляды на проблему политического террора они отстаивали в горячей полемике с оппозиционной печатью, прежде всего, с кадетской газетой «Речь». Статьи М.О. Меньшикова, А.С. Суворина, В.В. Розанова, А.А. Пиленко, С.И. Смирновой, А.А. Столыпина, посвященные проблеме революционного террора и опубликованные в газете в 1905–1907 гг., являются яркими образцами отечественной политической публицистики.

Список литературы

1. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. – М., 1990.
2. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. – М., 1984.
3. Водовозов В.В. Еще по поводу думских заседаний 16–17 апреля // Товарищ. – 1907. – 21 апр.
4. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997.
5. Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоминания. – Тбилиси, 1991.
6. Динерштейн Е. А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. – М., 1998.
7. Ежов Н.М. Алексей Сергеевич Суворин // Истор. вестн. – 1915. Кн. 2. – С. 450–469.
8. Есин Б.И. Русская легальная пресса конца XIX – начала XX века // Из истории русской журналистики конца – начала XX в. – М., 1973. – С. 60–94.
9. Ленин В. И. В мире Азефов // Полн. собр. соч. Т. 22. – М., 1961. – С. 312–321.
10. Ленин В.И. Кукушка хвалит петуха... // Полн. собр. соч. – Т. 15. – С. 167–170.
11. Ленин В.И. Первые итоги политической группировки // Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 7–15.
12. Мартенс Ф.Ф. Что такое амнистия? (Письмо в редакцию) // Новое время. – 1906. – 7 мая.
13. Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). – М., 1991.

14. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Бабы и бомбы // Новое время. – 1906. – 27 мая.
15. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Два дня в парламенте // Новое время. – 1906. – 14 мая.
16. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Жертвы безвластия // Новое время. – 1906. – 5 апр.
17. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Лужа крови // Новое время. – 1907. – 26 апр.
18. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Мученики воображения // Новое время. – 1906. – 12 авг.
19. Меньшиков М.О. На ножах // Новое время. – 1907. – 31 марта.
20. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Партия под маской // Новое время. – 1906. – 9 сент.
21. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Первые шаги // Новое время. – 1906. – 20 апр.
22. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Тактика террора // Новое время. – 1906. – 19 авг.
23. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Третья партия // Новое время. – 1906. – 19 февр.
24. Остапенко Л.А. «Новое время» А. С. Суворина о партийной системе и опыте парламентаризма в России (1907–1912). – Нижний Новгород, 2000.
25. Пешехонов А.В. Уличная борьба и игра в шахматы // На очередные темы. 1904–1909 гг. – СПб., 1910. – С. 143–146.
26. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1906. – 28 апр.
27. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1906. – 5 мая.
28. Пиленко А.А. В Государственной думе // Новое время. – 1906. – 14 марта.
29. Пиленко А.А. Ответ газете «Речь» // Новое время. – 1907. – 18 марта.
30. Пиленко А.А. Русские парламентские прецеденты. – СПб., 1907.
31. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. – СПб., 1913.
32. Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. – М., 1992.
33. Розанов В.В. Об амнистии // Новое время. – 1906. – 10 мая.
34. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 3293. «Письма Пиленко А. А. Суворину А. С. 1904–1910 гг.».
35. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1126. «Письмо Гучкова А. И. Суворину А. С. от 12 июля 1906 г.».
36. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 9. Д. 1325. «Э. Н. Берендтс об отчете по повременным изданиям за 1907 г.».
37. Смирнова С.И. Наши демократы // Борцы за свободу. Сб. фельетонов С. И. Смирновой. – СПб., 1907. – С. 69–89.
38. Смирнова С.И. Первые политические бури. – Харьков, 1905.
39. Смирнова С.И. Погромная литература // Новое время. – 1907. – 10 янв.
40. Столыпин А.А. Заметки // Новое время. – 1907. – 1 февр.
41. Столыпин А.А. Заметки // Новое время. – 1906. – 7 мая.
42. Столыпин А.А. Заметки // Новое время. – 1906. – 3 мая.
43. Столыпин А.А. Что говорил Гучков // Новое время. – 1907. – 14 янв.
44. Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. – 1906. – 8 мая.
45. Суворин А.С. Среди газет и журналов // Новое время. – 1907. – 1 марта.
46. Шлемин П.И. М. О. Меньшиков: мысли о России. – М., 1997.

**Источниковедческие проблемы истории текста
«Краткого курса истории ВКП (б)»**

В статье излагается история текста учебника «Краткий курс истории ВКП (б)», а также дается обзор источников по этой теме.

The article describes the history of the text of the book «Short course of history of the AUCP (b) (All-Union Communist Party of Bolsheviks)» as well as an overview of the sources on this topic.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Е.М. Ярославский, И.Н. Пospelov, «Краткий курс истории ВКП (б)», архивы ЦК ВКП (б), историческая наука в СССР, историки и власть.

Key words: I.V. Stalin, E.M. Yaroslavsky, I.N. Pospelov, «Short course of history of the AUCP (b) (All-Union Communist Party of Bolsheviks)», archives of the Central Committee of AUCP (b), the historical science in the USSR, historians and power.

История текста учебника «История ВКП (б). Краткий курс» была до последнего времени почти не известна. До передачи архива И.В. Сталина из архива Политбюро в РГАСПИ (Ф. 558. Оп. 11) роль генсека была скрыта от глаз ученых. Вскоре после рассекречивания этого массива источников сам исследовательский сюжет оказался деактуализированным. Можно отметить ничтожное количество публикаций по истории текста «Краткого курса» [1; 2; 4; 11, p. 25–50, 150–155, 198–208].

Между тем история самого мистифицированного учебника истории партии позволяет раскрыть роль генсека в подготовке этого текста, а также увидеть максимально актуальные для него в 1937–1938 гг. политические сюжеты, описанию которых он придавал особое значение. В данной статье излагается история «канонического» текста учебника, публиковавшегося с 9 по 19 сентября 1938 г. по-главно и вскоре вышедшего в 1938 г. отдельным изданием.

Краткая характеристика источников по истории текста книги

Распределим источники по видовому принципу, что позволит определить значение каждого их вида для реконструкции процесса создания окончательного текста книги.

Первая группа материалов отражает волю и интересы ЦК ВКП (б), постановления Секретариата, Оргбюро и Политбюро которого формировали объективную хронологическую канву назначения авторских групп и редакционных коллективов для написания различных учебников по истории партии. Кроме этого, ЦК формулировал основные политические и идеологические, программные положения, которые должны были лечь в основу как пропагандистской работы, так и текста учебников по истории партии.

На основании постановлений различных органов ЦК мы можем выделить основные этапы становления историко-партийной мысли, выявить авторов, кураторов, членов редакционных коллективов, составителей (организаторов) работы, относительно полный (но неполный) круг людей, принимавших участие в составлении текста на том или ином этапе работы. Однако многие переломные точки в формировании политики написания и издания учебников по истории партии в постановлениях ЦК ВКП (б) никак не фиксировались, так что если пользоваться только этим видом источников, то картина создается не только неясная, но и запутанная.

Все чистовые протоколы заседаний высших руководящих органов ЦК ВКП (б) хранятся в Ф. 17 РГАСПИ и доступны исследователям. Оригиналы постановлений Секретариата, Оргбюро и Политбюро, которые записывались на карточках (с черновыми поправками и изменениями текста по ходу заседаний), не являются секретными и также могут быть выданы читателям. Для выявления постановлений по написанию учебников просмотрены все материалы, в том числе внепротокольные постановления Секретариата и Оргбюро.

Особый вид источников – переписка между авторами, рецензентами и главным организатором (а потом и редактором) – Сталиным. Этот вид источников дает исследователю возможность ознакомиться с нюансами работы, настроением авторов, нереализованными планами и идеями, позициями авторов как научными, так и идеологическими, изменениями организации процесса подготовки и другими подробностями творческого процесса. При этом историк получает возможность установить и позицию И.В. Сталина по целому ряду организационных, научных и политических вопросов (его краткие ответы и различные пометы на письмах ему отражают его внимание). Однако авторы писем касаются, как правило, конкретных вопросов, так что общую картину создать по этим письмам нельзя. Часть переписки осталась в фонде Сталина (например, письма И.П. Товстухи в Ф. 558), часть – в личных фондах (Е. Ярославского, П.Н. Поспелова и др.), часть – в фондах официальных учреждений (письма М.Д. Орахелашвили в ф. 71 – ИМЭЛ). Привле-

чение этого вида источников может продолжаться за счет расширения круга лиц и привлечения новых архивных фондов.

Переписка между Институтом Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) и ЦК ВКП(б) сохранилась не полностью, но ее содержание восстанавливается по книгам учета входящей и исходящей корреспонденции (секретной и несекретной) ИМЭЛ. Запросы или пояснения руководителей секторов или руководства ИМЭЛ проливают свет на ход работы по подготовке учебника. Переписка находится в ф. 71 и просмотрена полностью.

Другой вид источников – отчеты различных структур ЦК ВКП(б) о проделанной работе, в том числе и о написании истории партии. Структурное подразделение аппарата ЦК ВКП(б), чем являлся ИМЭЛ, отчитывалось перед ЦК о проделанной работе, планы работы института утверждались в ЦК. Эти отчеты и планы позволяют (и это единственный источник) точно определить круг лиц, занятых в подготовке книг по истории партии, ход работы, наличие (отсутствие) тех или иных глав, выявить точные планы-проспекты всех томов будущего учебника. По отчетам выявлены этапы работы над учебником в 1932–1937 гг., его внутренняя трансформация, а также распределение работы внутри авторского коллектива. Отчеты других отделов ЦК за 1930-е гг. почти не сохранились в силу особенностей делопроизводства в результате утраты части архива, поэтому позицию и работу агитпропа ЦК поэтапно восстановить невозможно. Отчеты просмотрены полностью.

Протоколы заседаний творческих коллективов и совещаний в различных структурах ЦК или у секретарей ЦК (упоминание о них содержится в переписке) почти не сохранились (а может быть и не велись). Этот источник фиксирует позицию авторов, свойства предлагаемого ими текста, а также ход работы, распределение глав между потенциальными авторами. Выявлено только несколько таких протоколов: за январь 1932 г. о планах большого издания (единственный источник в фонде ИМЭЛ); за август 1935 г. по учебникам для вузов (в фонде А.А. Жданова – Ф. 77). Не найден протокол заседания от 7 января 1935 г. в институте Ленина о написании четырехтомника и др. Есть смысл продолжать поиски этого вида источников.

Есть черновые записи подобных совещаний, они обладают особой ценностью, так как информация о них нигде более не фиксировалась. Прежде всего, это ряд недатированных страничек П.Н. Поспелова с подсчетом страниц одного из варианта учебника Ярославского и распределением объема глав для другого варианта с указанием авторов для нового коллективного учебника, а также с суждениями о содержании той или иной части книги. По косвенным данным и по содержанию текста мы датируем эти записи серединой

октября 1937 г. Только этот источник указывает авторский коллектив на предпоследнем этапе работы (предполагаем, что это записи П.Н. Поспелова на приеме у зав. отделом пропаганды ЦК А.И. Стецкого после посещения последним Сталина). Другой уникальный источник – недатированные записи Жданова с суждениями по разным политическим вопросам и с перечнем страниц и указанием абзацев в его блокноте. Эти записи он делал в ходе ночных заседаний с Ем. Ярославским, А.Н. Поскребышевым и И.В. Сталиным во время редактирования окончательного текста учебника при его публикации в «Правде» в сентябре 1938 г. Об этих заседаниях упоминалось в разных источниках, но только эти записи Жданова раскрывают перед исследователями процесс редактирования и высказывания Сталина (и Поскребышева) о роли учебника и по другим вопросам.

Другой важный для восстановления истории текста вид источников – стенограммы (протоколы) публичных выступлений участников событий. Выступления А.А. Жданова в Ленинграде отражают позицию ЦК по созданию новых учебников в 1937 и 1938 гг. Выступления Ярославского на различных публичных собраниях (партийных активах или иных) содержат упоминания о ходе последнего этапа разработки текста учебника. Личностное отношение старого историка партии наложило отпечаток на содержание этих выступлений: с одной стороны, нужно было указать на роль Сталина, с другой – хотелось определить и свою роль и роль других авторов в общем деле. Поэтому только у Ярославского мы встречаем упоминание о «колхозе», который участвовал в работе над одним из вариантов учебника. Это важное указание. Поскольку весь процесс подготовки текста он передает относительно точно (что проверяется по другим источникам), то и этот факт должен каким-то образом уточняться.

Наконец, группа материалов творческого характера. Тексты историков, написанные для коллективной «Истории ВКП(б)», позволяют выявить все историографические характеристики учебника – источниковую базу, методологию исследования, хронологические рамки и т. п. Сохранились комплект глав планируемого двухтомника (авторы – сотрудники ИМЭЛ в 1932–1937 гг.), различные тексты Ярославского (многочисленные опубликованные учебники и статьи, верстки книг), изданные и неизданные статьи Поспелова. Это позволяет четко определить те части, которые вошли в состав канонического текста, так или иначе идентифицировать автора глав (частей текста) «Краткого курса».

Самая интересная и важная для источниковедческого анализа группа материалов – варианты редактирования текста, которые складывались в 1937–1938 гг. Все варианты не датированы, часть можно уверенно датировать по косвенным данным (сопроводитель-

ные письма, например). Пометы Сталина на макетах книг, его авторские вставки позволяют выявить текстуально почти все его вмешательства в текст учебника. Это даст ответы на вопросы авторства безымянного «Краткого курса», а также об основных идеях генсека. Нигде в иных источниках о роли Сталина в тексте «Истории ВКП (б)» не говорится, есть общие указания у Пospelова и Ярославского, но конкретика проявляется только в рукописях из сталинского архива.

Другие виды источников носят вспомогательный характер для реконструкции текста книги.

Основные этапы развития идеи и текста учебника по истории партии

1-й этап: 1931–1932 гг. Создание идеи многотомной истории партии. Импульсом к написанию истории партии под контролем ЦК ВКП(б) послужило письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в октябре 1931 г. 12 декабря 1931 г. последовало постановление Политбюро с поручением Секретариату ЦК подобрать группу для составления истории партии и «критически пересмотреть» все уже опубликованные учебники [1. Оп. 163. Д. 921. Л. 18–19 об.]. 7 января 1932 г. Политбюро утвердило группы составителей (под руководством В.Г. Кнорина) и редакции «Истории ВКП(б)» [1. Оп. 3. Д. 867. Л. 11]. Сохранившийся протокол творческого коллектива 16 января 1932 г. свидетельствует о создании несколько рабочих групп в историко-партийном Институте красной профессуры и ИМЭЛе. На этом этапе планировалось создать шеститомник истории партии.

2-й этап: 1932–1935 гг. Создание четырехтомника различными группами авторов. 15 марта 1932 г. секретарь группы И.П. Товстуха в письме к Сталину предлагает создать четырехтомник вместо шеститомника. Сталин соглашается. Проблема реконструкции процесса подготовки учебников в этот период состоит в том, что он в источниках с конца 1932 г. и до второй половины 1934 г. почти не отражен. Отчеты и письма руководителей ИМЭЛ в ЦК с августа 1934 г. прямо указывают о подготовке их сотрудниками первого тома из четырех (период до 1914 г.). Ряд их писем указаны в журнале исходящей корреспонденции ИМЭЛ, но не сохранились [6. Оп. 3. Д. 173. Л. 6 об., 7, 7 об., 8]. Сдача первого тома (в его написании принимали участие М.С. Волин, И.В. Волковичер, С.И. Аввакумов, А.М. Панкратова, Л.Е. Фруг и др.) планировалась на весну 1935 г. Второй том поручено было писать ленинградским историкам – О.А. Лидаку, Н.А. Корнатовскому и др. Редактировать тексты долж-

ны были А.С. Бубнов, В.Г. Кнорин, Ем. Ярославский и Н.Н. Попов. Главы этого проекта не обнаружены.

3-й этап: 1935–1937 гг. Создание двухтомника в ИМЭЛ. 22 марта 1935 г. зам. директора ИМЭЛ М.Д. Орахелашвили в письме секретарям ЦК признает, что подготовка многотомника сорвана. 27 марта 1935 г. Сталин в речи на Оргбюро говорит о необходимости написания новых учебников по истории партии – с акцентом на послереволюционный период. 13 июня 1935 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время» – необходимости глубокого изучения истории послеоктябрьского периода и борьбы с оппозицией. 15 июня Стецкий в письме к Сталину предлагает создать два разных типа учебника – популярный и расширенный (для пропагандистов в двух томах). Первая часть популярного учебника (до марта 1917 г.) под редакцией Кнорина, Ярославского и П. Поспелова была подписана в печать уже в декабре 1935 г. Скорость появления этого текста можно объяснить тем, что авторами являлись члены первой бригады, созданной в ИКП в 1932 г. (Ф. Андерсон, А. Кучкин, Б. Пономарев, Н. Войтинский и др.). Источниковая проблема состоит в том, что никаких подготовительных материалов в нашем распоряжении нет. Макет был просмотрен Сталиным, который остался им недоволен [9. Оп. 3. Д. 74].

Подготовка расширенного учебника – для пропагандистов и агитаторов – была возложена на ИМЭЛ. Первый том готовили М.С. Волин, Н.Н. Попов, Л.И. Рыклин, А.П. Кучкин. Том второй – Попов, Ярославский, М.С. Зоркий, Волин, В.Г. Сорин, Рыклин, В.А. Быстрянский, Кучкин. Процесс написания отражен в планах и переписке ИМЭЛ. Часть подготовительных материалов сохранилась в фонде ИМЭЛ – главы, написанные М.С. Волиным, Л. Рыклиным, Н. Рубинштейном, А. Быстрянским к декабрю 1935 г. [6. Оп. 2. Д. 139. Л. 19–335], написание двухтомника вошло в план ИМЭЛ на 1936 г., потом в план на 1937 г... И этот двухтомник так и не появился, и написанные главы не выявлены.

Пока ЦК и его структурная единица ИМЭЛ готовили коллективную работу, Ярославский обращался к секретарям ЦК и руководителям пропагандистского аппарата с просьбой разрешить ему издавать свой авторский учебник по истории партии. 1 сентября 1932 г. Политбюро разрешает Ем. Ярославскому представить текст «Краткого учебника истории ВКП (б)», который ему предложено было доработать. В 1933–1934 гг. вышла его двухтомная «История ВКП (б)». Затем выпуск его работ был приостановлен (вероятно, чтобы они не составляли конкуренции коллективному учебнику). Наконец, 28 мая 1936 г. Политбюро ЦК решило «не возражать» против издания учебника «История ВКП (б). Краткий курс» [1. Оп. 3. Д. 978.

Л. 20]. Представленная к апрелю 1937 г. «Краткая история ВКП (б)» вызывает критику Стецкого [2, с. 293–298].

Итак, ЦК ВКП(б) оказался в патовой ситуации: за годы перестройки идеологической работы не были готовы ни коллективный учебник, ни авторский учебник Ярославского. Актуальность появления нового учебника диктовалась поворотом, совершенным февральско-мартовским пленумом ЦК.

Четвертый период: 1937–1938 гг. Создание учебника на базе текста Ярославского. 6 апреля 1937 г. Сталин пишет письмо составителям учебника по истории ВКП(б) «Об учебнике по истории ВКП (б)», в котором предлагается новая периодизация и концепция истории партии. 16 апреля Политбюро принимает постановление «Об учебнике по истории ВКП(б)», в котором перечисляет группу авторов учебника для Ленинских курсов (секретарей райкомов) – Кнорина, Ярославского и Поспелова, поручив им в четырехмесячный срок написать учебник, руководствуясь письмом Сталина. Популярный учебник для партийных курсов (секретарей парткомов) поручено составить Кнорину и Ярославскому на основе своих предыдущих учебников. Как известно из тетради регистрации приема посетителей секретаря ЦК А. Жданова в Москве, эта группа встречалась 17 и 28 апреля, 20 июня [7. Оп. 4. Д. 75. Л. 5, 6 об., 7 об.].

Руководствуясь этими положениями, Ярославский через четыре месяца (1–2 июля) отсылает свой популярный учебник (600 страниц машинописи) Сталину и Жданову [9. Оп. 11. Д. 1203-1207; 7. Оп. 4. Д. 20]. В предисловии к тексту, Ярославский пишет, что сдав этот однотомник, он займется составлением более полного учебника для Ленинских курсов. Вариант этого текста, отредактированный и немного измененный, был оформлен Ярославским как «Очерки по истории ВКП (б)» в 2-х томах [8. Оп. 9. Д. 832, 833] – для парткурсов и партшкол, которые были выпущены Партиздатом в 1938 г. (как 3-е издание «Истории ВКП (б)» 1933 г.).

Со слов Ярославского, он по заданию ЦК сократил и изменил 600-страничный текст, и в августе 1937 г. выходит макет учебника Ярославского (466 страницы без учета двух страниц заключения и оглавления) [9. Оп. 3. Д. 381], имеющий ту же структуру, что и присланный текст в июле 1937 г. Именно эту книгу можно считать **первой редакцией** будущего «Краткого курса». 19 августа Стецкий направляет Сталину замечания «О необходимых исправлениях в учебнике истории ВКП (б) для партийных курсов т. Ем. Ярославского» [2, с. 305–311]. 4 сентября происходит совещание Стецкого и Ярославского у Жданова [7. Оп. 4. Д. 75. Л. 12], на котором принят план сокращения и частичной переделки учебника, что известно из письма Поспелова [10. Оп. 1. Д. 64. Л. 73–77]. В середине сентября

Поспелов редактирует переделанные и сокращенные Ярославским главы учебника (сохранились письма Ярославского Поспелову) [10. Оп. 1. Д. 101. Л. 5–6].

Или в конце августа, или же в начале октября Сталин просматривает первую редакцию учебника «История ВКП(б)» Ярославского, сокращает первую часть, делает пометы по ходу текста [9. Оп. 3. Д. 381. Л. 3–11, 21, 32, 34–35, 38].

11–12 октября Стецкий находится на приеме у Сталина. Вероятно, сразу после этого он встречается с Поспеловым и передает ему мнение генсека о необходимости сокращения учебника в два раза (это наше предположение). Допускаем, что Поспелов, ставший зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК (вместо арестованного Кнорина), именно во время встречи набрасывает план сокращения с указанием потенциальных авторов нового текста глав (1-ая, 4-я, 10 и 11 – Поспелов, 7-я – Стецкий, 8 – Сорин, 9 – Волин, 12 – Угаров) [10. Оп. 1. Д. 64. Л. 78–78 об.]. У нас нет доказательств тому, что указанные авторы работали над этими главами. Вероятно, в декабре 1937 – январе (максимум - начале февраля) 1938 издан макет книги Ем. Ярославского «История ВКП (б). Краткий учебник» «На правах рукописи (второй вариант)» – 295 страниц [9. Оп. 11. Д. 1208]. По сути – это **вторая редакция** книги. В ней появилось самостоятельное введение, был значительно сокращен материал, некоторые структурные единицы были выброшены.

Сталин сократил введение, внес небольшую правку в текст глав и отложил эту редакцию в сторону. Началась компоновка нового текста под жестким контролем Поспелова. 16 февраля авторы собираются у Жданова и, вероятно, получают задание написать большое введение к учебнику. 26 февраля оно готово наполовину, в начале марта – полностью. 4–5 марта 1938 г. Сталин встречается с Поспеловым и Ждановым [3], а потом Поспелов еще обсуждает итоги встречи с Ждановым [7. Оп. 4. Д. 75. Л. 19]. Вполне вероятно, что обсуждается не только поспеловское предисловие к Краткому курсу, но и третья редакция («третий вариант») книги. Направляя предисловие с пометами Сталина на первых страницах, Поспелов писал: «Потом было указание дать лишь самое краткое "введение", а вопросы, поставленные в этом наброске – перенести в "Заключение"» [9. Оп. 11. Д. 1208. Л. 1]. Вероятно, тогда же было принято решение оставить Ярославского в стороне от подготовки текста книги. Жданов далее встречается только с Поспеловым, а Ярославский переключается на подготовку двухтомника «Очерки по истории ВКП (б)» (корректурa первого тома подписана в начале апреля). Сталин пишет заметки по X главе и к заключению [2, с. 327–328]. Именно на основе его заметок (которые датируются в сопроводительной записке в архив апрелем) было написано заключение к **третьей редак-**

ции книги «История ВКП (б). Краткий курс» / под ред. Ем. Ярославского и П. Поспелова. Одобрен комиссией ЦК ВКП (б) для партийных и ленинских курсов, а также для комсомольских организаций. Далее на странице 4 значилось: «На правах рукописи (третий вариант)» [9. Оп. 3. Д. 77].

Кажется невероятным, но в апреле появился и «четвертый вариант» – «История ВКП (б). Краткий курс / под ред. Ем. Ярославского и П.Н. Поспелова. Одобрен комиссией ЦК ВКП (б) для партийных и комсомольских школ, курсов и кружков». По сути **это второй вариант третьей редакции** учебника (т. е. никаких серьезных изменений в нем не было). Именно этот вариант Ярославский называет «колхозным» в воспоминаниях о процессе его подготовки [8. Оп. 8. Д. 807. Л. 3, 9]. Он упоминает, что был привлечен Угаров, роль которого остается пока не понятной. 24 и 26 апреля Поспелов пишет Жданову (а они встречались постоянно на протяжении апреля) о внесении изменений в четвертый вариант макета [5. Оп. 120. Д. 383. Л. 1–2, 539], который почти ничем не отличался от третьего. Политбюро принимает постановление об издании «Краткого курса» и создает специальную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова и Жданова для рассмотрения и одобрения учебника. И дальше все внешние проявления подготовки учебника отсутствуют до середины августа.

Пятый период: май-сентябрь 1938 г. Создание учебника в сталинской редакции. В середине мая 1938 г. на III партийной конференции Красногвардейского района в ответ на записку о ходе издания учебника по истории партии Ярославский ответил, что «Теперь 4-й вариант проходит уже окончательную редакцию» [8. Оп. 8. Д. 831. Л. 1]. На основании записи приема Сталиным в его кремлевском кабинете (он отсутствовал там вторую половину мая, вторую половину июня, вторую половину июля) можно предположить, что в это время он работал над новой редакцией «Истории ВКП (б)». Работа шла по макету «третьего варианта». Сохранилась густая правка II–VIII и XI–XII глав макета, многочисленные вставки, которые были потом перенесены в машинопись глав I–IV (в свою очередь подвергшуюся правке) [9. Оп. 11. Д. 1209–1211]. Результаты этой работы составляют **четвертую редакцию** книги. Часть этой правки была передана в фонд Сталина в ЦПА ИМЭЛ в качестве фотокопий (вероятно, как свидетельство работы Сталина над текстом книги) [9. Оп. 1. Д. 5300]. На этом этапе появился известный параграф о диалектическом и историческом материализме. Между третьей и четвертой редакциями учебника были изменения текста (они могли быть только сталинские на этом этапе работы), но рукописных правок Сталина не найдено.

Первый вариант четвертой редакции был перепечатан и начал рассылаться с 16 августа 1938 г. членам Политбюро, Пospelову и Ярославскому [9. Оп. 11. Д. 1212–1216]. Это 670 листов машинописи с карандашной правкой. Сохранилась правка Жданова на другом экземпляре этого варианта. В ряде случаев она была воспринята Сталиным и учтена при окончательной редактуре текста [7. Оп. 4. Д. 22–24]. Учебник назывался уже немного по-другому: «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б)». Сталин сначала вписал Жданова в состав составителей, потом вычеркнул его. Если участие Жданова в редактировании текста прослеживается, то участие Молотова было, наверное, формальным.

Одновременно (с 15 по 19, с 21 по 24, с 26 по 30 августа) Сталин сам работал над этим вариантом, внося в него многочисленные поправки (есть несколько вариантов заключения), так что новый текст можно считать **вторым вариантом четвертой редакции «Краткого курса»** [9. Оп. 11. Д. 1212–1216]. Часть текста редактировалась несколько раз [Оп. 11. Д. 1217. Л. 32–33 об, 36–38]. **Третий вариант четвертой редакции** составляет текст, редактируемый в сентябре и обсуждаемый в «Правде» с Ждановым, Ярославским и Пospelовым и Поскребышевым. Перечень сделанных исправлений (со страницы 234), а также запись комментариев и реплик Сталина найдены в записных книжках Жданова.

Окончательный текст «Краткого курса истории ВКП (б)» и является третьим вариантом четвертой, сталинской, редакции текста. Привлечение новых источников может уточнить сложившуюся картину, но не сможет ее уже кардинально изменить.

Список литературы

1. Гусева А.В. «Краткий курс истории ВКП (б)»: история создания и воздействие на общественное сознание: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
2. Зеленов М.В. Сталин и историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. – СПб., 2006.
3. Исторический архив. – 1995. – № 5–6.
4. Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП (б)» – энциклопедия культуры личности Сталина // Вопр. истории КПСС. – 1988. – № 11. – С. 51–67.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
6. РГАСПИ. Ф. 71.
7. РГАСПИ. Ф. 77.
8. РГАСПИ. Ф. 89.
9. РГАСПИ. Ф. 558.
10. РГАСПИ. Ф. 629.
11. Brandenberger David. Propaganda State in Crisis: Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. – New Haven, 2011.

Источники личного происхождения о жизни блокадного Ленинграда в 1941–1942 гг.

В статье рассматриваются источники личного происхождения (письма, дневники и воспоминания), в которых нашли отражение тяжелейшие и драматические условия жизни Ленинграда и горожан в начальный период блокады 1941–1942 гг.

The article considers the sources of personal origin (letters, diaries, and memoirs) that reflect the serious and dramatic conditions of life of Leningrad and its citizens in the initial period of the siege of 1941–1942.

Ключевые слова: исторические источники, письма, дневники, воспоминания, блокада Ленинграда, горожане, блокадники, голод.

Key words: historical sources, letters, diaries, memoirs, the siege of Leningrad, the citizens, blockade survivors, famine.

Трагедия «смертного времени», как, по свидетельству известного писателя В. Бианки, называли сами ленинградцы наиболее тяжелые месяцы конца 1941 – начала 1942 г. [2, с. 180], отражена в огромном количестве документов. Ценнейшим источником для исследования истории блокады Ленинграда являются источники личного происхождения – дневники, письма, воспоминания. Еще совсем недавно они использовались с чрезвычайной осторожностью, что отчасти было связано с идеологическим контролем в науке и с самоцензурой исследователей. Блокадная жизнь в том виде, в котором она находила отражение в дневниках и письмах, оказывалась исключительно бесчеловечной и жестокой. Упоминания о таких проявлениях блокадной повседневности в научной и популярной литературе старались не допускать [4, с. 244]. Сама манера, стиль и сценарии изложения, используемые авторами публикаций о блокаде, подчиняли их замысел определенной схеме: «испытания – героизм – победа как награда за подвиг». В возникавшем мифе, становившемся частью общественного сознания, просто не оставалось места понятиям о чести и милосердии, равно как и о нарушении нравственных норм.

Полноценному использованию дневников и писем препятствовало и другое обстоятельство – самоцензура тех, кто писал о бло-

каде. Публикация наиболее откровенных записок и дневников, передававших страшную правду о блокаде, до середины 1980-х гг. была крайне затруднена. Если они и печатались, то со значительными сокращениями.

Что касается самих авторов документов, то мы имеем право утверждать, что они старались честно рассказать, хотя и с разной степенью полноты, о тех лишениях и страданиях, которые им пришлось перенести [8, с. 177].

Конечно, не во всех описаниях блокадных будней отразились темные стороны тех дней. Самоцензура и здесь чувствуется по обилию патетических вкраплений. Ее можно обнаружить и прямо, видя зачеркивания в подлинных текстах, отредактированных авторами. В частности, можно встретить такие пометы, которые были призваны смягчить высказанные в документах личного происхождения жесткие оценки. Так, в одном из дневников автор в предложении «как быстро мы докатились» местоимение «мы» заменил на «наши столовые» [9. Л. 66]. Такие поправки следует признать симптоматичными.

Здесь, во-первых, сказывалось влияние историографического канона освещения блокады, в котором многие блокадники видели недвусмысленное признание совершенного ими подвига. Другой схемы часто не знали, и она сильнее усваивалась, в том числе и потому, что пропагандировалась всеми средствами идеологического воздействия. В соответствии с этим каноном очевидцы блокады выстраивали свое повествование, заимствовали опробованные здесь различные формулировки и риторическую лексику.

Отмечалось прежде всего то, что обратило на себя внимание необычностью и драматизмом, что являлось самым значимым для спасения людей. Спокойствия рутинных записей, оттеняющих незначительные детали, мы здесь почти не встретим. Это вполне оправданно и понятно, но иногда не позволяет исследователю выявить повседневные блокадные практики во всем их многообразии.

Во-вторых, сдержанность в передаче страшных подробностей блокады в значительной мере была обусловлена присущими человеку этическими запретами. Не все современники были готовы описывать крайние формы физиологического и нравственного распада людей, особенно родных и близких. В этом видели бестактность по отношению к жертвам войны и нарушение семейных традиций.

В-третьих, детали конкретных событий могут ускользать от взгляда исследователя и в силу эмоциональности рассказов о войне, присущей источникам личного происхождения. Иногда эти детали заменены имеющими пафосный характер обобщениями. Желание людей высоко оценить тех, кто помог им в трудную минуту, делает ряд их характеристик идеализированными, лишенными про-

творечий и сложностей – иначе, впрочем, не могло и быть. Отметим также, что многие блокадники смогли наблюдать лишь малую частицу того, что происходило в городе в «смертное время». Их передвижения ввиду истощенности и отсутствия транспорта были весьма ограниченными. По поступкам нескольких человек они могли составить мнение о поведении всех и отстаивали его бескомпромиссно и с убежденностью, хотя многие оценки были основаны на свидетельствах других людей.

Вполне естественным являлось желание блокадников передать свои наблюдения в наиболее яркой форме, в литературном оформлении – в некоторых случаях это вело к хаотичности рассказа, преследовавшего в первую очередь художественные задачи, делало его менее достоверным, позволяло убирать на второй план не очень красочные эпизоды. Изучая свидетельства блокадников, мы также должны иметь в виду, что их внимание к тому или иному событию не всегда отражает степень важности его в ряду эпизодов осады Ленинграда, а высказанные ими мнения не всегда типичны для горожан в целом. При работе с источниками личного происхождения должны обязательно учитываться уровень культуры авторов документов, преобладающие интересы, способность к глубокому самоанализу. И, конечно, должны обязательно приниматься во внимание степень их ответственности за свое дело, желание оправдаться в своих поступках, личные симпатии и антипатии авторов – только в этом случае можно оценить подлинные мотивы их действий.

В целом различные источники личного происхождения содержат многочисленные свидетельства того, как жил блокадный Ленинград в тяжелейших условиях конца 1941 – начала 1942 г.

Город с истерзанными бомбежками улицами и домами, с заревом многочисленных пожаров не мог сам по себе не обращать на себя внимания современников. Первые бомбежки обезобразили город воронками, руинами, поваленными деревьями, битым кирпичом на окровавленных мостовых, выброшенной из домов мебелью. Всюду виднелись оборванные провода, под ногами хрустело стекло. З. В. Янушевич вспоминала, как после попадания бомбы в один из домов были разрушены окна всех зданий на расстоянии 200–300 м от него [18, с. 56]. В сентябре – ноябре 1941 г., пока город еще не пришел в упадок, пока спасатели могли оказать помощь каждому, улицы старались убирать от обломков и даже восстанавливать разрушенные дома. Потом на руины перестали обращать внимание. Не было ни сил, ни средств убирать их, как не было и уверенности в том, что завтра они вновь не будут стерты с лица земли, превратившись в груды камней.

Места, наиболее опасные при артобстреле, отмечались надписями на домах, окна и даже двери магазинов, предприятий и учреждений здесь обкладывались мешками с песком, заколачивались досками и щитами из фанеры; входили в них обычно не с улицы, а со двора [3, с. 145]. Одному из приехавших в Ленинград летом 1942 г. запомнилось, что на многих уцелевших зданиях были разбиты стекла [14, с. 201]. Пустые глазницы домов сразу придали улицам тот мрачный колорит, наложивший неизгладимый отпечаток на символику блокадного Ленинграда.

Вмерзшие в землю троллейбусы и трамваи, как и неубранные огромные снежные сугробы – это символы блокадных дней. Очевидцы вспоминают, что сугробы порой достигали роста человека, полностью скрывая от прохожих тротуары [13, с. 204; 1, с. 69]. Блокадники часто шли по тропкам, проложенным посередине улиц – здесь было меньше снега, поскольку даже в январе 1942 г. некоторые дороги очищались для проезда военных и эвакуационных машин. С изумлением отмечали, что какие-то места в это время даже посыпались песком [17, с. 41, 48], но это являлось скорее исключением, чем правилом. Поскольку снег некуда, да и некому было вывозить, его сгребали к обочине дороги. Создавались целые снежные горки – они хорошо видны на фотографиях, запечатлевших субботники весной 1942 г.

Город погрузился во тьму. Ввиду потерь в дневное время, самолеты противника бомбили город обычно ночью, иногда по наводке «ракетчиков», а нередко и вслепую. Освещение улиц прекратилось, жильцы домов были обязаны затемнять окна. В целях маскировки со зданий убирались таблички с названиями улиц и номерами домов [6, с. 272]. Камуфлировались купола и крыши знаменитых исторических зданий, наиболее ценные памятники обшивались досками, обкладывались мешками с песком, зарывались в землю.

Часть горожан пользовались на улицах электрическими фонариками, но они имелись не у всех. «Ужасная», «непроглядная», «абсолютная» тьма – таким запомнился город блокадникам [11, с. 192; 5, с. 181; 10, с. 402]. Нередко прохожие сталкивались, не замечая друг друга, на дороге, а при эвакуации одного из госпиталей больные даже сбивались с пути и «девушки-сестры подолгу разыскивали их в безлюдных переулках» [10, с. 402]. В блокадных анналах можно найти и рассказ о том, как женщина заблудилась в своем дворе, тщетно пытаясь найти дверь парадной [11, с. 192]. Особенно трудно было тем, кто плохо видел, кто падал, будучи истощенным, от малейшего толчка и не имел сил блуждать по закоулкам, не сумев различать даже контуры домов.

И люди на улицах стали другими. Замедленное и монотонное движение толпы, безразличие людей, их неразговорчивость и неповоротливость, мрачность лиц, нежелание уступать дорогу и придерживаться правой стороны – если это наблюдалось не всегда и не у всех, то все же являлось весьма заметным, что не могло не отразиться в записях очевидцев [16, л. 38; 13, с. 254]. Более быстрыми движения людей становились ввиду непредвиденных задержек (обстрелы, налеты), когда требовалось скорее дойти до столовой, работавшей до определенного часа, или к прилавку, чтобы не оказаться последним в очереди. Нараставшее безразличие к бомбежкам со стороны горожан отчетливо прослеживается в источниках [2, с. 58; 12, с. 237]. Голод, а не обстрел стал в «смертное время» главной темой ленинградцев. Характерен в этом плане дневник М.С. Коноплевой, где содержались подробные записи о первых бомбардировках и обстрелах в сентябре 1941 г., а затем более частыми стали записи о хлебе и пайках [9].

Среди разнообразных сведений, отмеченных в дневниках и воспоминаниях, содержится немало сообщений об участии ленинградцев в знаменитых «субботниках» по очистке города в марте – апреле 1942 г.

Попытки мобилизовать горожан на уборку снега предпринимались и в середине декабря 1941 г. Иждивенцев обязывали работать 8 часов в день безвозмездно. В «смертное время» этот почин, конечно, не мог получить размаха. «...Многие наши ходят, поковырявшись, возвращаясь измученными», – отмечено 17 декабря 1941 г. в дневнике А.В. Болдырева [5, с. 32].

11 февраля 1942 г. была создана городская чрезвычайная противоэпидемическая комиссия, а вскоре обратились и за помощью к тем, кто не обязан был выполнять трудовую повинность. 25 марта игра в «добровольные субботники» прекратилась. Все требовалось делать, как это часто и бывало при любых кампаниях, в необычайной спешке, за 12 дней, не считаясь с жертвами. Очисткой обязаны были заниматься мужчины от 15 до 60 лет и женщины от 15 до 55 лет. Те, кто работал на остановленных предприятиях, должны были трудиться 8 часов в день, на действующих – не менее двух часов в день. Дети и домохозяйки обязывались работать 6 часов в день. Были выданы особые книжки, в которых отмечалось время работы, уклоняющихся от нее задерживали патрули. Раздавались и угрозы лишить нарушителей «карточек». Каждому предприятию или учреждению отводились для уборки, как правило, близлежащие территории, иногда даже соседние улицы.

Март 1942 г. выдался очень холодным, лишь в начале апреля наступила оттепель, пошли дожди и снег стал быстро таять. В марте

же снег и лед должны были дробить ломами, кирками, лопатами [17, с. 65–66]. Не всем это было под силу, особенно если участь, что подавляющая часть работавших были женщины. Школьница Е. Мухина вспоминала позднее: «Силы в руках у меня никакой не было. Так что не только ломом копать лед, но и лопатой его подцеплять и кидать я не могла. Поэтому меня использовали в виде "лошади". Откуда-то притащенную металлическую ванну другие люди засыпали снегом и льдом, и несколько человек (а также и я) впряглись в сбрую из веревок и тащили эту ванну к Фонтанке. Путь был долог и тяжел. Тащили из последних сил. Прямо сказать – надрывались. На Фонтанке, напротив драматического театра им. Горького... те, кто был посильнее, сбрасывал лед в Фонтанку. Обрато мы старались идти как можно медленнее, чтобы успеть отдохнуть. А приезжали во двор, ванну сразу же вновь нагружали, и мы – "лошади" – опять брели с возом к Фонтанке. ...Прекрасно помню, что когда наконец кончилась эта пытка, то я на свой 4-й этаж поднималась не по-человечески – на двух ногах – на это не было сил, а ползла на четвереньках» [15, с. 338].

Современники оставили ценные свидетельства того, как постепенно менялся город, начиная с весны 1942 г. Военный хирург А. Коровин описывал увиденное им на Невском проспекте в марте 1942 г.: «Перед нами пышно клубился пар из дверей парикмахерской. Их оставалось немного в Ленинграде, но те, которые уцелели, работали с полной нагрузкой. Мы поднялись по истоптанным скользким ступеням и вошли в зал, наполненный запахами одеколона, керосина и табаку. Три лейтенанта в шинелях, с шапками, зажатými между колен, сидели согнувшись перед запотевшими зеркалами. Их стригли под "бокс". Двое упитанных штатских дремали на стульях в ожидании очереди. Пожилой полковник в папаче, куря трубку, быстро ходил из угла в угол. Узкая дверь, наглухо занавешенная прокопченной портьерой, вела в женское отделение.

...За тяжелую сырую портьеру проникали нарядно одетые женщины, существование которых в тогдашнем Ленинграде казалось совершенно непостижимым. Выходя из-за таинственной двери, они ошеломляли командиров монументальностью "перманента" и маникюром...» [10, с. 439–440]. С зимы 1942 г. город стал намного лучше расчищаться от снежных заносов. «Никогда не чистили от снега так тщательно улицы, как теперь», – отметил 19 декабря 1942 г. в дневнике В.Ф. Черкизов [17, с. 126]. Летом 1942 г. начали замечать нарядных женщин в шляпах. В декабре 1942 г. И.Д. Зеленская стала свидетелем и совсем необычной сцены: «Стояла группа женщин, чистивших снег, рядом из громкоговорителя звучал веселый плясовой мотив. И одна из женщин ловко откалывала на русского, ловко и

задорно, несмотря на неуклюжую, громоздкую обувь». Она пыталась внимательнее разглядеть ее. Нет, это не продавщица из булочной, обычное блокадное лицо, изможденное, немолодое, желтое, «но у нее была улыбка во весь рот и все вокруг нее улыбались, и метельщики, и встречные знакомые» [7. Л. 129].

Таким образом, письма, дневники и воспоминания представляют собой ценнейший источник о жизни блокадного Ленинграда. Они не могут претендовать на полноту описания пространства трагедии, выпавшей на долю города и его жителей. Физическое состояние блокадника, его возраст, присущие человеку этические запреты и другие факторы не позволяли многим авторам отобразить все реалии «смертного времени». Но и будучи, прежде всего, отражением индивидуального опыта и личных переживаний, данные источники позволяют с высокой степенью достоверности воссоздать картину блокадного города, наполненную лишениями и страданиями его жителей.

Список литературы

1. Байков В. Память блокадного подростка. – Л., 1989.
2. Бианки В. Лихолетье. 22.VI.41 – 21.V.42. – СПб., 2005.
3. Битва за Ленинград: проблемы современных исследований. – СПб., 2007.
4. Блюм А. Блокадная тема в цензурной блокаде // Нева. – 2004. – № 1.
5. Болдырев А.В. Осадная записка. – СПб., 1998.
6. Гречина О. Спасаясь спасая // Нева. – 1994. – № 1.
7. Зеленская И.Д. Дневник // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.) Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35.
8. Интервью с С.П. Сухоруковой // Нестор. – 2003. – № 6.
9. Коноплева М.С. В блокированном Ленинграде. Дневник. 8 сент. 1941 г. // Отдел рукописей Рос. национальной б-ки (ОР РНБ). Ф. 368. Д. 1.
10. Коровин А. Записки военного хирурга // Ленингр. альманах. – № 2. – Л., 1948.
11. Коц Е.С. Эпизоды, встречи, человеческие судьбы // Публичная библиотека в годы войны. – СПб., 2005.
12. Кулябко В. Блокадный дневник // Нева. – 2004. – № 2.
13. Левина Э. Письма к другу // Ленинградцы в дни блокады. – Л., 1947.
14. Сергеев В.П. Воспоминания // Живая память, 2010.
15. Сохрани мою печальную повесть. Блокадный дневник Лены Мухиной. – СПб., 2011.
16. Стенограмма сообщения Усова В.С. // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 332. Д. 131.
17. Черкизов В.Ф. Дневник блокадного времени // Тр. Гос. музея истории Санкт-Петербурга. – Вып. 8. – СПб., 2004.
18. Янушевич З.В. Случайные записки. – СПб., 2007.

Н. Д. Козлов, В. О. Левашко

Воспоминания участников и современников события как источник по истории Сталинградской битвы

В статье на основании большого количества мемуаров, прессы и других исторических источников, отображается вся палитра мнений современников об итогах и значении Сталинградской битвы.

In the article on the basis of a large number of memoirs, the press and other historical sources, you can see the whole range of opinions about the outcome and contemporary significance of the Battle of Stalingrad.

Ключевые слова: Сталинград, итоги, значение, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, СССР, Красная армия, окружение, катастрофа.

Key words: Stalingrad, results and value, Great Patriotic War, World War II, the Soviet Union, the Red Army, the environment, disaster.

Сталинградская битва – крупнейшая сухопутная битва в ходе Второй мировой войны. Она длилась с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г. при непрерывно возрастающем напряжении сил противоборствующих сторон. В течение первых четырех месяцев шли ожесточенные оборонительные бои, вначале в большой излучине Дона, а затем на подступах к Сталинграду и в самом городе. За этот период советские войска измотали рвавшуюся к Волге немецко-фашистскую группировку и вынудили ее перейти к обороне. В последующие два с половиной месяца Красная армия, перейдя 19 ноября 1942 г. в контрнаступление, разгромила войска противника северо-западнее и южнее Сталинграда, окружила и ликвидировала 330-тысячную группировку войск противника.

Сталинградская битва по продолжительности и ожесточенности боев, по количеству участвовавших людей и боевой техники превзошла в то время все сражения мировой истории. Она происходила на огромной территории. На отдельных этапах с обеих сторон в ней участвовало более 2 млн чел., до 2 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов, до 26 тыс. орудий. По результатам эта битва также превзошла все предшествующие. Под Сталинградом советские войска разгромили две немецкие (6-ю и 4-ю танковую), две румынские (22 дивизии) и одну итальянскую армию и итальянский альпийский корпус (10 дивизий), венгерскую армию (10 дивизий) и хорватский полк. Державы Оси потеряли большое количество людей и воору-

жений и впоследствии не смогли полностью оправиться от поражения. Впервые проигрыш захватчиков приобрел масштаб катастрофы.

Сталинградская битва является решающим сражением всей Второй мировой войны, в котором советские войска одержали крупнейшую победу. Эта битва знаменовала начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. В результате битвы Красная армия овладела стратегической инициативой, привела к изменению характера действий войск противника на Восточном фронте.

Значение Сталинградской битвы выходит далеко за военно-политические рамки. В результате поражения и потери около полутора миллионов человек, огромного количества вооружений и военной техники перед Германией остро встала проблема восстановления потерь, понесенных в технике и людях. В результате победы, одержанной советскими войсками, ослабло влияние Германии на ее союзников, обострились разногласия между ними, начался процесс отрезвления солдат и населения, углублялся кризис профашистских режимов в Италии, Венгрии, Румынии и Словакии, которые стали искать пути выхода из войны. Начался процесс развала фашистского блока. Испанский диктатор Франко решил отмежеваться от нацистов и вывел с Восточного фронта остатки разбитой «Голубой дивизии». В Финляндии генерал Маннергейм в 1943 г. отказался от предложенной ему Гитлером должности главнокомандующего финскими и немецкими войсками в этом районе. «Во время этой встречи (с президентом Рюти и министрами Вальденом и Таннером на совещании после капитуляции 6-й немецкой армии), – писал К. Г. Маннергейм, – мы решили, что большая война окончательно достигла своего поворотного пункта, и для Финляндии это означает необходимость поиска путей выхода из войны при первой же возможности» [20, с. 396]. Активизировалось движение Сопротивления фашизму в оккупированных европейских странах.

Не менее важное значение имела морально-психологическая победа советских войск. Психологический эффект битвы оказался столь высок, что впоследствии слово «Сталинград» стало нарицательным, таким же как слова «Канны» и «Верден», отождествляемые с сокрушительным и полным поражением. Впервые с начала войны удалось нанести столь масштабное поражение противнику, впервые взяты в плен свыше 90 тыс. солдат и офицеров противника, фельдмаршал и 24 генерала. Моральный дух немецкого населения и войск был подорван. «В моральном отношении немцы, – делился наблюдениями английский журналист А. Верт, находившейся в СССР в 1941–1946 гг. и посетивший в январе-феврале 1943 г. район битвы и Сталинград, – были совершенно оглушены и

не могли понять, что это такое вдруг произошло» [3, с. 357]. В германской армии увеличилось число случаев дезертирства и неповиновения командирам. Немецкие солдаты стали бояться ударов с фланга и окружения. Среди части высших офицеров и генералов зародились настроения, оппозиционные режиму. Впервые объявленный в Германии траур отрезвил миллионы немцев, признак неизбежного поражения впервые возник в сознании населения Германии.

В послевоенный период историки и политики давали неоднозначные оценки Сталинградской битве. Однако лишь после распада СССР и ослабления позиций России международные структуры и государства превратили историю в эффективное средство решения политических задач.

«На уровне глобальной элиты возникла объективная заинтересованность в новой концепции Второй мировой войны, базирующейся на признании равной ответственности СССР и Германии, тождестве "сталинизма" с нацизмом, которая позволила бы перевести СССР (Россию) из разряда стран-победителей, столпов современного миропорядка, в разряд потерпевшего поражения агрессора (Германия в 1945 г., СССР в 1991 г.), – считает заместитель директора Института стран СНГ И.С. Шишкин. – Запад, по новой концепции истории войны, спаситель человечества от чумы XX века – тоталитаризма (в форме нацизма и "сталинизма"), а Российская Федерация, как и послевоенная Германия, правопреемник агрессивной тоталитарной империи со всеми вытекающими отсюда последствиями». Цель новой концепции войны, утверждает ученый, «превратить Россию из субъекта мировой политики в объект реализации интересов глобальной элиты». Для части отечественной элиты, занимающей в правящем слое и средствах массовой информации влиятельные позиции, опирающейся на бизнесменов и коррумпированных чиновников, «оффшорную аристократию», сформировавшуюся в 90-е гг. XX в., «Великая Победа оказалась одним из главных препятствий на пути к очередному «светлому будущему», препятствием в разрушении «империи зла». Для другой части, продолжает исследователь, «конфликт с Западом, да еще из-за какой-то трактовки истории, совершенно не нужен». В то же время даже самые патриотически настроенные представители элиты, ратующие за величие России и искренне гордящиеся Победой, постоянно клянутся в верности европейскому выбору и европейским ценностям и призывают историю оставить историкам [37].

Фальсификацией истории ради самой фальсификации никто не занимается. Цель фальсификаторов – не искажение прошлого, а решение геополитических проблем, разрушение цивилизационных

основ государства и народа. «...Пересмотр истории – это вызов не отечественной исторической науке, а Отечеству, – пишет И. Шишкин. – Идет большая политическая игра, ставка в которой будущее России и ее народа, а не та или иная трактовка событий 70-летней давности. Меняя отношение к прошлому, мы меняем будущее, причем это не теория, а хорошо известная нам практика. Историческое оружие уже доказало свою силу в период развала СССР» [31].

В русле новой концепции наблюдается стремление принизить и значение Сталинградской битвы, свести ее к крупной, но рядовой военной операции. В российской историографии появились работы, в которых советское руководство объявляется менее гуманным, чем германское военное командование в районе Сталинграда, что вольно или невольно принижает значение битвы, способствует реабилитации последнего [23, с. 124, 131, 187–194, 294].

В статье результаты и значение Сталинградской битвы рассматриваются в оценках и выводах, мнениях и суждениях ее участников и современников, людей разной политической ориентации, социального статуса, граждан разных стран и противоборствовавших сил. В условиях политизации истории и исторического нигилизма, когда умышленно «забываются» реалистические оценки видных политических и военных руководителей и представителей общественности разных стран того времени, они представляют значительный интерес.

Контрнаступление Советской армии закончилось капитуляцией 6-й немецкой армии во главе с ее командующим Ф. Паулюсом. 3 февраля 1943 г. все газеты опубликовали сообщение о ликвидации 330-тысячной немецко-фашистской группировки, окруженной в районе Сталинграда. Эта весть вызывала у людей чувство радости, укрепляла уверенность в победе. В результате патриотического подъема повсеместно проходили митинги и собрания, на которых граждане брали повышенные трудовые обязательства, объявляли стахановские вахты. Под влиянием победы под Сталинградом усилилось патриотическое движение по сбору средств в фонд Красной армии, помощь раненым.

«Большую радость вызвало сообщение о полной ликвидации немецких войск в районе Сталинграда», [9, с. 530] – записал в своем дневнике 3 февраля 1943 г. профессор, горьковчанин Н.М. Добровтор. «Тогда мы просыпались и засыпали с мыслью о Сталинграде. Тогда никто еще не знал, чем и когда закончится эта битва. Но все мы – в Ленинграде, в Москве, на Урале, весь наш народ, и каждый из нас в отдельности, – понимали одно: там идет борьба не на жизнь, а на смерть. Мы физически ощущали нечеловеческое напряжение этой битвы. За тысячи верст мы своими нервами были связа-

ны с ее участниками. Мы не могли свободно дышать, а сердца наши были придавлены невероятной тяжестью. Мы знали, что Сталинград – это предел, предел наших сил и сил нашего врага», – так передавал морально-психологическое напряжение, характерное для массового сознания населения в дни битвы в своих воспоминаниях ленинградец Г.А. Кулагин. Победа же под Сталинградом была великим переломом «и не только на фронте, не только в ходе всех военных действий, – сделал он вывод. – Это был великий перелом в сознании, в чувствах, настроении людей во всем мире. И значение этой победы было как-то сразу, мгновенно, всенародно осознано. ...В осажденном Ленинграде сталинградская победа была воспринята с особенной радостью» [18, с. 295–296].

С победой под Сталинградом большой подъем охватил советских людей. Характерные для первого периода войны некоторая растерянность индивидуального и массового сознания, отдельные проявления психологического шока и антисоветизма, присущие сознанию части граждан на начальном этапе, и некоторые другие негативные явления с достижением перелома в развитии военных действий преодолевались. Усиливались в сознании народа оптимизм, уверенность в окончательном разгроме врага, доверие к власти и руководству, ненависть к захватчикам.

Развернутую характеристику Сталинградской битвы, оценку ее военно-политического значения и стратегических последствий в своих воспоминаниях дали известные советские полководцы, принимавшие непосредственное участие в сражении. Огромное значение исхода и результатов противоборства у стен Сталинграда понимали обе воюющие стороны. Бывший командующий 62-й армией В.И. Чуйков отмечал: «Сталинград в 1942 году оказался...таким объектом, в котором сошлись главные стратегические, политические, экономические и престижные цели и задачи всей войны» [30, с. 81]. Это прекрасно понимали даже солдаты и младшие офицеры и в лагере противника. Уже 19 ноября 1942 г. в донесении одной из рот, полученном из Сталинграда, говорилось следующее: «Если нам не удастся удержать Сталинград или очистить его от русских, война для нас окончательно проиграна» [32, с. 291].

Генерал-полковник, будущий Маршал Советского Союза А.И. Еременко с августа 1942 г. по февраль 1943 г. принимал участие в сражении, командовал Сталинградским фронтом. В своих мемуарах он глубоко и всесторонне изложил развитие событий на основе личных воспоминаний, архивных документов и материалов участников битвы, изложил то, что видел, то, что пережил, передумал и перечувствовал в ходе битвы и после ее окончания. В результате непредвзятого анализа он пришел к выводу о том, что

«Сталинградская битва явилась величайшим событием в истории минувшей войны, которое ознаменовало перелом в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны». В итоге «окончательный захват стратегической инициативы и перелом в войне произошел в результате нашей победы под Сталинградом и в дальнейшем он был закреплен в битве под Курском и на Днепре» [7, с. 469–470].

Стратегические последствия разгрома немецко-фашистских войск на Волге, их влияние на последующий ход войны отмечали и другие известные полководцы. «Победа наших войск под Сталинградом ознаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало массового изгнания вражеских войск с нашей территории, – писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. – С этого времени советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны» [8, с.116].

Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба А.М. Василевский координировал деятельность фронтов в период обороны и наступления Красной армии под Сталинградом, разрабатывал план операции по разгрому вражеской группировки. Подводя ее итоги, он отмечал, что после поражения под Сталинградом фашистская Германия, несмотря на все усилия, не смогла восстановить былую боеспособность своей армии, преодолеть глубокий военно-политический кризис. «Сталинградскую битву по праву определяют как крупнейшее военно-политическое событие всей Второй мировой войны, – подчеркивал А.М. Василевский. – Именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации» [2, с. 272].

Нарком Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецов, раскрывая боевой вклад Волжской флотилии, также подчеркивал, что «самым важным итогом этой битвы было то, что стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Советских вооруженных сил». Она «ускорила освобождение временно оккупированных врагом районов нашей страны и приблизила конец Второй мировой войны на Западе и на Востоке» [17, с. 230, 242].

Другие военные специалисты отмечали проявления коренного перелома в различных сферах и областях военной поры. Заместитель наркома авиационной промышленности А.С. Яковлев, в частности, подчеркивал, что «гитлеровцы потерпели катастрофическое поражение, от которого они уже больше не смогли оправиться... Не смогла оправиться и гитлеровская авиация» [33, с. 314].

В странах антигитлеровской коалиции широкие круги были информированы о событиях под Сталинградом. Преобладали реалистические оценки и признание того факта, что победа достигнута советским оружием, мужеством советских воинов и она сыграла решающую роль в коренном переломе хода Второй мировой войны в пользу антифашистских сил. После победы под Москвой общественность и правительство США правильно оценивали решающее значение активного советского фронта и неоднократно отмечали ведущую роль Советского Союза в борьбе против общего врага.

Уже в конце 1941 г. президент Ф. Рузвельт писал, что оборона СССР «является жизненно важной для Соединенных Штатов». В мае 1942 г. он говорил: «Русские уничтожают больше солдат противника и больше вооружений и снаряжения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые» [11, с. 6]. Он внимательно следил за развитием событий в сражении на Волге, неоднократно восхищался мужеством и героизмом советских людей, давал высокую оценку деятельности командиров и военно-политического руководства страны.

19 августа 1942 г. в письме к И. Сталину Ф. Рузвельт писал: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна». 5 октября он посылает «самые сердечные поздравления с великолепными победами советских армий», а 9 октября подчеркивал: «Доблестная оборона Сталинграда глубоко взволновала в Америке всех, и мы уверены в ее успехе». В дальнейшем Ф. Рузвельт отмечал «боевые качества и силу советской армии», «хорошую работу», «самые обнадеживающие вести из района Сталинграда», «с глубоким и вечным чувством благодарности» передает от имени Конгресса и народа США поздравления вооруженным силам и их семьям». Он выражал «восхищение отвагой, стойкостью и воинской доблестью великих русских армий», давал «высокую оценку продолжающегося наступления армий» [24, с. 28–29, 31, 33, 35, 36, 42, 44, 46].

Блестящая победа «у Сталинграда...», а также решающий результат, который американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей, – признавал Президент Соединенных Штатов в послании Верховному Главнокомандующему И. Сталину 5 февраля 1943 г. – Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы по-

крыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага» [24, с. 51].

В связи с 25-й годовщиной Красной армии он выражал «глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными в истории победами», бессмертным Сталинградским сражением, подчеркивал, что Красная армия и русский народ заставили вооруженные силы Германии идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов» [24, с. 55–56]. В грамоте, переданной городу Сталинграду, Президент писал, что замечательная победа под Сталинградом явилась «поворотным пунктом в войне Соединенных Наций против сил агрессии».

В годы войны справедливые и высокие оценки роли Красной армии и во Второй мировой войне, и сражениям на советско-германском фронте в целом, и Сталинградской битве в частности давали государственный секретарь Е. Стеттиниус, начальник штаба армии США Дж. Маршалл и верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе генерал Д. Эйзенхауэр, другие политики и видные военные деятели США. «Величайший дар, который русские преподнесли Объединенным Нациям, – признавал министр внутренних дел США Г. Икес, – это время, без которого Англия не смогла бы даже залечить раны, полученные в Дюнкерке, а Соединенные Штаты не смогли бы развернуть военное производство и создать армии и флоты, способные нанести противнику удар в Европе с достаточной силой» [15]. «Когда гитлеровцы капитулировали, ликование нашему не было предела, – вспоминал участник Второй мировой войны, американский астронавт Д. Слейтон. – Все понимали, что это поворот в войне, что это начало конца фашизма» [25].

Общественность и пресса США также исключительно высоко оценивали значение Сталинградской битвы. 21 сентября 1942 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщала, что на залитых кровью улицах Сталинграда русские остановили нацистов и «мир ожидает исхода величайшей битвы в истории». Газета выражала уверенность, что Сталинград устоит и «Россия одержит победу, сравнимую по своей стратегической значимости с победой в битве за Англию», так как выиграно время, преподан урок самоотверженности и враг измотан [36]. Газета «Канзас Сити таймс» Сталинградской битве и ее итогам посвятила серию статей. 3 февраля 1943 г. канзасская газета на первой странице опубликовала статью «Сталинград!», где сообщала о том, что немецкая армия разбита под Сталинградом. Эта битва «поворотный пункт в войне и величайшая катастрофа для немецкой

армии на протяжении всей Второй мировой войны», – утверждало издание [35].

С большим вниманием и интересом наблюдали за развитием событий на советско-германском фронте, и подобные оценки им в годы войны давали и английские официальные лица. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль 24 ноября 1942 г. в послании Верховному Главнокомандующему И. Сталину писал: «Мы следим за наступлением, затаив дыхание». 24 декабря в очередном послании он подчеркивал: «Мы все с восхищением следим за великолепными наступательными операциями, которые проводит Красная Армия». В других посланиях он отмечал, что союзники «глубоко ободрены растущими размерами Ваших побед на юге», восхищался «изумительными подвигами советских армий», восторгался: «то, что Вы делаете, просто не поддается описанию» [24, с. 94, 98, 104]. «Цепь необыкновенных побед, – писал У. Черчилль 14 февраля, оценивая результаты Сталинградской битвы, –... лишает меня возможности найти слова, чтобы выразить Вам восхищение и признательность, которые мы чувствуем по отношению к русскому оружию» [24, с. 111].

Выступая летом 1943 г. в Квебеке, он в очередной раз подтвердил, что русские выносят «основной и самый сильный натиск гитлеровских армий», а успехи на западных фронтах были бы невозможны, «если бы не доблестный подвиг и триумф русской армии». «Россия не только устояла и оправилась от страшных ран, – продолжал он, – но и нанесла германской армии смертельный удар, чего не смогла сделать ни одна другая армия в мире» [1, с. 1].

А. Верт в результате собственных наблюдений в районе сражения, общения с его участниками, сделал вывод: «Я обнаружил как у солдат, так и офицеров такое чувство уверенности в своих силах, какого никогда прежде в Красной армии не встречал. ...Никто не сомневался, что это и есть тот самый перелом в ходе Второй мировой войны, которого так долго ждали» [3, с. 356, 390].

Вскоре после войны У. Черчилль, признавший в ходе ее выдающееся значение победы Красной армии под Сталинградом, стал по-другому оценивать роль СССР. В разгар «холодной войны», одним из инициаторов которой он был, в своих мемуарах «Вторая мировая война», он стал замалчивать ее роль, изложил другие оценки на ход военных событий. В мемуарах Черчилль писал, что битва за Эль-Аламейн «фактически знаменовала собой «поворот судьбы», после которого «мы не понесли ни одного поражения», а другие сражения в Северной Африке называет «блестящим успехом», выдающейся операцией [29, с. 618, 629]. Вслед за ним фельдмаршал Б. Монтгомери, бывший командующий британскими войсками в Се-

верной Африке, поставил на первое место боевые действия англичан у Эль-Аламейна, а затем Сталинградскую битву: «Развитие операций в Северной Африке и продвижение 8-й армии, а также советское наступление от Волги стали поворотными пунктами войны: «ось» была вынуждена перейти к обороне» [34, с. 2].

Интерес представляют прогнозы и оценки, содержащиеся в статье Мао Цзедунa о Сталинградской битве, написанной в трудные для нашей страны дни октября 1942 г. Наблюдения и глубокий анализ событий позволили ему дать верные оценки, точно предвидеть дальнейший ход и исход войны. Во-первых, автор пришел к выводу, что все без исключения стратегические замыслы Гитлера в войне против Советского Союза потерпели крах. Во-вторых, новый этап войны начнется зимой. В-третьих, писал Мао Цзедун, Сталинградская битва предопределяет гибель Гитлера и непосредственно отразится на Дальнем Востоке. Сталинградская битва определит судьбу всей Второй мировой войны [22]. Подчеркнем еще раз то обстоятельство, что эти выводы и оценки были сделаны в октябре 1942 г., когда на Волге шли тяжелейшие оборонительные бои.

Боевые успехи Красной армии, результаты Сталинградской битвы привлекали широкое внимание мировой печати, с обзорами которой советского читателя регулярно знакомили центральные издания. В конце января 1943 г. турецкая газета «Истяклиль» писала, что одним из самых замечательных и самых выдающихся по своему значению военных событий «является трагическая участь, постигшая немецкие войска под Сталинградом», где «немецкую армию постигла полная катастрофа». В эти же дни обозреватель газеты «Сон тельграф» напоминал, что «в истории никогда не было еще такого случая, чтобы выигрывались ошибочно начатые войны», и указывал на неизбежность поражения Германии в войне [13].

3 февраля обозреватель агенства Ассошиэйтед Пресс оценил победу Красной армии под Сталинградом как величайшую победу во всей Второй мировой войне, как поворотный пункт. «Борьба за Сталинград является одним из величайших мировых сражений», – подчеркивалось в издании. «Мы не раз заявляли и повторяем это и сейчас, – писала тегеранская газета «Кушан», что битва под Сталинградом была самым великим сражением в истории человечества. Под Сталинградом Красная армия показала высочайшие образцы человеческой стойкости и мужества во имя защиты отечества».

Английская печать в эти дни отмечала «огромное стратегическое и моральное значение», подчеркивала, что окружение и ликвидация под Сталинградом немецкой группировки численностью в

330 тыс. чел. означает для немцев «военную катастрофу гигантского масштаба» [14].

Шведские газеты, посвятившие разгрому и уничтожению немецко-фашистских войск передовые статьи, оценивали событие как «самое крупное и самое чувствительное поражение за все время нынешней мировой войны» [10].

Автор обзора, посвященного победе Красной армии под Сталинградом, английский журналист У. Стид напомнил читателям о книге под названием «15 решающих мировых битв» и поставил вопрос о месте, которое отведут будущие историки битве за Сталинград. И тут же дал ответ на свой вопрос. «Это великое испытание военной силы не имеет себе равного и может привести к исключительно знаменательным последствиям, – писал он. – Легенда о непобедимости германской армии уничтожена. Военное руководство Гитлера дискредитировано, его личному престижу нанесен сокрушительный удар. Историки могут рассматривать битву под Сталинградом как поворотный пункт в судьбах Европы и быть может всего мира». Военный обозреватель канадской газеты «Стар» писал, что разгром и уничтожение германских войск под Сталинградом приближает окончательный крах Германии, является для нее катастрофой [14].

Таков был восторженный тон искренних и вынужденных, но объективных оценок западных политиков и общественности, признание решающей роли Красной армии в коренном переломе хода войны в пользу антифашистских сил.

В многочисленных воспоминаниях немецких участников и современников Сталинградского сражения, большинство авторов которых объединяет стремление возложить ответственность за военные поражения на А. Гитлера и оправдать собственные поступки и деятельность, даны различные оценки и содержатся различные мнения о результатах и последствиях победы, одержанной советскими войсками на Волге.

Одним из первых предпринял попытку принизить значение победы Красной армии под Сталинградом фельдмаршал Э. фон Манштейн, который в своей книге «Проигранные победы» стремился показать, что Сталинград не был поворотным пунктом войны, так как «то или иное отдельное событие не может считаться решающим». Не имея возможности полностью отрицать последствия поражения немецко-фашистских захватчиков, он свое мнение обставлял множеством оговорок. «Конечно, Сталинград постольку является поворотным пунктом в истории Второй мировой войны, поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, – писал Манштейн. – Но как ни тяжела была утрата 6-й армии, это не озна-

чало еще проигрыша войны на Востоке и тем самым войны вообще. Все еще можно было добиваться ничейного исхода, если бы такую цель поставила перед собой немецкая политика и командование вооруженных сил». И тут же гитлеровский фельдмаршал утверждает, что исход войны зависел от совокупности факторов, «самым значительным из которых, вероятно, тот, что вследствие политики и стратегии Гитлера Германия в конечном итоге оказалась безнадежно слабее своих противников» [21, с. 283, 284].

Определенная противоречивость мнений характерна для воспоминаний ряда других немецких генералов, которые в конечном итоге в ряде случаев приходят к вполне определенным объективным выводам. Генерал Бино Цизер, прибывший на советско-германский фронт в распоряжение командующего 2-й танковой армии генерал-полковника Р. Шмидта, которая осенью 1942 г. дислоцировалась в районе Орла и Брянска, в своих воспоминаниях «Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941–1943» заметил «неприятель и критическое отношение к режиму» командующего и офицерского корпуса. «Явно чувствовалось, что офицеры, даже в высоких чинах, хотя и продолжают храбро сражаться, но тем не менее убеждены, – писал он, – что победа недостижима». В дальнейшем в качестве командира 17-й танковой дивизии он принимал участие в боях под Сталинградом. Б. Цизер, анализируя собственные наблюдения и результаты битвы, вслед за Манштейном утверждал, что «Сталинградская битва оказалась одной из нескольких решающих битв Второй мировой войны». Однако дальше справедливо подчеркивал, что она «явилась кульминационным моментом, после которого державам оси были навязаны оборонительные действия» и, несмотря на то, что на этом поворотном пункте война не завершилась, побежденная сторона, потерявшая инициативу, не имела «хоть какой-то шанс изменить исход войны». «После такой битвы, как Сталинград, – продолжал немецкий генерал, – настало время, когда стратегию должны определять политики, при условии, что они хотят положить конец войне» [28].

После войны Сталинградскую битву переломным моментом Второй мировой войны считали многие бывшие немецкие генералы, объективно анализировавшие это историческое событие и его влияние на судьбы Европы и мира. Немецкие генералы, прежде всего, отмечали масштабы и последствия катастрофы на Волге для Германии и немецкого народа.

Генерал-лейтенант Курт фон Типельскирх, служивший советником при командующем 8-й итальянской армии на Дону, а с декабря 1942 г. фактически командовавший этой армией, впоследствии писал: «Результат наступления оказался потрясающим: одна немецкая и три союзные армии оказались уничтоженными, три другие

немецкие армии понесли тяжелые потери. По меньшей мере пятидесяти немецких и союзных дивизий больше не существовало. Остальные потери в общей сложности составляли еще 25 дивизий» [19, с. 365]. В результате анализа немецкий генерал, ставший историком, приходит к выводу: «Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немецкий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое...» [19, с. 265].

Генерал-лейтенант З. Вестфаль отмечал огромный моральный ущерб, нанесенный населению Германии, и падение боевого духа на фронте. «Поражение под Сталинградом, – писал он, – повергло в ужас, как немецкий народ, так и его армию» [4, с. 26]. Фельдмаршал Манштейн к тому же отмечал, что союзные румынские войска были полностью деморализованы, а командование вынуждено было снять их и отправить в тыл [21, с. 405], и в дальнейшем Германия не могла рассчитывать на новые призывные контингенты своих союзников.

Начальник генерального штаба сухопутных войск в 1942–1944 гг. генерал-полковник К. Цейтцлер, подводя итог Сталинградской битве, сделал лаконичный, совершенно определенный вывод: «Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны» [27, с. 209].

Генерал Г. Дерр с июня 1942 г. принимал участие в сражении на Волге. Вслед за Манштейном он возлагал ответственность за катастрофу немецкой армии на Гитлера. В то же время записи, которые он вел, высокие занимаемые им посты дали ему возможность составить полное представление об обстоятельствах, масштабах и последствиях катастрофы. Размышляя о ее последствиях, объективно анализируя многочисленные документы и факты, собственные наблюдения и свидетельства других участников, генерал пришел к обобщенному объективному выводу о значении Сталинградской битвы для исхода Второй мировой войны, для судеб нашей страны и человечества в целом: «...Сталинград стал поворотным пунктом Второй мировой войны, – утверждал Г. Дерр. – Для Германии битва под Сталинградом была тяжчайшим поражением в ее истории, для России – ее величайшей победой. Под Полтавой (1709) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав» [6, с. 15].

Особый интерес, на наш взгляд, представляют размышления и выводы офицера 6-й армии И. Видера, изложенные в его книге «Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса». Интересно то обстоятельство, что ее автор подверг рез-

кой и аргументированной критике взгляды и оценки Сталинградской битвы фельдмаршала Манштейна. Среди катастрофических последствий Сталинграда автор выделяет огромные потери в живой силе и технике, падение боевого духа на фронте и моральный ущерб, нанесенный германскому тылу. Последнее подтверждают также результаты изучения содержания писем немецких солдат и офицеров, находившихся в Сталинграде, произведенные по распоряжению штаба оперативного командования вермахта с целью выявления мыслей и настроений в окруженных войсках. После изучения семи мешков последних писем информационный отдел сухопутных войск установил: недоверчивое, отрицательное отношение к ведению войны выражали 57,1 % их авторов; оппозиционное – 3,4 %; сомневающееся – 4,4 %; 33 % в связи с опасениями военной цензуры были без какой-либо оценки. За восемь дней в январе 1943 г. только в четырех дивизиях вермахта, расположенных на юге и западе Сталинграда, за трусость, дезертирство, уход с позиции и кражу продовольствия были приведены в исполнение триста шестьдесят четыре смертных приговора [32, с. 112].

Немецкий офицер И. Видер также отмечал осложнение внутриполитической обстановки в Германии и резкое ослабление ее внешнеполитических позиций, окрепнувшую веру СССР в собственные силы и переход инициативы к советским войскам. В итоге, сделал он вывод, Сталинград был «немыслимым дотоле поражением, поворотным пунктом всей минувшей войны». В заключение автор назвал Сталинград современными «Каннами», и один из немногих бывших противников объективно указал причины победы, которыми, по его мнению, были не только численный перевес и превосходство человеческих и материальных ресурсов, справедливый освободительный характер борьбы советского народа, но и результат слияния «большевистского государственного строя и советского патриотизма, превратившихся в решающий фактор мировой политики» [5, с. 112].

Эти суждения и оценки, высказанные бывшим противником, которые можно умножать, убедительно показывают значение Сталинградской битвы для исхода Второй мировой войны. В советской листовке «Что говорят 22 немецких генерала?» (март 1943 г.) приводилось заявление бывшего командующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса: « В истории войн известно много случаев, когда борьба за судьбу одного города решала исход данной войны. Приказывая любой ценой удержать Сталинград, фюрер знал, что поставлено на карту. Он знал, что от исхода битвы за Сталинград зависит судьба похода на Восток и вообще исход всей войны. Поэтому я держался до конца» [26, с. 539]. Своеобразно катастрофические последствия поражения под Сталинградом признал

и А. Гитлер, который на совещании высшего командования вермахта 1 февраля 1943 г. вынужден был заявить, что «возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует» [37].

Сам факт обилия признаний, мнений, оценок, суждений и размышлений современников и участников Сталинградской битвы, высказанных «по горячим следам» представителями общественности, политическими и военными деятелями разных стран и противоборствовавших сторон, свидетельствует о понимании ими особой значимости события.

В ходе войны, несмотря на их неоднородность, преобладали объективные, реалистические оценки и признания победы, достигнутой советским оружием, искусством и мужеством советских солдат и офицеров, решающей роли Сталинградской битвы в коренном переломе во Второй мировой войне, ее влиянии на судьбы человечества. Одни делали это искренне, другие – вынужденно, третьи, понимая роль и значение СССР в разгроме общего врага, руководствовались прагматичными расчетами.

Победу под Сталинградом как крупнейшее сражение и переломный пункт всей Второй мировой войны, несмотря на стремление оправдаться, пусть и с оговорками, вынуждены были признать и большинство бывших немецких генералов.

В условиях «холодной войны» началось искажение подлинных событий на фронтах Великой Отечественной войны, отрицание коренного перелома, достигнутого Красной армией на советско-германском фронте, замалчивание и искажение ее роли в разгроме общего врага.

Официально признано, что «холодная война» закончилась. Выводы, оценки и прогнозы участников и современников исторических событий, несмотря на антисоветские предубеждения многих из них, оказавшиеся способными в острые исторические моменты объективно оценивать политические реалии и давать справедливые оценки, должны стать уроком для современных хулителей прошлого.

Духовное здоровье российского общества, его будущее зависит от исторической памяти, укрепления духовных и цивилизационных основ нации, способности отстаивать свои ценности, свое право быть самим собой.

Список литературы

1. Британский союзник. – 1943. – № 36(56).
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 1973.
3. Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М., 1967.
4. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г., Байерлайн Г. и др. Роковые решения. – М., 1958.

5. Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. – М., 1965.
6. Дерр Г. Поход на Сталинград. – М., 1957.
7. Еременко А.И. Сталинград: Записки командующего фронтом. – М., 1961.
8. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1978. Т. 2.
9. Забвению не подлежит. Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. 3. – Н. Новгород, 1995.
10. Известия. – 1943. – 5 февр.
11. Коммунист. – 1965. – № 7.
12. Красная звезда. – 1943. – 29 янв.
13. Красная звезда. – 1943. – 3, 4 февр.
14. Красная звезда. – 1943. – 6 февр.
15. Красный Флот. – 1944. – 27 июня.
16. Кубань сегодня. – 2012. – 11 дек.
17. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1987.
18. Кулагин Г.А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. – Л., 1978.
19. Курт Типельскирх История Второй мировой войны. – М., 2001.
20. Маннергейм К. Г. Воспоминания / пер с агл. – Мн., 2004.
21. Манштейн Эрих фон Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. – М., 2009.
22. Мао Цзедун. Переломный момент в ходе Второй мировой войны // Военно-истор. журн. – 2003. – № 2.
23. Павлов В.В. Сталинград. Мифы и реальность. Новый взгляд. – СПб., 2003.
24. Переписка Председателя Совета Министров с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). 2-е изд. – М., 1986.
25. Правда. – 1975. – 29 сент.
26. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. / под общ. ред. В.А. Жилина. Кн. 2. – М., 2002.
27. Цейтцлер К. Сталинградская битва // Роковые решения. – М., 1958.
28. Цизер Б. Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941-1943. URL://http://www.theunknownwar.ru/benno_czizer_doroga_na_stalingrad_vospominaniya_nemetskogo_pexotinza_1941-1943.
29. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3–4. Поворот судьбы. – М., 2011.
30. Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. – М., 1984.
31. Шишкин И. Пакт Молотова-Риббентропа: возвращение в большую политику // Военное обозрение. – 2011. – 20 дек.
32. Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. – М., 2004.
33. Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. – М.: Политиздат, 1967.
34. Montgomery B. From Normandy to the Baltic. – London, 1947.
35. The Kansas City Times. 1943. 3 Feb.
36. The New York Times. 1942. 21 Sep.
37. URL:// <http://battle.volgadmin.ru/Battle/15-01> asph

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930(47+57)«1840/1860»

Л. Ю. Гусман

Историография русской либерально-дворянской, конституционалистской эмиграции 1840-х – 1860-х гг.

В статье дан краткий анализ историографии изучения российской конституционалистской эмиграции 1840-х – 1860-х гг. Автор исследует основные тенденции развития научных подходов к теме в дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной исторической литературе.

The article is devoted to a brief analysis of the historiography of the study of the Russian constitutionalistic emigration of 1840–1860s. The author examines the main trends in the development of scientific approaches to the subject in pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet and foreign historical literature.

Ключевые слова: Россия, историография, конституция, либерализм, Долгого, Тургенев, исследование, анализ.

Key words: Russia, historiography, the Constitution, liberalism, Dolgorukov, Turgenyev, research, analysis.

Борьба социально-политических течений в России XIX в. надолго предопределила судьбу страны. Именно тогда сформировались консервативное, либеральное и социалистическое направления общественной мысли. Наряду с ними за границей в 1840-е – 1860-е гг. оформилась русская либерально-конституционалистская эмиграция, которая стремилась превратить Россию в правовое государство и являлась частью идейной жизни страны. Предложенная эмигрантами программа коренных перемен в российском государственном устройстве оказалась неприемлемой как для большинства социалистов, так и для самодержавной власти, одинаково враждебных политическому либерализму.

Исследователи истории отечественного либерализма лишь изредка касались проблемы взаимодействия эмигрантского и внутрироссийского конституционализма середины и второй половины XIX в. Изучение судьбы конституционного движения 1860-х гг., его недолгой популярности и неудачи позволяет сделать выводы о причинах выживания строя неограниченного самодержавия, несмотря на «кризис верхов» середины XIX столетия. В настоящее время, ко-

гда дискуссия о судьбе и перспективах русского либерализма ведется не только историками, но и публицистами, необходимо в возможно более полном объеме выявить истоки этого идейного течения, эволюцию его основных разновидностей.

До революции 1905 г. историография российского конституционного либерализма развивалась главным образом за границей, где отсутствовали цензурные препятствия для изучения оппозиционных движений. Авторы, писавшие на данную тему, выступали не только как исследователи, но и как активные публицисты. В связи с этим для их работ характерна откровенная политическая тенденциозность. Большинство русских эмигрантов второй половины XIX в. придерживалось враждебных к либерализму социалистических взглядов, поэтому естественно, что их интересовала, прежде всего, история отечественного социализма, а не конституционализма.

Ситуация изменилась только в конце 1880-х гг., когда наметилась тенденция к сближению социалистов и левых либералов на общей антисамодержавной политической платформе. Именно представители этих «объединительных» взглядов М.П. Драгоманов [9, с. 5–20] и В.Л. Бурцев [4] впервые обратились к изучению истории русской либерально-конституционалистской идеологии. Они аргументированно доказывали широкую популярность антиабсолютистских настроений в русском образованном обществе конца 1850-х – 1860-х гг. Их главная заслуга заключалась в том, что эти авторы впервые поставили вопрос о дворянских адресах конца 1850-х – начала 1860-х гг. как о программных документах конституционного движения [10, с. 6–8].

Однако публицистическая заданность превалировала и у них над анализом конкретных фактов. К тому же М.П. Драгоманов и В.Л. Бурцев, совершенно не использовали печать либеральной эмиграции 1860-х гг., а особенно сочинения П.В. Долгорукова. Перепечатывая отдельные отрывки из сочинений русских конституционалистов, они не давали содержательной интерпретации взглядов российской либеральной эмиграции середины XIX в.

Большое внимание к нелегальной русской печати проявляли социал-демократы. Так, еще в 1895 г., находясь в Берлине, В.И. Ленин читал в местной библиотеке две книги П.В. Долгорукова: «Verite sur La Russie» и «Des reformes en Russie», которые содержали подробное изложение программы русского конституционализма начала 1860-х гг. [28, с. 86]. Внимание Ленина к изданиям конституционалистской эмиграции объяснялось его взглядами на тактику русского освободительного движения конца XIX в. В это время он рассматривал возможность создания в России двух революционных партий, действующих в тесном союзе, но сохраняющих идейную и организа-

ционную самостоятельность – социалистической рабочей и буржуазно-демократической [24, с. 344–345; 25, с. 440–441, 464–465]. Поэтому интерес Ленина к изданиям либеральной эмиграции середины XIX в. не являлся случайностью. Следует отметить, что даже русские конституционалисты начала XX в., в отличие от социал-демократов, не знали публицистики своих политических предшественников, хотя и рассматривали «эпоху великих реформ» как время неиспользованных возможностей для превращения абсолютной монархии в представительную.

К социал-демократическому течению эмигрантской историографии принадлежат работы Г.А. Куклина [20], В.Я. Богучарского и Н.И. Иорданского. Их исследования отличались значительной научной новизной. Так, Куклин подробно изложил содержание сочинений И.Г. Головина и Н.И. Тургенева, хотя и преувеличил степень их революционности. Богучарский подробно расписал оглавление журналов либералов-конституционалистов. Эта работа, хотя и несвободная от ошибок, не имеет аналогов до наших дней [2]. Особенно же значение для изучения конституционного движения середины XIX в. имела книга социал-демократа-плекхановца Иорданского [13], в которой причины неудачи антисамодержавного движения того периода объяснялись политической слабостью русской буржуазии. Однако автор не использовал издания конституционалистской эмиграции, несмотря на их прямое отношение к предмету его исследования.

Революция 1905–1907 гг. значительно изменила внешние условия, в которых работали исследователи, так как свела к минимуму цензурное вмешательство в их деятельность. В 1907 г. в журнале «Былое» были напечатаны статьи М.К. Лемке, включавшие новые источники, связанные с эмигрантской деятельностью И.Г. Головина [23, с. 24–52, 261–285] и П.В. Долгорукова [22, с. 153–191]. Однако исследователь отрывал анализ их взглядов от общественно-политической ситуации России 1860-х гг., ограничиваясь пересказом и воспроизведением источников. В большинстве же сочинений, посвященных истории русского общественного движения 1860-х гг., степень антиабсолютистских настроений того периода систематически преуменьшалась, а эмигрантские издания 1840–1860-х гг. практически не использовались [33; 40].

Основными недостатками дореволюционной историографии русского конституционализма являлись узость источниковой базы и публицистичность. Следует отметить, что эти особенности были во многом вынужденными. Цензурные препятствия и рассмотрение авторами истории либерализма, как формы политической борьбы с самодержавием не способствовали полноте и объективности работ

по данной теме. Вместе с тем необходимо признать, что исследователи, работавшие в начале XX в., поставили целый ряд важных проблем по истории конституционного движения в России. К ним относятся вопросы, связанные с неустойчивостью и слабостью антиабсолютистского движения середины XIX в. и с существованием в тот период течения «либерально-демократического» конституционализма. Кроме того, такие дореволюционные историки, как В.Л. Бурцев и В.Я. Богучарский, подготовили полезные справочные пособия, оставшиеся лучшими по сей день, несмотря на все свои недостатки.

Революционные события февраля и октября 1917 г. коренным образом изменили историографическую ситуацию. С первых лет советской власти изучение революционного, а не либерального движения было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Само историческое развитие России конца XIX – начала XX в. свидетельствовало о преобладающей роли «крайних» идеологий. Сравнительная слабость либерального движения в предреволюционные и революционные годы и стала главной объективной причиной, отвлекшей большинство исследователей 1920-х, а отчасти и 1930-х гг. от изучения истории русского либерализма. В то же время существовал и государственный заказ, направленный на приоритетный анализ развития революционного направления общественного движения. Это и привело к тому, что, по справедливому замечанию В.А. Китаева: «В 30–40-е годы советская историография общественного движения не дала ни одной работы по истории либерализма середины XIX в.» [16, с. 16]. За отдельными исключениями, либеральное движение не пользовалось в 1920-е – 1950-е гг. серьезным вниманием исследователей. Из 1921 публикации, относившейся к изучению общественно-политического движения в России середины XIX в., напечатанной с конца 1917 по апрель 1959 г., только восемь были посвящены либерализму [31, с. 7].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. немногочисленная историография русской либерально-конституционалистской эмиграции пополнилась работами А.Н. Шебунина [39] и С.В. Бахрушина [3]. Их авторы впервые попытались дать подробный анализ эмигрантской публицистики Н.И. Тургенева и П.В. Долгорукова. Так, Шебунин выявил связь конституционалистской эмиграции и антисамодержавного движения в России 1860-х гг., однако он уделил основное внимание деятельности Тургенева доэмигрантского периода и не обратил внимание на издания других либеральных эмигрантов. Бахрушин в то же время пытался интерпретировать суть социально-политической платформы П.В. Долгорукова. Он пришел к выводу о том, что эмигрант являлся «автором одной из самых последова-

тельных либерально-буржуазных программ» [3, с. 40]. Таким образом, взгляды Долгорукова впервые получили сравнительно четкую и обобщающую характеристику, хотя автор и характеризовал их в ряде случаев более умеренными нежели они были в реальности. Однако Бахрушин, скованный рамками вступительной статьи, не использовал многочисленные источники, свидетельствующие о широком распространении в 1860-е гг. конституционалистских настроений. В результате Долгоруков необоснованно рассматривался в статье как одиночка, чьи взгляды не пользовались поддержкой на родине.

Период с середины 1930-х по конец 1950-х гг. явился временем историографического застоя в изучении русского либерализма вообще и конституционалистской эмиграции в частности. Даже постановка таких проблем фактически отсутствовала. Как справедливо отмечалось М.В. Нечкиной, исследователи 1920-х – 1950-х гг., изучавшие русское общественное движение середины XIX в., практически не анализировали либеральное идейное течение и даже не пытались рассматривать общеевропейский политический контекст того периода [27, с. XYI].

Общее обновление советской исторической науки, происходившее под влиянием идей XX съезда КПСС, оказало значительное воздействие и на историографию отечественного конституционализма. Либеральное общественное движение стало рассматриваться уже не как часть единого контрреволюционного политического лагеря, а как самостоятельная сила, вступающая в тактические союзы как с консервативными, так и с революционными течениями. Поэтому период с середины 1950-х по начало 1960-х гг. стал переходным этапом для исследователей истории русского либерализма XIX в.

В большинстве работ, относящихся к тому времени, заметна определенная противоречивость выводов. С одной стороны, признавалось существование заметного либерального движения 1860-х гг., а с другой – его значение преуменьшалось, а разногласия между либералами и революционными демократами гипертрофированно преувеличивались. Подобные тенденции характерны и для сочинений наиболее серьезных исследователей истории социально-политической борьбы середины XIX в., чьи основные работы вышли в свет на рубеже 1950-х – 1960-х гг. [21; 36]. Они признавали важную роль либерализма в общественном движении пореформенной России, пытаясь дать обобщенную характеристику этому идейному течению. Так, Ш.М. Левин внимательно анализировал публицистику либералов-корреспондентов в период Крымской войны. В своей незаконченной книге Левин, по существу, отказался от прежней недо-

оценки либерализма, признав его важную роль в общественном движении пореформенной России.

Большое значение имела книга Н.Г. Сладкевича, специально посвященная либеральному движению конца 1850-х – начала 1860-х гг. [37]. До настоящего времени работа Сладкевича остается непревзойденным сводом фактического материала, свидетельствующим о широком распространении в России начала 1860-х гг. конституционалистских идей, о преобладании в русском дворянстве противников сохранения сословных привилегий. Сладкевич первым обратил внимание на поддержку П.В. Долгоруковым политической программы тверских дворян [36, с. 116], поставив вопрос о связях между конституционалистской эмиграцией и общественным движением в России середины XIX в. Однако у данного сочинения имелись и существенные недостатки. Бегло перечисляя общеизвестные факты сотрудничества либералов с революционными демократами 1860-х гг., автор, однако, бездоказательно настаивал на традиционном тезисе об отсутствии связей между этими направлениями, о существовании своего рода «стены» между ними [36, с. 135–136]. Данная концепция являлась следствием взглядов Сладкевича, согласно которым либерализм, понимаемый как идейный монолит, априорно и всегда противостоит революционной демократии, также рассматривавшейся в качестве единого целого. Эта традиционная интерпретация, однако, резко противоречила фактам, изложенным самим Сладкевичем. На это и обратил внимание П.А. Зайончковский в рецензии на данную книгу. Он указал на то, что окончательное размежевание либералов и революционеров произошло не в 1860-е г., а позднее [12, с. 121–122]. Рецензия Зайончковского стала предвестником решительных перемен в отечественной историографии русского либерализма, в том числе и конституционалистской эмиграции.

В 1960-е, а главным образом в 1970-е гг. историографическая ситуация в изучении русского общественного движения середины XIX в. заметно изменилась по сравнению с предшествующими десятилетиями: появились работы [16; 41; 43; 30; 14], авторы которых аргументированно доказали недостаточную степень размежевания между революционными демократами и либералами в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Принципиально важным стал вывод об отсутствии у русского либерализма единой программы [30; 61–62], а следовательно, о необходимости изучения отдельных идейных группировок, существовавших в его рамках и часто вступавших в принципиальную полемику друг с другом. Новые тенденции проявились и при изучении наследия революционных демократов. Особенно подробному анализу подверглись в 1970-е гг. сочинения Н.Г. Чернышевского.

Было доказано существование многочисленных точек соприкосновения между позициями Чернышевского и представителями либерального конституционализма по актуальным проблемам русской политической жизни [6]. Вместе с тем следует признать, что для подавляющего большинства перечисленных исследований характерен существенный пробел в источниковой базе – недооценка изданий либерально-конституционалистской эмиграции середины XIX в., что привело как к неполноте изложения истории идейной борьбы, так и к ошибочности некоторых выводов.

Рассматривая отечественные исследования российского либерализма «эпохи великих реформ», относящиеся к 1960-м – 1970-м гг., необходимо указать на отдельные попытки изучения деятельности некоторых эмигрантов-конституционалистов. Эти публикации носили явно апологетический характер. В работах Т.М. Колоскова [19] и Л. Вишневого [5] проявилось стремление искусственно революционизировать политические взгляды И.Г. Головина и П.В. Долгорукова, не используя каких-либо новых источников и весьма вольно интерпретируя их социально-политические взгляды. Подобная тенденция принесла историографии скорее вред, чем пользу, поскольку дискредитировала и доводила до абсурда верную мысль – необходимость изучать конституционалистскую эмиграцию и ее политическую программу.

Среди монографий, опубликованных в 1970-е гг. и затрагивающих вопросы, связанные с историей либеральной эмиграции, следует выделить работу Н.Я. Эйдельмана «Герцен против самодержавия» [42]. В ней впервые были поставлены важные вопросы об идейно-организационных связях изданий А.И. Герцена и периодики изгнанников-конституционалистов и необходимости исследования «бесцензурной печати Долгорукова и других эмигрантов 1860-х гг.» [42, с. 356]. Именно в постановке этих важных вопросов и состояла заслуга Эйдельмана. Однако историк даже не ставил перед собой задачу их разрешения, ограничившись отдельными замечаниями.

Параллельно с изучением русского конституционализма в советской историографии исследования по этой проблеме появлялись и за рубежом. Среди них следует выделить работы В.В. Леонтовича [26], В. Сливовской [47], Дж. Фишера [45], Дж. Макклелланда [46] и Т. Эммонса [44]. Предпринятая Леонтовичем попытка написания истории дореволюционного русского либерализма оказалась явно неудачной. Как уже указывалось в историографии, автор полностью проигнорировал левое крыло либерализма и по существу ограничился написанием компиляции [15, с. 360–374]. В работах Фишера и Макклелланда содержатся ценные характеристики русского консти-

туционалистского движения середины XIX в., политического безволия отечественного либерализма, неспособного к союзам ни с реформирующей властью, ни с социалистами, но эти исследователи уделили основное внимание более поздней эпохе.

Важным событием в изучении русской либерально-конституционалистской эмиграции середины XIX в. стало издание монографии польского историка В. Сливовской. На основании широкого круга публицистических и мемуарных источников она подробно охарактеризовала деятельность И.Г. Головина и Н.И. Тургенева. Особенное внимание было уделено анализу их взглядов на польский вопрос. Книга Сливовской, посвященная малоизученным в российской и зарубежной историографии сюжетам, до сих пор остается уникальным явлением. Однако автор преувеличивала степень революционности своих героев. Заключительные разделы книги, посвященные 1860-м гг., вносили мало нового в историографию. Практически не была показана связь русской либерально-конституционалистской эмиграции с общественным движением в самой России. Тем не менее вклад Сливовской в изучение проблемы является до настоящего времени, одним из самых существенных.

Стройную концепцию развития русского конституционалистского движения «эпохи великих реформ» разработал в 1968 г. ученик П.А. Зайончковского американский исследователь Т. Эммонс. Он использовал разнообразные источники: публицистику, мемуары, адреса на высочайшее имя, и на их основе подверг пересмотру некоторые устоявшиеся взгляды. Так, он поставил вопрос о попытке создания в 1861–1862 гг. союза левых либералов и части социалистов на общей антиабсолютистской политической платформе, изложенной в «Великоруссе» и Адресе тверских дворян.

В то же время основным недостатком сочинения Эммонса стала его недооценка изданий русской либерально-конституционалистской эмиграции, хотя в них содержались подробные отклики на все рассматриваемые историком сюжеты, такие как тверской адрес 1862 г. и «Великорусс». Эммонс даже не обратился к сочинениям П.В. Долгокурова, Н.И. Тургенева и других эмигрантов-либералов. Между тем именно в заграничных эмигрантских изданиях русские конституционалисты высказывали наиболее откровенно свои взгляды на события в России. Однако это не умаляет заслуг Эммонса, который впервые показал всю масштабность антиабсолютистских настроений в России начала 1860-х гг.

Итак, обобщая результаты изучения истории русского конституционализма середины XIX в. в 1950-х – 1970-х гг., следует признать, что за это время развитие советской и зарубежной историографии

происходило недостаточно быстрыми темпами. Однако были поставлены важные вопросы о необходимости исследования периодики либеральной эмиграции и ее связей с издательской деятельностью А.И. Герцена, а в ряде работ предпринималась попытка анализа деятельности отдельных конституционалистов. Это создавало основу для дальнейшего более подробного исследования темы.

За последние два десятилетия в отечественной историографии наметилось оживление в изучении развития конституционалистской идеологии середины XIX в. и ее взаимоотношений, как с революционной демократией, так и с более умеренными течениями. Появляются фундаментальные труды и сборники документов, посвященные истории русского либерализма [17; 18; 35; 34; 15; 8] и «олигархической» оппозиции реформам [38]. Однако издания русской конституционалистской эмиграции 1840–1860-х гг. в них или вообще не упоминаются, или лишь бегло перечисляются. Как и прежде, при анализе отношения русского общественного движения середины XIX в. к крестьянской, польской и конституционной проблемам не учитываются взгляды либералов-эмигрантов. Из подобных работ несколько выделяются исследования С.С. Секиринского [35; 34], придерживающегося взглядов дореволюционной либеральной историографии, представители которой считали «перемену образа правления» панацеей от революции.

Ценные наблюдения о развитии русского конституционализма содержатся в монографии А.В. Гоголевского [7]. В книге достаточно удачно характеризуются антисамодержавные выступления начала 1860-х гг. как «конституционное движение дворян, расстававшихся с сословными одеждами» [7, с. 47]. Эта формулировка обоснованно указывает на сложный социальный характер движения, когда часть либерального дворянства отказывалась от своих привилегий во имя буржуазной социально-политической программы.

Знаменательным исключением из историографической традиции недооценки русского конституционалистского движения стала монография И.Н. Ермолаева, анализирующая политические взгляды П.В. Долгорукова [11] и посвященная рассмотрению сравнительно частной проблемы [1, с. 15–24].

И.Н. Ермолаев высказал чрезвычайно важные соображения, касающиеся причин сравнительной безуспешности конституционной пропаганды в России 1860-х гг. Это первая подробная работа, характеризующая основные идеи долгоруковской публицистики. Однако в сочинении Ермолаева конституционализм Долгорукова интерпретируется как явление, в целом чуждое русской обществен-

ной жизни, и рассматривается как нечто изолированное от политического движения того периода. Однако многочисленные мемуарные, эпистолярные и делопроизводственные источники свидетельствуют о широком распространении в России середины XIX в. идей «перемены образа правления». Взгляды Долгорукова явились, таким образом, только эхом настроений части русского общества.

В целом следует признать, что издания русской конституционалистской эмиграции редко использовались в качестве исторического источника. Они рассматривались, и то достаточно редко, в историографии не как часть «кризиса верхов» середины XIX в., а в качестве изолированного явления. Не проанализирована и общеевропейская политическая ситуация, оказывавшая значительное воздействие и на либеральных эмигрантов, и на их российских единомышленников.

Список литературы

1. Абакумов О.Ю. Исторические экскурсы в «Правде о России» П.В. Долгорукова // Исторические воззрения как фактор общественного сознания. Ч. 2. – Саратов, 1995.
2. Базилевский Б. <Богучарский В.Я.> Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. – Париж, 1905.
3. Бахрушин С.В. «Республиканец-князь» Петр Владимирович Долгоруков // Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. – М., 1932.
4. Бурцев В.Л. За сто лет (1800–1896): сб. по истории полит. и обществ. движений в России. Ч. 1–2. – Лондон, 1897.
5. Вишневский Л. Петр Долгоруков и пасквиль на Пушкина // Сибирские огни. – 1962. – № 11.
6. Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века. – М., 1976.
7. Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. – СПб., 1996.
8. Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. – М., 2001.
9. Драгоманов М. П. Земский либерализм в России (1858–1883) // Свободная Россия. – 1889. – № 1 (февр.).
10. Драгоманов М.П. Земский либерализм в России (1858–1883) // Свободная Россия. – 1889.
11. Ермолаев И.Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова. – Псков, 2001.
12. Зайончковский П. А. Рец. на: Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962 // Вопр. истории. – 1963. – № 12.
13. Иорданский Н. И. Конституционное движение 60-х годов. – СПб., 1906.

14. Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). – Воронеж, 1985.
15. Китаев В.А., Ведерников В.В. Написана ли история русского либерализма? (О книге В.В. Леонтовича) // Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). – Саратов, 2004.
16. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. – М., 1972.
17. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. – М., 2000.
18. Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. – М., 2000.
19. Колосков Т.М. Общественно-политические и социологические взгляды И.Г. Головина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1964.
20. Куклин Г. А. Материалы к изучению революционного движения в России (1800–1854 гг.). – Женева, 1905. Т. 1.
21. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. – М., 1958; Левин Ш.М. Крымская война и русское общество (главы из монографии) // Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX в. – Л., 1974.
22. Лемке М.К. Князь П.В. Долгоруков-эмигрант (1859–1868 гг.) // Былое. – 1907. – № 3.
23. Лемке М.К. Эмигрант Иван Головин: (по неизданным материалам) // Былое. – 1907. – № 5.
24. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. – М., 1958.
25. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Там же. Т. 2. – М., 1958.
26. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.
27. Нечкина М.В. Предисловие // «Колокол». Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. 1. – М., 1962.
28. Николаевский Б.И. В.И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г. (справка) // Летописи марксизма. – 1926. – № 1.
29. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XIX века. – М., 1977.
30. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XIX века. – М., 1977.
31. Попов И.П. Из истории общественного движения в России в годы революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. – Рязань, 1976.
32. Российские либералы. – М., 2001.
33. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1893). – Ростов н/Д, 1905.
34. Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная русской свободы. – М., 1993.
35. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995.
36. Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). – Л., 1962.

37. Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). – Л., 1962.
38. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. – М., 2002.
39. Шебунин А. Н. Николай Иванович Тургенев. – М., 1925.
40. Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. – М., 1920.
41. Шмигельская М.А. Отражение политической борьбы в русской либеральной журналистике конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. (по материалам «Русского вестника»): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1974.
42. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. – М., 1973.
43. Ярославцев Я.А. Русский либерализм в годы первой революционной ситуации (некоторые вопросы эволюции): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975.
44. Emmons T. The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. – Cambridge, 1968.
45. Fisher G. Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. – Cambridge, 1958.
46. Mc. Clelland J. C. Autocrats and academics. Education, culture and society in tsarist Russia. – Chicago. 1979.
47. Sliwajska W. W kregu poprzednikow Gercena. – Wroclaw, 1971.

Исследование истории земского самоуправления в 1917 г. в отечественной историографии

В статье проанализированы этапы изучения истории земского самоуправления периода революции 1917 г. в России. Рассмотрены основные достижения и проблемы в изучении истории земства с 1917 г. до настоящего времени, дана характеристика перспектив исследования данной научной проблемы.

The article analyses the stages of the history of Zemstvo's self-government in the period of the revolution of 1917 in Russia. The author considers the main achievements and problems in the study of the history of Zemstvo from 1917 to the present time, gives the features of the prospects of research in this scientific problem.

Ключевые слова: отечественная историография, научное исследование, земство, революция.

Key words: national historiography, scientific research, Zemstvo, the revolution.

История земского самоуправления к 1917 г. насчитывает более полувека. Оно ярко проявило себя в революционных событиях семнадцатого года, но его судьба оказалась весьма драматичной. Поэтому не удивителен тот интерес, который вызывает история земского самоуправления на разных этапах развития исторической науки в России.

Первый из них охватывает период 1917–1920-х гг. Можно определенно утверждать, что начало исследованию роли земств в революционный период положили сами современники рассматриваемых событий. Один из них, крупный знаток истории земства, Б.Б. Веселовский в своей статье с характерным названием «Самоуправление на рубеже новой жизни» (март 1917 г.) писал, что органы самоуправления в результате победы Февральской революции «превращаются отныне в правомерные органы государственного управления на местах; им должна принадлежать вся полнота власти на местах, через них государство должно осуществлять свою волю на перифериях» [7, с. 203]. Большой вклад публицисты внесли в разъяснение различных аспектов закона 21 мая 1917 г. о волостном земстве и роли данного звена местного самоуправления для общества и государства [6; 14; 21].

В 20-е гг. в условиях постепенного пересмотра теоретико-методологических основ исследований, негативного отношения к органам «буржуазной демократии» интерес к изучению роли земств в революции 1917 г. заметно снизился. Следуя официальным установкам высших партийных органов, историки сосредоточили свое внимание, главным образом, на вопросах подготовки Октябрьской революции 1917 г., становления советов и роли большевистской партии в этих событиях. В то же время в некоторых научно-популярных работах 20-х гг. содержались ценные сведения о деятельности земств в решающие дни февраля 1917 г. и после падения самодержавия в России. Так, например, Н. Шаханов в одной из своих работ привел сведения о роли земских деятелей Владимирской губернии в переговорах с губернатором В.Н. Крейтоном 1 марта 1917 г. и об их участии в формировании новых органов власти [28, с. 14-15, 17–18]. А.В. Шестаков затронул вопрос об отношении и о работе большевиков в земствах [27]. В дальнейшем, как справедливо заметила современная исследовательница О.А. Гаврилова, эта тема стала одной из ведущих в работах советских историков [8, с. 9].

В 1930-х – первой половине 1950-х гг. преобладающим стало стремление авторов сконцентрировать внимание на победах советского строя, осудить те явления, которые подвергались критике с трибун партийных съездов, пленумов и конференций. Крайне мало внимания уделялось при этом состоянию местных органов государственной власти, а вопрос о роли «буржуазных» органов самоуправления и вовсе оказался на периферии исследований. Но все-таки и в этот период отечественная историография обогатилась работами видных ученых. Следует особо выделить статьи В.А. Аверьева и Е.Н. Городецкого, посвященные различным аспектам положения органов самоуправления на завершающем этапе их существования [2, с. 110–115; 12, с. 95–103].

Новый этап в изучении рассматриваемой проблемы наступил с середины 1950-х гг. и продолжался до конца 1980-х гг. В условиях внутриполитической «оттепели» в СССР, отчетливо проявившейся после XX съезда КПСС, историки смогли отказаться от наиболее одиозных догм предшествовавшего периода, от зачастую схоластического теоретизирования и по-новому взглянуть на ряд важных сюжетов советской истории.

Один из таких сюжетов был посвящен взаимоотношениям местных Советов с земскими органами после февраля 1917 г. и в условиях прихода к власти большевиков. Этой теме в той или иной мере касались многие исследователи в 1950-х–1980-х гг. Особое место среди них занимает П.Н. Абрамов, сделавший предметом своего

изучения не Советы, как это часто бывало, а именно земские органы. Строго следуя классовому подходу, автор указывал, что волостные земства отражали интересы сельской верхушки, кулаков, а местные советы – интересы крестьянской бедноты. Данный подход приводил его к негативной оценке деятельности волостного земства, стремившегося, по мнению ученого, противодействовать установлению власти советов [1, с. 31–33, 45].

Резко критическое отношение к органам земского (да и городского) самоуправления высказывали и многие другие исследователи, по сути, оправдывая ликвидацию этих структур после прихода к власти большевиков. Так, по мнению Т.М. Баженовой, происходившее весной – летом 1917 г. расширение «состава гласных было для буржуазии маневром, рассчитанным на сохранение в думах господства цензовых элементов» [3, с. 16].

Рассматривая завершающий этап существования земств, одна часть ученых указывала на насильственный характер ликвидации земств и обосновывала необходимость этого шага тем, что большинство из них будто бы демонстрировали «враждебное отношение ... к социалистической революции» [17, с. 6]. Другие историки, опираясь на данные региональной прессы и архивов, акцентировали внимание на фактах постепенного и мирного характера ликвидации дореволюционных органов самоуправления, связывая это либо с продуманной деятельностью местных советов, осуществивших «ряд предупредительных мер» [15, с. 19], либо, напротив, со слабостью советов, которые после победы Октябрьского вооруженного восстания «были созданы еще не везде», что обусловило непродолжительное сосуществование на местах старых, земско-думских, и новых, советских, органов [22, с. 10].

Заметный вклад в изучение истории земских органов в рассматриваемый период внес А.А. Сенцов. Он исследовал широкий спектр изменений, происходивших в составе и деятельности органов местного самоуправления в 1917 г. Автор, пожалуй, впервые в отечественной историографии положительно оценил эти изменения, высказав мысль о том, что они приводили к демократизации земств и городских дум [23, с. 110–111]. Заслугой автора является также выделение основных этапов процесса демократизации местного самоуправления в 1917 г.: 1) март-апрель 1917 г. – становление новых общественно-политических объединений и изменение состава старых органов самоуправления на местах; 2) май-август 1917 г. – подготовка и проведение муниципальной кампании на основе всеобщего избирательного права; 3) август-октябрь 1917 г. – партийно-политическая борьба в муниципальных образованиях в период общенационального кризиса [23, с. 108–109].

Новым для данного этапа отечественной историографии стало обращение к законотворческой деятельности Временного правительства весной – летом 1917 г. по подготовке реформы местного самоуправления. Наиболее плодотворно данный вопрос разрабатывался Е.П. Барановым [4, с. 64–67].

Современный период в историографии рассматриваемой проблемы начался на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и продолжается ныне. За эти два с лишним десятилетия вышло значительное количество научных работ, свидетельствующих о резком возрастании интереса к истории земского самоуправления вообще и в 1917-м году в частности.

Г.А. Герасименко в одной из своих монографий [9] на основе привлечения широкого круга источников проанализировал процессы демократизации земств после победы Февральской революции, а также земскую реформу Временного правительства 1917 г. Автором были охарактеризованы причины данной реформы, которые он усматривал в стремлении нового правительства преодолеть отчужденность народа от земских органов и усилить их роль в системе местного управления. В монографии приведены ценные сведения о социально-профессиональной и партийной принадлежности гласных новых земств, особое внимание уделено трудностям, с которыми столкнулись власти при организации волостного земства.

Судьбе земств в ходе революционных событий 1917 г. посвящена также выполненная Г.А. Герасименко глава в коллективном труде «Земское самоуправление в России, 1864–1918» [10, с. 317–368]. Автор не только рассмотрел основные направления деятельности земств в указанный период (хотя, заметим, о некоторых из них, например, о состоянии земской статистики, сказано предельно кратко). Г.А. Герасименко уделил большое внимание степени политизации земской деятельности в 1917 г. По мнению исследователя, земства в это время стали «ареной острой политической борьбы», в которой им не удалось одержать победу. Автор справедливо указал на то, что даже демократизированные земства не смогли получить массовую поддержку населения.

Среди научных вопросов, вызывающих в настоящее время пристальный интерес ученых, выделим следующие: взаимодействие различных властных органов (Временного правительства, большевистской партии и Советов) и земского самоуправления [18; 5; 13; 20, с. 361–412; 25, с. 187–215], различные аспекты повседневной деятельности земств в 1917 г. в общероссийском масштабе [11; 19, с. 73–83], вопросы функционирования земского самоуправления в 1917 г. в различных регионах России [16; 24, с. 196–199; 8].

Таким образом, предпринятый анализ показывает, что в изучении истории земского самоуправления 1917 г. отечественными учеными достигнуты несомненные успехи: обновлены методологические основы научных исследований, заметно расширилась проблематика работ, введен в научный оборот новый пласт документальных источников. В то же время исследование земской истории имеет значительные перспективы, связанные как с расширением географических рамок, так и с дальнейшим углублением проблематики научных исследований.

Список литературы

1. Абрамов П.Н. Волостные земства // Исторические записки. Т. 69. – М., 1961.
2. Аверьев В.А. Ликвидация буржуазных органов местного самоуправления после Октябрьской революции // Сов. гос-во. – 1936. – № 4.
3. Баженова Т.М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале – октябре 1917 года: автореф. канд. дис. – Пермь, 1977.
4. Баранов Е.П. Подготовка реформы местных органов управления и самоуправления в 1917 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XII. Право. – 1975. – № 3.
5. Вайровская С.В. Земства и Советы в 1917–1918 гг. (по материалам Коми края). – Сыктывкар, 1994.
6. Веселовский Б.Б. Земство и его новое устройство. – Пг., 1917.
7. Веселовский Б.Б. Самоуправление на рубеже новой жизни // Земское дело. – 1917. – № 5–6.
8. Гаврилова О.А. Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. – СПб., 2009.
9. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М., 1990.
10. [Герасименко Г.А.] Судьба земств в ходе революционных событий 1917 года // Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2. 1905–1918. – М., 2005.
11. Гильченко Л.[В]. Местное самоуправление: долгое возвращение. – М., 1998.
12. Городецкий Е.Н. Октябрьская революция и старые органы самоуправления // Вестн. Моск. ун-та. – 1947. – № 11.
13. Жукова Л.А. Проблема взаимодействия властных структур и земского самоуправления в пореформенной России. 1864–1918 гг. – М., 1995.
14. Загряцков М.Д. Закон о волостном земстве (Временное положение о волостном земском управлении от 21-го мая 1917 г.). Предисловие, изложение закона и примечания к нему. – М., 1917.
15. Ильина Т.А. Возникновение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Тверской губернии и превращение их в органы власти в результате побед Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – июнь 1918 годов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964.
16. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. – Самара, 1999.
17. Кябелева Р.К. Деятельность Советов по созданию основ социалистической экономики (октябрь 1917 – июль 1918 г.) // Из истории деятельности Советов: сб. ст. / гл. ред. С.Ф. Найда. – М., 1966.

18. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. – М., 1993.
19. Мамаев А.В. Кризис муниципальных финансов в России в 1917 г. // Вопр. истории. – 2010. – № 2.
20. Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2006.
21. Ольгович (Волькштейн О.А.). Закон о волостном земстве (общедоступное изложение). – [Пг., 1917].
22. Селиванов А.М. Советы в первые годы социалистического строительства. 1917–1925 гг. – Ярославль, 1979.
23. Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Сов. гос-во и право. – 1984. – № 6.
24. Тропов И.А. Волостное земское управление на северо-западе России в 1917–1918 гг.: от создания до упразднения // Науч.-техн. вестн. СПбГУ ИТМО. Вып. 27. Исследования в области гуманитарных наук / гл. ред. проф. В.Н. Васильев. – СПб., 2006.
25. Тропов И.А. Революция и провинция. Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). – СПб., 2011.
26. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. – Владимир, 1927.
27. Шестаков А.В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. – М.-Л., 1927.

Из истории изучения биографии С. М. Буденного

В статье анализируются работы историка В.Д. Поликарпова, в которых затрагивается биография маршала С.М. Буденного. Делается вывод, что достоверные данные составляют лишь малую часть написанного, основной же массив информации представляет собой ошибочные сведения.

The article analyzes the works of historian V.D. Polikarpov, which are addressed the biography of marshal S.M. Budenny. It is concluded, that reliable material is only the small part of the historian's compositions and the basic mass of information is erroneous data.

Ключевые слова: В.Д. Поликарпов, историография, С.М. Буденный, биография.

Key words: V.D. Polikarpov, historiography, S.M. Budenny, biography.

Видное место в изучении биографии маршала С.М. Буденного занимают работы доктора исторических наук, члена Академии военных наук полковника В.Д. Поликарпова. Преподносятся они как базирующиеся на строго документальной основе и созданные исключительно честным человеком и потому используются в качестве источника при написании справочных изданий и исторических сочинений. Последним обстоятельством определяется актуальность проверки сообщаемых Поликарповым сведений.

К числу часто цитируемых принадлежат работы: «Комкор возвращается в строй» (1965), «Трагедия комкора Думенко» (написано в 1970 г., опубликовано в 1988 г.), материалы дискуссии «Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов» (1988), «Другая сторона буденновской легенды» (1-е издание – 2002 г., 2-е с дополнениями – 2006 г.). В этот список, видимо, войдет в ближайшем будущем и работа «У истоков легенды о Буденном» (2009). Малоизвестными являются статьи «С неба полуденного...» (1983) и «Командиры, рожденные Октябрем» (1988). К буденновской проблематике следует отнести также воспоминания «В совместных литературно-исторических боях» (2006). Определим степень достоверности фактов и умозаключений, изложенных в перечисленных выше трудах.

Повествуя об имущественном положении семьи советского маршала до революции, в 1983 г. Поликарпов явно на основе очер-

ка А. Подгорного сообщил, что Буденным приходилось кочевать «по слободам и хуторам», пока не удалось обзавестись участком земли в станице Платовской [27, с. 8].

Более развернутая характеристика достатка Буденных содержится в статье 2009 г. Для начала историк заявляет, что воспоминания Буденного и лиц, которых он удостоил общением, пестрят самоаттестациями и бравадой вроде «сам батрак» и «сын батрака». Дальнейшие рассуждения Поликарпова в силу оригинальности изложения необходимо процитировать: «Это неважно, что "полусреднее хозяйство Буденного арендовало иногда 50 десятин, имело 8 лошадей рабочих и 6 молодняка, 6 коров и 15 гужевого скота", в сравнении с другими этого было мало, и большую семью такое хозяйство "не всегда обеспечивало полностью", и некоторым членам семьи приходилось наниматься к коннозаводчикам (стоит сноска на очерк А. Подгорного – М. Б.). Желание угодить набравшей силу идеологии заставляло о таком достатке умалчивать...» [33, с. 72].

Вывод, казалось бы, очевиден: в 1983 г. Поликарпов не имел возможности сказать правду, а в 2009 г. она у него появилась. Неправомомерность такого суждения становится понятной при обращении к очерку Подгорного, который выделил следующие типы хозяйств, сложившихся в Сальских степях к 1917 г.: 1) помещичьи (коннозаводческие). Самое крупное из них – Королькова – арендовало 12–15 тыс. десятин и имело 20 тыс. лошадей, 4–5 тыс. волов, 20 тыс. гулевого скота, 48–50 тыс. овец. Хозяйство Супрунова, считавшееся ниже среднего, насчитывало 3 тыс. десятин арендованной земли, 5 тыс. лошадей, 1 тыс. волов, 3–5 тыс. гулевого скота, 12 тыс. овец; 2) зажиточные. Калмык Дерканов владел 30 лошадьми, 150 головами рогатого скота, 3 тыс. овец. Иногородний крестьянин Ковалев арендовал 300 десятин и держал на них 30–40 лошадей, 100 быков, 500 голов гулевого скота и 3 тыс. овец; 3) полусреднее хозяйство большой иногородней семьи Буденных (родители, семь взрослых детей, у некоторых из них были свои семьи), которое не обеспечивало семью полностью и вынуждало некоторых членов семьи наниматься батраками к коннозаводчикам. К нему же примыкают коренные крестьяне-арендаторы; 4) иногородние арендаторы исполу и батраки. Помимо классификации хозяйств, Подгорный, иллюстрируя тяжесть арендных условий для иногородних, указал на неоднократное вынужденное переселение Буденных, пока они, наконец, не осели в Платовской, взяв усадебный участок на длительный срок (24 года) и построив на нем прочное жилище [25, с. 76–77].

Допустим, что в 1983 г. Поликарпова заставили, предположим, что он понимал разницу между усадебным и полевым участком. Но

кто же принуждал его в 2009 г., опустив неудобные факты из очерка Подгорного и хитроумно сцепив остальные, белое выдавать за черное? Кто поставил его перед необходимостью называть бравадой батрачество Буденного? Подгорный недвусмысленно пишет: в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, некоторым членам семьи приходилось батрачить. Нашел ли Поликарпов источники, опровергающие батрачество Буденного в 1896–1903 гг.? Установил ли историк род трудовой деятельности Семена Михайловича в 1909–1914 гг., когда согласно распространенной ошибочной версии он проходил сверхсрочную службу? Кто мешал Поликарпову осознать, а затем отразить в статье следующие проблемы и обстоятельства, учет которых необходим для компетентной характеристики эволюции имущественного положения Буденных в 1885–1917 гг.:

а) тип полевой аренды на каждом из этапов: прямая или более дорогая через посредство субарендатора (цена могла возрасти в 10 раз [19, с. 3]); принадлежность арендуемой земли, что обуславливало размер допустимой распашки (вся земля, 1/2, 1/4, 1/6); сроки снятия в аренду (неудобная годовичная или более продолжительная), чересполосное или компактное размещение участка клеткой;

б) месторасположение арендуемых полевых земель. Наиболее благоприятное – на гребне Сальско-Манычского водораздела, менее – в долинах указанных рек;

в) способ ведения хозяйства. Старший помощник наказного атамана А.М. Греков нормой посева для средней донской семьи (взрослый работник с женою и подростками) определял 15 десятин. Потребность в такой большой площади обуславливалась экстенсивностью донских хозяйств [10, с. 111–113];

г) единицы измерения земли. Существовали различные виды десятины: казенная – 2400 саженой, хозяйственная косая – 3200, хозяйственная круглая – 3600, астраханская – 1000 и др. [11, с. 489]. В станице Платовской, в которой Буденные жили с 1908 г., земля измерялась «экономическими» десятинами [21, с. 3].

В иные сюжеты из дофевральской биографии Буденного Поликарпов ничего нового не внес, зато, пересказывая общеизвестные источники, допустил неточности: крестьянина Буденного в двух статьях он поименовал казачьим званием «старший урядник» [27, с. 8; 30, с. 16]; напутал места его службы до 1914 г. [29, с. 508].

Заслуживает доверия фактический материал о деятельности Буденного в 1917 г., изложенный во 2-м издании статьи «Другая сторона буденновской легенды» и в статье «У истоков легенды о Буденном». Поликарпов документально установил непричастность Буденного к деятельности выборных армейских органов, аргументированно продемонстрировал контрреволюционную сущность коми-

тета Кавказской кавдивизии и участие ее подразделений и частей в карательных операциях (впервые в завуалированной форме он выразил это еще в 1983 г.). Но и здесь не обошлось без ошибок. Ища реальную основу субъективно отраженным Буденным историческим свершениям в Орше в конце августа – начале сентября 1917 г., Поликарпов неверно обнаружил ее в событиях, разыгравшихся в Орше на рубеже октября – ноября 1917 г. со 2-й Кубанской дивизией. Не замечал историк и явного логического противоречия, воспроизводя его в обеих статьях: сначала он категорично утверждает, что в 1917 г. Буденный был политически невежественным, а затем развивает мысль о его сознательной контрреволюционной деятельности [27, с. 8; 29, с. 508–513; 33, с. 38–71].

Определим достоверность написанного Поликарповым по вопросу о строительстве красной конницы.

Впервые свои взгляды по данной проблеме историк изложил в 1965 г. в статье «Комкор возвращается в строй». Фундаментальность подготовки Поликарпова видна уже в первом абзаце: Сальские степи расположены на правом берегу Дона, и здесь в марте 1918 г. отыскался след генерала П.Н. Краснова [31, с. 5]. Если в правобережных Сальских степях еще можно усмотреть описку, так как в дальнейшем автор возвращает их на левый берег Дона [30, с. 16], то Краснов в Сальских степях присутствует и в статье 2009 г. [33, с. 27], хотя общеизвестно, что в Сальском округе скрывался М. Багаевский, П. Краснов же – в станице Константиновской 1-го Донского округа. Основное нареkanie вызывает, конечно, не это, а заявление историка о том, что Б.М. Думенко стоял у колыбели красной кавалерии: из первых конных полков и бригад, бывших под его началом, выросли потом красные конные корпуса и в конце концов – две конные армии [31, с. 5]. Эта мысль встречается также в последних сочинениях Поликарпова [28, с. 599, 601; 26, с. 435]. Вряд ли настоящий историк стал бы разбрасываться подобными утверждениями, так как они заведомо дискуссионны. Научное освещение таких вопросов предполагает представление разных точек зрения участников событий. Выходцы из 6-й кавалерийской дивизии были убеждены, что она в равной мере с 4-й дивизией является основой Конного корпуса Буденного и 1-й Конной армии [13, с. 133–134]. Явно не разделили бы продуменковского оптимизма Поликарпова и блиновцы, полагавшие, что в основе 2-й Конной армии лежали 2-я кавдивизия им. М.Ф. Блинова и 16-я кавдивизия, а не бывший Конно-сводный корпус Думенко [3, с. 88].

В открытом письме Буденный заявил о Думенко: «...лично он не сформировал ни одной части» [5, с. 114]. Заслугой Поликарпова можно признать то, что в ответном письме «Трагедия комкора Думенко» он доказал: Думенко принял некое участие в организации карательного полка, бригады и Сводной дивизии. При этом на страницах письма отсутствовал не только анализ конкретных мероприятий Думенко, Буденного и иных лиц по строительству кавалерии, но появились серьезные ошибки.

Суждение маршала о том, что кавалерийский полк создало командование 1-й Донской стрелковой дивизии, Поликарпов опровергает разнобоем в хронологии: полк возник в июле 1918 г., а дивизия – в конце сентября. Проливающим свет документом он считает приказ командира 3-го крестьянского социалистического полка Г.К. Шевкоплясова от 10 июля, в котором общей фразой сообщается о сформировании 1-го Донского крестьянского социалистического карательного кавполка под командованием Думенко и приветствуется «его организатор тов. Думенко» [32, с. 143–144]. Заявление Поликарпова о невозможности создания кавполка командованием дивизии нуждается в уточнении. Историк В.Н. Шапошник показал, что с середины июня 1918 г. полк Шевкоплясова входил в состав 1-й Сводной дивизии. Наряду с ней имелась 1-я Донская пехотная дивизия. Позже, не ранее середины июля и не позднее августа, появилась 1-я Донская стрелковая дивизия – видимо, на основе двух указанных выше соединений [39, с. 87, 106, 141, 148, 170, 174]. Следовательно, командование 1-й Сводной дивизии вполне могло быть причастно к организации кавполка. Кроме того, в истории 4-й кавалерийской дивизии указано, что родоначальный ее полк формировался дважды: первый раз его образовали сами партизаны, второй раз – по приказу штаба 10-й армии [24, с. 7]. Эту версию подтверждает находка Шапошника, обнаружившего по состоянию на 15 июля 1918 г. «1-й кавалерийский боевой полк Думенко» [39, с. 148].

Маршал утверждает: «В январе 1919 г. решением РВС 10-й армии из первой бригады Сводной кавдивизии и двух полков Донно-Ставропольской кавбригады была сформирована мною Отдельная кавдивизия» [5, с. 114]. Поликарпов оценивает это как неточность и приводит свои аргументы, имеющие целью доказать, что Думенко не только формировал Отдельную дивизию, но и успешно руководил ею в боях: а) приказ РВС 10-й армии от 30 января 1919 г. об образовании Отдельной дивизии под началом Думенко. Суть его в том, поясняет историк, что 2-я бригада Сводной дивизии была заменена на Доно-Ставропольскую бригаду, которая до этого была

придана Сводной дивизии; б) награждение Думенко орденом Красного Знамени за командование дивизией; в) факты переименования 14 марта 1919 г. Отдельной дивизии в 4-ю и назначения 24 марта начдивом-4 Буденного – и сразу за ними высказывание К.Е. Ворошилова якобы по этому поводу: «В эти трудные дни (по контексту письма Поликарпова в марте 1919 г. – М.Б.) огромную роль сыграли красные конники 4-й кавалерийской дивизии, которой командовал сначала Б. Думенко, а после него С. Буденный» [32, с. 144–145].

На наш взгляд, эти выводы нуждаются в уточнении. Во-первых, неясен инициатор образования Отдельной кавдивизии: командарм-10 А.И. Егоров пишет, что это ему пришла идея свести две бригады [12, с. 2], а Буденный указывает на себя [4, с. 115–116]. Во-вторых, историк С.С. Войтиков обнаружил в РГАСПИ письмо в редакцию «Известий» 1965 г., написанное от лица буденновцев. В письме на основе архивных документов показано, что Думенко не имел никакого отношения к созданию Отдельной кавдивизии и реально ею не командовал, все это осуществлял Буденный. Прежде всего, потому что в январе – феврале 1919 г. Думенко болел простудой в тяжелой форме, а в марте его вывел из строя тиф. Получив в конце января известие о своем назначении, хворавший начдив поначалу даже отказался от этой должности, так как не желал иметь под своим началом Доно-Ставропольскую бригаду. Потом он все же согласился на командование. Этот официальный статус, а также нежелание нанести обиду стали причиной награждения Думенко орденом Красного Знамени [35. Л. 10–24]. В третьих, высказывание Ворошилова относится к зиме 1918 – весне 1919 г. [8, с. 1]. Ворошилов просто-речно обобщил под название «4-я кавалерийская дивизия» и Сводную, и Отдельную дивизию, переименованную затем в 4-ю; а имел он в виду следующее: на первых порах Сводной дивизией командовал Думенко, а затем Отдельной (4-й) – Буденный.

Сопоставим то, что в разных трудах Поликарпов писал о Сводной и Отдельной дивизиях. В 1965 г. Поликарпов смешал в одну две дивизии – Сводную и Отдельную [31, с. 5]. В письме 1970 г., он признал факт существования двух соединений. А затем в статьях 1988 и 2009 г. вновь подал дивизии в смешанном виде [30, с. 16–17; 33, с. 27–28]. Здесь либо нечеткость изложения, либо невнимательность.

Из всего боевого пути Буденного в работах Поликарпова нашли отражение пять операций.

Вкладом самого историка в изучение биографии маршала следует признать установленные им факты руководящей роли Думенко в

операции по освобождению из окружения мартыново-орловских партизан и неучастия в ней Ворошилова [28, с. 601; 33, с. 36–37, 74–75].

На базе наработок других исследователей Поликарпов правильно указал существенные аспекты операций по переброске 1-й Конной армии на польский фронт и по освобождению Крыма: вопреки рассказам Буденного согласие главкома на переброску Конармии походным порядком было дано еще до поездки его и Ворошилова в Москву; окончательному изгнанию врангелевцев с советской земли 2-я Конная армия способствовала в гораздо большей степени, чем 1-я [28, с. 601–603; 26, с. 472; 33, с. 77–78].

На основе статьи Н.Ф. Кузьмина, рассказывая о Львовской операции, Поликарпов счел для себя возможным нечетко передать содержание работы другого историка: путем отбора из статьи удобных фактов он выставил дело так, будто Кузьмин и все предшествовавшие серьезные историки виновниками неудачи в советско-польской войне полагали только лишь командование Юго-Западного фронта и 1-й Конной армии; в то же время приведенную Кузьминым иную научную историографическую традицию и представленные им же факты, показывающие ошибки Реввоенсовета Республики, Главного командования и командования Западным фронтом, Поликарпов опустил [17, с. 49–52, 54–66; 26, с. 419–421].

Батайско-Манычскую операцию Поликарпов вовсе сфальсифицировал. Из описания историка следует, что честный, скромный и безобидный человек, профессионал военного дела, бывший полковник В.И. Шорин, находившийся во главе Кавказского фронта и всей душой радевший за выполнение стратегического замысла Главного командования, разработал дельный план конкретной операции по его осуществлению. А в это время «конармейская верхушка» попустительствовала пьянкам и грабежам буденновцев в Ростове и не выполняла приказов комфронта о решительном наступлении, в том числе допустила 12-дневное бездействие после занятия города. В ответ на справедливую критику Шорина малограмотная и не разбиравшаяся в методах «конармейская тройка» посредством клеветнических доносов с политическими обвинениями развязала против него «войну компроматов». Неприязнь к Шорину усиливалась тем, что Буденный, Ворошилов и Е.А. Щаденко ненавидели военных специалистов. Прямую противоположность руководителям 1-й Конной являл командующий 8-й армией Г.Я. Сокольников, который не допустил развала дисциплины в подчиненной ему армии и выполнял распоряжения командующего фронтом. При этом отсутствие поддержки 8-й армии со стороны Конармии, а также

обоснованная критика Сокольников в адрес РВС Конной за то, что он распустил своих бойцов, привели к конфликту между двумя армейскими Реввоенсоветами. Результатом всех этих действий РВС 1-й Конной армии стало затягивание ликвидации деникинщины [28, с. 605–611, 625; 33, с. 76–77].

Преподнесенные хитроумным способом 12 дней простоя находятся в противоречии с прекрасно известной Поликарпову хронологией: в ночь с 8 на 9 января красная конница вступила в Ростов, где ее не ждали, 9-е и 10-е числа прошли в боях по очищению города, а 17 января она перешла в наступление, т. е. получается только 6–7 дней. Конфликт между командующим Кавказским фронтом и РВС 1-й Конной разгорелся прежде всего из-за игнорирования Шориним природных условий, чего также не мог не знать Поликарпов, хотя бы по тексту мемуаров Буденного «Пройденный путь». Приведем независимые источники. Комиссар 40-й стрелковой дивизии 8-й армии И.Я. Врачев записал в дневнике 21 января: «...причины неудач нужно искать не в превосходстве сил противника, а в невыгодности позиций. У неприятеля господствующие высоты, защищенные со стороны Дона болотами, почти непроходимыми для пехоты, не говоря уже о коннице. Но были и другие причины – плохое действие артиллерии и недостаточная решительность кавалерии» [9, с. 206].

Старший адъютант штаба 1-го Корниловского полка капитан А.А. Рябинский вспоминал: «До 6 января (по новому стилю до 19-го – М.Б.) большевики несколько раз пытались атаковать Батайск, но каждый раз отбрасывались к Ростову. Наступая по местности ровной и всюду открытой, без хороших артиллерийских позиций, они несли большие потери» [37, с. 38]. Причины простоя 6–7 дней следует в первую очередь видеть в оттепели. Подкрепим «Пройденный путь» словами Думенко от 14 января 1920 г.: «Реку Дон форсировать возможно, когда установится морозное время или совсем разольется Дон и пройдет лед. ...реку форсировать не представляется возможным, т.к. уже 5–6 сутки идет дождь, и все балки и ручьи переполнены водой» [2. Л. 15]. Как только закончилась оттепель, Конная армия 17 января начала наступление; оттепель повторилась в начале 20-х чисел, но даже и в эти дни кавалерия вела бои. Думы конармейцев передает в своем дневнике секретарь РВС Конной С.Н. Орловский: «Настроение бойцов скверное. Идут разговоры о том, что их ведут под расстрел противнику, ведя наступление на открытом месте» [22, с. 39]. Недовольство обращалось и непосредственно против командарма – боец 6-й дивизии с горечью спросил: «Зачем губишь людей, Семен Михайлович? Разве ты не знаешь, что в батайских болотах

всех коней положим? Смотри, проморгаешь армию!» [16, с. 135]. Бывший офицер и штабной работник у Шорина В.Н. Ладухин в воспоминаниях сказал немало добрых слов в адрес своего начальника, но даже он признал неправильным использование им 1-й Конной армии [18, с. 91]. Повторим: не мог Поликарпов не понимать, что неблагоприятные природные условия являлись ключевым аспектом боев под Батайском. Но именно их он затушевывал.

Зато присочинил... Кротость Шорина существовала разве что в фантазии Поликарпова. Писательница Л.М. Рейснер отметила, что шоринские юзоленты вылезали из аппарата «с холодными и точными приказами, с отчетливо отпечатанным матом и той спокойной, превосходной грубостью, с которой старик Шорин умел говорить с теми, кого любил, кого гнал вперед или осаживал назад железной оперативной уздой» [34, с. 90]. Ладухин вспоминал, как Шорин «разнес военного коменданта, устроил огромный скандал начальнику военных сообщений нашего фронта» [18, с. 91]. В «Пройденном пути» возникновение конфликта с Сокольниковым объяснено недовольством последнего тем, что Реввоенсовет Конной «не соизволил постучать, входя в чужой дом»: по директиве командования фронта Ростов должна была занимать только 8-я армия [4, с. 385–387]. Это мнение находит подтверждение в дневнике Врачева, в котором в записи от 20 января приведено напутствие Сокольникова бойцам: «Помните: в Батайске мы берем Ростов» [9, с. 205]. Желание реванша за Ростов заставляло Сокольникова бросать 8-ю армию в батайскую пропасть.

Основательно запутал Поликарпов вопрос о пьянстве и грабежах буденновцев в Ростове. Во-первых, тем же самым занималась и 8-я армия [9, с. 205]. Следовательно, обвинение одной только Конной армии в затягивании разгрома деникинщины необоснованно. Во-вторых, Поликарпов привел малоубедительные доказательства того, что РВС Конной попустительствовал беспорядкам. В одном случае историк процитировал фрагмент из «Красных маршалов» Р.Б. Гуля, которые, как известно, представляют собой перелицовку в антикоммунистическом духе советских популярных очерков. В другом случае он представил мнение недоброжелателей Конной армии – Реввоенсовета 8-й армии. А между тем имеются неоспоримые факты, доказывающие противоположное: Реввоенсовет 1-й Конной не только не препятствовал аресту уполномоченного РВС и коменданта Ростова А.Я. Пархоменко за пьяный дебош, но Ворошилов приказал направить дело в трибунал [22, с. 58–59]; РВС Конной предлагал Шорину перебросить армию из Ростова в район станицы

Константиновской, что диктовалось как оперативно-тактическими соображениями, так и желанием оторвать ее от города [14, с. 19]. В-третьих, не к месту Поликарпов вспомнил И.В. Сталина, выдав без сноски на источник следующий текст: Сталин помешал РВС фронта увещевать РВС Конной армии, чтобы тот обратил внимание на дисциплину – если бы не это, то беспорядков не было бы.

Отношение Буденного к Думенко Поликарпов объяснял завистью, стремлением устранить конкурента любыми способами, что в конечном итоге ему удалось. В подтверждение он смог предоставить из времен Гражданской войны лишь два источника. Первый – письмо Буденного к начальнику штаба 10-й армии Ключеву от 14 марта 1919 г., в котором тот просит отобрать у Думенко легковую машину за ненадобностью [28, с. 5; 33, с. 72]. Во-первых, письмо это вырвано из контекста: Думенко в это время болел сыпным тифом. Во-вторых, как следует из донесения, 17 февраля, когда Думенко болел простудой, Буденный беспокоился и просил «сообщить как ваше здоровье». 24 марта, когда Думенко лежал в тифу, Буденный приказом поручил дивизионному врачу отправить больного в Царицын, где тот «будет иметь надлежащий уход и будет в полной безопасности» [35. Л. 19, 21]. Второй – документы из судебного дела Думенко. На основании показаний Буденного, Ворошилова и Щаденко от 29 марта 1920 г. и более раннего донесения в РВС фронта, обычно приписываемого Щаденко, Поликарпов обвинял Буденного, который-де руководствовался недобрыми чувствами, в гибели Думенко [20, с. 67–69; 32, с. 145–146; 28, с. 600, 604; 26, с. 404–405; 33, с. 30–31, 76]. Это следует расценивать как его личное мнение, а не как истину. Писатель В.В. Карпенко о показаниях от 29 марта сказал другое: «К гибели Думенко ни Буденный, ни Ворошилов не причастны. Прямо не причастны. Их свидетельские показания в личной оценочной части не дают повода даже к аресту» [15, с. 3]. Более раннее донесение занимавшийся реабилитацией Думенко юрист Б.П. Беспалов охарактеризовал так: «Впрочем, может быть, эту клевету нашептал и не Щаденко. Может быть, ее придумали сами Тухачевский и Смилга (командующий фронтом и член РВС – М.Б.), сославшись для большей убедительности на Щаденко. А может быть, кто-нибудь другой от имени Щаденко предоставил им эту ложную информацию. Все возможно, т.к. не проверялось» [1, с. 3].

По мнению Поликарпова, «конармейская триоица» всю жизнь держала круговую поруку, обеспечивая друг другу получение высоких званий и постов [33, с. 76]. Чтобы уяснить надуманность этого заявления, достаточно прочитать письмо Ворошилова к Сталину от

1 февраля 1923 г., в котором тот категорически протестовал против назначения Буденного наркомом земледелия, потому что командарм Конной «слишком *крестьянин*, чересчур популярен и весьма хитер» [23, с. 408–409].

Пьесу В.В. Вишневского «Первая Конная» в 2002 г. Поликарпов объявил «агитационной подделкой». Похвала Буденного в предисловии объясняется тем, что автор пьесы повторил многое из той лжи, которой РВС Конной прикрывал собственное моральное падение. Из многого историк привел один пример: объяснение погромам и грабежам, чинившимся в 6-й дивизии, Вишневский дал в духе легенды о том, что ее разложили проникшие по заданию Деникина белые офицеры. «Восхваляемый "пулеметчик" не потрудился даже узнать, что к тому времени с Деникиным было покончено при участии той же Конной», – добавил Поликарпов к характеристике автора пьесы [28, с. 623]. Здесь что ни слово – все неправда. Являясь активным участником Гражданской войны с 1917 г., Вишневский занимал разные военные должности, в том числе пулеметчика, внес свой вклад и в разгром А.И. Деникина и П.Н. Врангеля [38, с. 47–82]. Уничжительная характеристика пьесы («агитационная подделка») свидетельствует или о поверхностном знакомстве с ней, или о тенденциозности, ибо в произведении показаны как героиня красной конницы, так и ее темные стороны: угрозы и упреки комиссару, барахольство, раздевание пленных [7, с. 61–65, 72–73, 105]. Изрядно запутал Поликарпов вопрос о белогвардейских офицерах. Во-первых, он искажил текст пьесы: в нем речь идет о том, что Деникин накануне своего поражения разрешил офицерам вступать в Красную армию с целью ее разложения изнутри [6, с. 123, 126] – историк же выставил дело так, будто находившийся в силе Деникин поставил задачу офицерам. Во-вторых, 1-е издание пьесы, где впервые появилось предисловие командарма, не содержит эпизода о белых офицерах, он присутствует во 2-м издании, которым пользовался историк. В-третьих, необоснованно категоричным стало утверждение Поликарпова о легендарности подрывной работы офицеров. После «новороссийской катастрофы» в рядах Конармии оказалось огромное количество недавних деникинцев. Показательна судьба одного из них: в прошлом матерый белогвардеец-гундоровец есаул Р.С. Рытиков на польском фронте из 1-й Конной перебежал на сторону врага, остался в эмиграции, в 1941–1943 гг. прислуживал фашистским «освободителям» [36, с. 43]. В 2009 г. оценка «Первой Конной» осталась та же, но в силу краткости изложения исчезли некоторые замечания [33, с. 81].

Все существенные достижения Поликарпова отражены в нашей статье, ограничение в объеме не позволяет нам продолжить разбор его ошибок. Впрочем, уже представленного достаточно, чтобы оценить меру документальной основательности сочинений историка...

Список литературы

1. Беспалов Б.П. В защиту комкоров // Молот (Ростов н/Д). – 1988. – 13 авг.
2. [Беспалов Б.П.]. Справка о бывшем командире 2-го сводного конного корпуса Думенко Б.М. Январь 1965 г. // Архив писателя В.В. Карпенко.
3. Боевой путь блинцев. – Ростов н/Д, 1930.
4. Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. – М., 1958.
5. Буденный С.М. Против искажения исторической правды // Вопр. истории КПСС. – 1970. – № 2.
6. Вишневский В.В. Первая Конная. 2-е изд. – М.; Л., 1931.
7. Вишневский В.В. Первая Конная. Пьеса. – М., 1930.
8. Ворошилов К.Е. Конница революции // Известия. – 1969. – 19 нояб.
9. Врачев И.Я. Страницы из походной книжки // Пархоменко И.И. и др. Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. – Воронеж, 1933.
10. Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской Области. – Таганрог, 1905.
11. Десятина // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 20. – СПб., 1893.
12. Егоров А.И. От бригады к армии // Красная звезда (М.). – 1930. – 22 февр.
13. Зиберов И.Г. Откуда появилась конница Буденного // Красная Армия. – 1922. – № 14–15.
14. Зотов С.А. Батайско-Маньчское сражение 1-й Конной армии в 1920 г. // Красная конница. – 1935. – № 5.
15. Комкор Думенко. [Интервью журналиста Г. Губанова с писателем В. Карпенко] // Молот (Ростов н/Д). – 1988. – 6 авг.
16. Кривошеин С.М. Сквозь бури (Воспоминания). – [М.], 1959.
17. Кузьмин Н.Ф. Об одной невыполненной директиве Главкома // Воен.-истор. журн. – 1962. – № 9.
18. Ладухин В.Н. В.И. Шорин. – Калинин, 1960.
19. Леонов А.П. Земельный вопрос в Донской области. – Новочеркасск, 1906.
20. Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спирин Л.М. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988.
21. Местная хроника // Донские областные ведомости (Новочеркасск). – 1902. – 11 авг.
22. Орловский С.Н. Великий год. Дневник конноармейца. – М.; Л., 1930.
23. [Письмо К.Е. Ворошилова И.В. Сталину от 1 февраля 1923 г.] // Военные архивы России. Вып. 1 / ред. Л.В. Мальцева. – М., 1993.
24. Победный путь. Памятка бойцу-буденновцу. – Л., 1928.
25. Подгорный А. История революционной борьбы в Сальском округе // Пролетарская революция на Дону. Сб. первый. – Ростов н/Д, 1922.

26. Полицарпов В.Д. «В совместных литературно-исторических боях» (Записки историка) // Шитов А.П., Полицарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха. Факты. Документы. Воспоминания. – М., 2006.
27. Полицарпов В.Д. «С неба полуденного...» // Правда. – 1983. – 25 апр.
28. Полицарпов В.Д. Другая сторона буденновской легенды // Гражданская война в России: события, мнения, оценки / сост. Е.Ю. Кораблева и др. – М., 2002.
29. Полицарпов В.Д. Другая сторона буденновской легенды // Шитов А.П., Полицарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха. Факты. Документы. Воспоминания. – М., 2006.
30. Полицарпов В.Д. Командиры, рожденные Октябрем // Знание-сила. – 1988. – № 2.
31. Полицарпов В.Д. Комкор возвращается в строй // Неделя (М.). – 1965. – 14–20 февр.
32. Полицарпов В.Д. Трагедия комкора Думенко // Дон. – 1988. – № 11.
33. Полицарпов В.Д. У истоков легенды о Буденном // На фронте истории Гражданской войны. Памяти Василия Дмитриевича Полицарпова: сб. ст. и документов. – М., 2009.
34. Рейснер Л.М. Из цикла «Фронт» // Рейснер Л.М. Избр. произв. – М., 1958.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 78 (документ найден С.С. Войтиковым и предоставлен нам).
36. Рытиковы // Казачий слов.-справ. Т. III / Изд. А.И. Скрылов и Г.В. Губарев. – Сан Ансельмо, 1970.
37. Рябинский А.А. Кавалерийское дело 6 января 1920 г. // Последние бои Вооруженных сил Юга России / сост. С.В. Волков. – М., 2004.
38. Хелемендик В.С. Всеволод Вишневский. 2-е изд. – М., 1983.
39. Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 г. – Ростов н/Д, 1980.

Причины поражения Германии на Восточном фронте во Второй мировой войне в освещении немецких историков XX в.

В статье анализируются предлагаемые немецкой историографией причины поражения нацистской Германии в войне против СССР. Делается вывод о том, что произошедшее поражение было вызвано не «цепью случайностей», а стало закономерным итогом героической борьбы советского народа за свою Родину.

The article analyses the causes of the defeat of Nazi Germany in the war against the USSR given in German historiography. The conclusion is made that the defeat was not caused by the «chain of accidents » but it became a natural result of the heroic struggle of the Soviet people for their country.

Ключевые слова: историография, немецкие историки, Вторая мировая война, Восточный фронт, Великая Отечественная война, оккупация, советский народ.

Key words: historiography, the German historians, World War II, the Eastern front, the Great Patriotic war, the occupation, the Soviet people.

Советский Союз в жестокой борьбе одержал всемирно-историческую победу над сильным и коварным врагом. Немало западных историков признают, что «русское национальное государство и советский строй выдержали самые серьезные испытания» [48, р. 141]. Вместе с тем многие немецкие исследователи и мемуаристы отрицают закономерный характер поражения Германии и пытаются доказать, что оно является следствием воздействия ряда случайных негативных факторов. Концепцию «случайности» поражения Германии в войне немецкие авторы во многом заимствовали из нацистской пропаганды и тенденциозных суждений мемуаров бывших генералов и офицеров вермахта, которые еще в годы войны пытались объяснить неудачи вермахта на советско-германском фронте не поддающимися воздействию военного руководства Германии факторами. Поражения «германского рейха» объясняются виной Гитлера, ненадежностью войск союзников Германии, утраченным «русским шансом», изменой отдельных генералов, неблагоприятными географическими условиями, численным превосходством советских войск и т. д.

В идеологическом отношении, как отмечает А.Н. Мерцалов, большинство названных версий – это результат преувеличения или преуменьшения той или иной стороны реального явления, рассмотрения его вне связи с остальными его сторонами, игнорирования главных черт явления, его сущности [9, с. 199]. Тем самым вольно или невольно дается неверная оценка как отдельных событий, так и картины войны в целом.

Одной из наиболее распространенных в немецкой историографии версий поражения немецких войск на Восточном фронте является утверждение о единоличной ответственности Гитлера, его бездарном, некомпетентном руководстве военными действиями, просчетах и ошибках как политического и военного деятеля, что отражает одну из основных методологических тенденций немецкой историографии – персонификацию истории.

Родоначальником этой точки зрения можно считать Ф. Гальдера, выпустившего в 1949 г. в свет мемуары под характерным названием «Гитлер как полководец». Одновременно была опубликована его статья, названная еще более выразительно: «Адольф Гитлер: Каждый может быть чуть-чуть полководцем» [33]. В этих публикациях был выдвинут тезис о единоличной ответственности Гитлера за поражение и об оппозиции германских генералов нацистскому режиму.

В 1955 г. вышла книга К. Рикера «Один человек проигрывает войну», в которой он утверждает, что победить противника, возглавляемого бездарным полководцем, дело нетрудное. Он пишет: «Одно можно сказать о четырехлетней русско-германской войне: не Сталин ее выиграл, а Гитлер ее проиграл» [45, с. 11]. Аналогичное утверждение содержится в работе М. Геринга «Все или ничего». Он считает виновником войны и поражения одного Гитлера с его «манией величия, слепой одержимостью, складом ума разбойника и преступным дилетантизмом» [27, с. 259]. Некоторые авторы утверждают, что само решение о нападении на СССР было крупнейшей ошибкой Гитлера.

В немецкой историографии встречается и иная, полярная точка зрения. Так, в книге Н. фон Белова многие неудачи вермахта возлагаются только на генералитет. «Представления о войне были совершенно различные. Руководство сухопутных войск ожидало обычную войну, Гитлер – наоборот – борьбу против твердого и бесстрашного врага». «Гитлер долго готовился к этой борьбе, изучал по картам местность будущих действий, дислокацию русской армии и предполагаемые резервы вооружения. Ему были известны силы русских соединений, и он был убежден, что борьба будет очень трудной». По его мнению, «Гитлер увидел будущее угрожающее

развитие на Восточном фронте раньше и отчетливее, чем его советники» [21, с. 279, 281, 332]. Но эта точка зрения представляет, пожалуй, исключение, хотя ее разделял сам Гитлер. Всю вину за поражение немецких войск под Москвой он возложил на высшее руководство сухопутных войск и генералитет. «Выражения презрения, которыми Гитлер награждал фон Браухича с конца 1941 года, – пишет Й-К. Фест, – отразили в принципе его новую оценку высшего офицерского корпуса в целом: «тщеславный, трусливый сброд, который... своими постоянными замечаниями и своими постоянным непослушанием полностью опошлил и загубил весь план кампании на Востоке» [19, с. 255].

Все же в большинстве книг, изданных в ФРГ во второй половине 70-х – 90-е гг. XX в., содержится критика, хотя и не последовательная, с определенными оговорами, авантюризма Гитлера и апогея генерального штаба.

В немецкой литературе различными аргументами доказываются, что не только оперативные планы, но и тактические вопросы решались Гитлером единолично, а германский генералитет был лишь «приказополучателем» и исполнителем его директив и воинского долга и непричастен к допущенным ошибкам. По мнению некоторых немецких исследователей, Москва не была взята только потому, что наступлению на этом направлении всячески сопротивлялся Гитлер. «Генеральный штаб, – как писал в докладе Гальдер после завершения им своей военной карьеры, – считал, что... самыми неотложными задачами являются разгром русских войск путем концентрации всех имеющихся в распоряжении сил в группе армий «Центр», дальнейшее продвижение на Москву, овладение этим «нервным» центром сопротивления противника и уничтожение его новых воинских формирований. Сосредоточение всех сил для такого наступления нужно было осуществить в кратчайший срок из-за угрозы наступления зимы» [12, с. 196]. Гитлер же приказывал сначала направить силы на южное крыло фронта и видел своей целью Украину и Кавказ как важнейшие хозяйственные области, дающие хлеб, руду, уголь и нефть. Это решение, по мнению Гальдера, оказало решающее влияние на исход русской кампании. Таково же мнение генерала Ф. Меллентина: «Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан, и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда расматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце» [8, с. 140].

Отечественные историки и военные считают эти утверждения несостоятельными. Их авторы не жалеют признавать то обстоя-

тельство, что стратегические планы немецкого командования были сорваны героическим сопротивлением советских воинов, которые нанесли большие потери вермахту, поставили под угрозу удара фланги соединений вермахта, нацеленных на Москву. Г.К. Жуков по этому поводу писал, что без временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину положение центральной группировки немцев могло быть еще хуже. «Ведь резервы Ставки, которые в сентябре были обращены на заполнение брешей на юго-западном направлении, – отмечал он, – в декабре – при контрнаступлении – могли быть использованы для мощного удара во фланг и тыл группы армий "Центр" при ее наступлении на Москву» [3, т. 2, с. 240–241].

Некоторые немецкие историки и мемуаристы утверждают, что Ленинград остался неприступным, немецкие войска потерпели поражение под Тихвином из-за недалёковидности и вмешательства Гитлера, который своими ошибочными решениями лишил вермахт победы под Ленинградом.

Так, бывший начальник штаба 4-й танковой группы генерал Вальтер Шаль де Болле в своей книге «Наступление 4-й танковой группы на Ленинград» провал плана захвата города объясняет «неясностью стратегической цели в начале войны», имеющимися у фюрера «колебаниями между Ленинградом и Москвой» [26, s. 78]. «Гитлер, – писал Гудериан, – вдруг отказался от захвата Ленинграда с его миллионным населением, хотя это и не выходило за рамки возможного» [5, с. 119].

При добросовестном подходе к фактам, отраженным в многочисленных публикациях отечественных авторов, всякому непредвзятому исследователю станет очевидно, что главной причиной краха немецких планов захвата Ленинграда стало непреодолимое сопротивление его защитников, патриотизм воинов и населения города, самоотверженно его отстаивающих.

Это констатируют немецкие историки В. Хаупт, Г. Юбершер [34] и др. «Бои вокруг Ленинграда продолжались с исключительной жесточенностью. Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, – пишет Типпельскирх, – ожидаемого успеха не было» [17, с. 197]. Это далеко не единственное признание генералов вермахта, чьи соединения рвались к Ленинграду. 17 сентября 1941 г. генерал Шмидт, командовавший 39-м механизированным корпусом, докладывал Гитлеру, что «большевистское сопротивление своей яростью и жесточенностью намного превзошло самые большие ожидания» [11, с. 153]. Другой генерал – фон Бутлар – признал, что «войскам 18-й армии не уда-

лось сломить сопротивление защитников города, с фанатическим упорством оборонявших каждый метр земли» [11].

Что же касается довода о переброске танковых и моторизованных частей на московское направление, то он несостоятелен. Это решение Гитлера вовсе не означало отказа от захвата Ленинграда. Фашисты продолжали штурм города, но натолкнулись на непреодолимую оборону его защитников. Расчет немецкого командования – покончить с Ленинградом до начала наступления на Москву – не оправдался, хотя в надежде на падение города оно всячески оттягивало вывод из боя танковых и моторизованных дивизий. Переброска 1-й и 6-й танковых дивизий затянулась до 23–24 сентября, а 36-й механизированной – до конца сентября.

Будучи некомпетентным в оперативно-стратегических вопросах, Гитлер на самом деле не мог обеспечить руководство военными действиями на должном уровне. Его серьезные просчеты имели место и весьма негативно сказывались на ходе боевых действий немецких войск. Но сводить дело только к его просчетам было бы неверно. Между Гитлером и некоторыми генералами не было единого мнения по отдельным вопросам. Они имели иногда несхожие представления и оценки конкретных событий ожесточенной борьбы, развернувшейся на советско-германском фронте. Но, как свидетельствуют факты, между Гитлером и большинством его генералов не было каких-либо принципиальных противоречий и разногласий. Генералы и офицеры вермахта поддерживали преступные политические намерения, в которых воплощались мечты нацистов об установлении мирового господства, сознательно и ревностно осуществляли захватнические цели Гитлера.

Только малая часть немецких военных и дипломатов, – как видно из документов экспозиции «Война Германии против Советского Союза 1941–1945» – предостерегала Гитлера от этой войны (против СССР – *авт.*), большинство же было согласно с его целями и надеялось на быструю победу [2, с. 41]. Решающим, пожалуй, было при этом то, что после «молниеносных побед» в начальной фазе Второй мировой войны командование германских вооруженных сил потеряло способность измерять свои военные возможности. Оно разделяло точку зрения и оптимизм Гитлера в том, что Красную армию можно победить в самое короткое время. Разработку плана «Барбаросса» осуществляли опытнейшие немецкий генералы Ф. Гальдер, Ф. Паулюс, Э. Маркс и др. Поддержку германским генеральным штабом решения Гитлера напасть на СССР признают и не могут не признать многие немецкие историки [28, s. 98; 30, s. 308; 39, s. 10], ибо авантюризм, переоценка собственных сил и возмож-

ностей были свойственны не только персонально Гитлеру, но и всем правящим кругам фашистской Германии.

Как видим, при планировании и подготовке нападения на СССР были допущены коренные и непоправимые ошибки. Это было результатом крайнего авантюризма немецкой военной доктрины, творцом которой являлся и немецкий генеральный штаб. Можно привести много примеров и конкретных просчетов германского генералитета. Так, преемник Гальдера на посту начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Цейцлер заявил в сентябре 1942 г.: «Русские не располагают уже сколько-нибудь значительными оперативными резервами и больше не способны провести наступления крупного масштаба» [1, с. 93]. 19 ноября этого же года началось мощное контрнаступление советских войск, приведшее к окружению и разгрому немецких армий под Сталинградом.

Неслучайно ряд немецких историков признает, что война была проиграна не из-за отдельных ошибок, а вследствие авантюризма политических и военных планов. Преследуемая Гитлером «политическая цель, – подчеркивает Г.А.-Якобсен, – далеко превышала эффективность находившихся в его распоряжении военных и экономических средств». И далее: «...Никаких шансов выиграть войну у Германии не было... Более того, можно без преувеличения сказать, что эта война была проиграна политически еще прежде, чем она началась военными средствами» [20, с. 68, 71].

Отмежевываются от утверждения о военном дилетантстве Гитлера как основной причине поражения Германии авторы четвертого тома «Германский рейх и Вторая мировая война». Такой подход к освещению советско-германской войны, говорится в этом капитальном труде, является неоправданным. Лишь путем всестороннего детального исследования всех проблем можно пролить свет на важные военные и политические взаимосвязи войны на востоке [29, с. 19].

Другой весьма распространенной среди немецких историков и мемуаристов версией причин поражения Германии в войне против СССР является концепция неблагоприятных погодных-климатических условий в Советском Союзе. Большинство историков, придерживающихся этой версии, в той или иной степени объясняет причины катастрофы Третьего рейха отрицательным воздействием «русского лета с его пылью, зноем и жарой», «осени с ее дождями, заставляющими захлебнуться в грязи всякое передвижение», «невероятно ранней и суровой зимой», огромной протяженностью коммуникаций, недостатком хороших дорог и т. д.

Эта версия о природных факторах как главных, а иногда и единственных причинах поражения Германии, выдвинутая еще в ходе

войны 1941–1945 гг., выдвигается и в работах немецких авторов в 80-е гг. [31, s. 310, 314; 32, s. 642; 9, с. 212], и в работах, опубликованных в 90-х гг. XX в. «Если бы Советский Союз, – пишет Ф. Левенталь, – был страной такого размера, как Франция или Италия, то война на Востоке завершилась бы уже осенью 1941 года полной оккупацией вражеской территории. Благодаря дальности пространств, ранней, необычно суровой зиме 1941 года и прекрасной материальной поддержке западных союзников, война могла тем не менее продолжаться, несмотря на тяжелые поражения в начальный период и потерю важнейших индустриальных областей» [41, s. 199]. К. Риккер пытается выразить мысль, что советские войска могли просто отступить, а «бескрайние российские дали» и без них измотали бы противника» [45, s. 18]. Г. Бюхелер считает, что в Восточной Европе «пространство господствует над обоими другими традиционными факторами военного искусства – силами и временем» [23, s. 128, 131]. Н. Белов полагает, что после поражения советских войск под Киевом летом-осенью 1941 г. «путь вермахта к русской столице был открыт», но «несколько раньше, чем обычно, началась распутица... Многие соединения застряли в трясине. Русские использовали время, чтобы наскоро собранными частями закрыть прорывы в линии фронта и вновь организовать оборону. Во время зимнего кризиса 1941–1942 г. беспощадное сверхнапряжение в боевом применении людей и материалов стало постоянным... В 1941 г. все имеющиеся в его распоряжении дивизии Гитлер бросил на фронт. Он не имел больше достойных упоминания резервов. Русское пространство было для германского вермахта слишком велико» [21, s. 292, 293].

В немецкой литературе можно было встретить и иные суждения о причинах поражения вермахта на восточном фронте. Уже в пятидесятые годы некоторые историки и мемуаристы отмечали не только климат и бездорожье, якобы остановившие немецкие войска, но и боевые качества Красной армии. Эта тенденция, по мнению А.Н. Мерцалова, усилилась с 60-х гг. Так, Э. Замхабер считает, что причинами поражения были «пространство, климат и, не в последнюю очередь, боевой дух русского населения». П. Карелл, объясняя неудачи вермахта под Москвой, хотя и пишет о «52-градусном морозе» в Подмосковье, но подчеркивает, что холод был лишь кажущейся причиной поражения. Немцы проиграли сражение, потому что у них было «слишком мало солдат, слишком мало оружия, слишком мало предвидения у высшего командования; прежде всего, почти не было средств защиты от мороза и хотя бы скудного зимнего обмундирования», германское руководство «недооценило про-

тивника, его резервы... его моральной силы сопротивления. Это было принципиальной ошибкой» [9, с. 244; 46, с. 491; 24, с. 171].

Отвергая тенденциозную версию о географических факторах как главной причине поражения вермахта, отечественные историки не сбрасывают со счета климат и пространство. Они, безусловно, оказывают влияние на боевые действия, и в истории войн имеются примеры, когда осенняя распутица, внезапно установившиеся холода изменяли ход сражения. Советская военно-историческая наука всегда признавала существенное значение пространства и времени. В большинстве опубликованных работ подчеркивалось, что пространство Советского Союза, безусловно, сыграло важную роль, особенно в первые месяцы войны, когда Красная армия терпела поражения в силу ряда объективных и субъективных факторов. Но нельзя переоценивать их влияния, ибо не они предопределили победы Красной армии, они не имели решающего значения. К тому же естественные условия были одинаковы для обеих сторон, такие же трудности должны были преодолевать и советские войска.

Что же касается 52- и даже 63-градусных морозов, на которые сетуют некоторые немецкие авторы, то в действительности все было иначе. В ноябре 1941 г. в Подмоскowie средняя температура была около 4–6 градусов ниже нуля, а абсолютный минимум температуры не превышал 18 градусов. Только 5–7 декабря морозы достигли 31 градуса, а среднемесячная температура в декабре не опускалась ниже минус 14,6 градусов. Несостоятельность климатической версии признает ряд немецких историков. Так, К. Рейнгардт в книге «Поворот под Москвой» пишет: «... Вину за провал операций и, в первую очередь, операции "Тайфун", на которую он возлагал большие надежды, Гитлер приписал внезапным силам. "Атмосферные условия" остановили будто бы успешное продвижение немецких войск. "Шесть недель хорошей погоды – и Германия ликвидировала бы Россию". Этим утверждением Гитлер заложил основы пропагандистской кампании, которая была призвана доказать, что германские войска на востоке прекратили наступление из-за бездорожья и "больших морозов, невиданных в России за последние 150 лет". Однако совершенно ясно, что войска на востоке были остановлены на трех направлениях не начавшимся холодом, а еще до наступления первых морозов в силу катастрофического состояния германских частей, неудовлетворительного снабжения и, прежде всего, упорным сопротивлением русских войск» [44, с. 179–181].

Во время отражения танкового удара группировки Манштейна в ходе Сталинградской битвы «лед, который покрыл все дороги», не помешал соединениям 2-й гвардейской армии, выдвигавшимся на-

встречу этой группировке, по тому же самому льду продвигаться по 40–50 километров в сутки. Характерно в этом отношении высказывание американского историка Г. Кэссиди: «В ту первую военную зиму мы слышали в Москве, что за границей ходят темные слухи, что зима была целиком на стороне русских; будто бы источником всех бед немцев была только погода, а не Красная Армия. Эту идею было бы трудно донести до людей, которые остановили немцев под Москвой, а затем выбивались из сил в снег и лютый холод, чтобы отбросить врага. Их тоже генерал Зима заставляла страдать и умирать» [25, p. 63–64].

Авторы четвертого тома официального труда «Германский рейх и Вторая мировая война» не ограничиваются версией ни о «роковых ошибках» Гитлера, ни о неблагоприятных для немецких войск погодных-климатических условиях. «Главная причина крушения плана "Барбаросса", – говорится в книге, – крылась наверняка в том, что агрессор с самого начала войны уступал противнику почти во всех областях, касающихся материально-технической и организационно-структурной сферы. Он уже спустя несколько месяцев был не в состоянии восполнить также понесенные им потери в личном составе». Они считают, что военно-политическим руководством Германии были допущены просчеты в планировании войны против СССР, связанные прежде всего с недооценкой противника с точки зрения материальных и психологических потенциалов, а также политической стабильности [29, s. 17–18]. «Трудности, связанные с погодными условиями, не должны отрицаться в качестве одного из факторов наряду с другими, – полагает Г. Юбершер, – тем не менее ошибочно их выпячивать до такой степени, чтобы приписывать им решающую роль в немецком поражении, как это зачастую делалось в более ранних работах и вновь берется на вооружение в настоящее время» [38, s. 165]. С этим нельзя не согласиться. Не расстояния, не климат и плохие дороги привели к срыву планов немецкого командования, к разгрому вермахта. Высокие морально-боевые качества, стойкость и массовый героизм советских воинов позволили советским частям одерживать победу над фашистскими войсками.

Стремление скрыть истинные причины победы Советского Союза вызвало распространение немецкими историками версии о том, что победа русскими достигалась не умением, а якобы громадным численным превосходством. «С самого начала германская восточная армия, – утверждают Г.-А. Якобсен и А. Хилльгрубер, – не сумела преодолеть численного превосходства Красной Армии». Германские части и соединения, говорится в книге Э. Хельмдаха «Нападение», гибли под «паровым катком» советского численного превосходства [35, s. 52].

Эти версии, переходя из книги в книгу, распространяются и на оценку причин поражения немецких войск в решающих битвах на советско-германском фронте, причем некоторые авторы прибегают просто к баснословным утверждениям. Фрисснер, Гудериан, Типпельскирх и другие пишут о семи, двенадцати и даже двадцатикратном численном превосходстве советских войск. Так, об этом говорит К. Типпельскирх в книге «История Второй мировой войны», подчеркивая, что Красная армия имела «двадцатикратное превосходство в силах» над вермахтом под Москвой. О количественном превосходстве советских войск в Московской битве пишет и К. Рейнгардт. По мнению Э. Зимке, к началу контрнаступления под Сталинградом частями и соединениями Красной армии, насчитывающим 1 млн солдат и офицеров, якобы противостояло всего 500 тыс. войск противника. В некоторых книгах говорится о четырехкратном превосходстве советских войск в битве под Курском.

В отечественной военно-исторической литературе о Великой Отечественной войне накоплен огромный статистический материал, который корректировался с введением в научный оборот новых архивных документов, позволяющих проанализировать выдвинутый немецкими исследователями тезис о колоссальном численном превосходстве Красной армии над вермахтом. Приведенные в работах российских авторов данные позволяют утверждать, что в ходе войны соотношение сил между советскими вооруженными силами и вермахтом менялось. В первый период войны превосходство в силах было на стороне немецко-фашистских войск. 22 июня 1941 г. немецкое командование бросило против СССР 5 млн солдат и офицеров вермахта и союзных Германии войск. Этой армии вторжения противостояли силы пяти округов и трех флотов. Группировка советских войск на территории западных округов насчитывала 2680 тыс. чел. [16, с. 31, 34]. Среднемесячная списочная численность личного состава действующих фронтов и армий в июле-сентябре 1941 г. составила 3 млн 334,4 тыс. человек, а в октябре – декабре этого же года – 2 млн 318,5 тыс.

Первое крупное поражение немецкие армии потерпели под Москвой, когда в соотношении сил не было превосходства советских войск. На 1 октября 1941 г. группировка противника, нацеленная на Москву, насчитывала 1,8 млн чел. В составе советских войск было 1 250 тыс. чел. [16, с. 144–146]. К началу нашего контрнаступления под Москвой группа армий «Центр» вместе с военно-воздушными силами имела 1 708 тыс. солдат и офицеров, советские войска – 1 110 тыс. человек. Таким образом, противник превосходил советские войска по численности.

В результате огромных усилий руководства страны и народа было достигнуто равенство в силах и средствах с противником, а затем обеспечено решающее превосходство. Соотношение сил противоборствующих сторон на Сталинградском направлении первоначально складывалось в пользу вермахта. В наступающих соединениях 6-й армии имелось около 270 тыс. солдат и офицеров. 16–17 июля советские войска на Сталинградском направлении реально могли противопоставить врагу лишь около 160 тыс. чел. [15, с. 75]. Контрнаступление Красной армии под Сталинградом началось при почти одинаковой численности советских войск и вражеской группировки. 1 млн 143,5 тыс. солдат. Красной армии противостояло 1011,5 тыс. солдат и офицеров противника [4, с. 35]. На направлении главных ударов советские войска имели двойное и более превосходство, но в этом заслуга советского командования, сумевшего в этих условиях создать мощные ударные группировки и умело использовать их в избранных направлениях, что явилось важнейшим условием нашей победы в битве на Волге.

В районе Курского выступа к началу сражения соотношение сил в пользу советских войск выражалось по людям – 1,4:1. Переходящие на орловском направлении в контрнаступление советские войска имели превосходство над врагом в личном составе в два раза, а на Белгородско-харьковском – почти в три раза [7, с. 74, 97]. В битве за освобождение Белоруссии и в Берлинской операции Красная армия превосходила противника по личному составу соответственно в 2 и 2,5 раза.

Как видно из этих данных, в крупнейших операциях Красной армии она одерживала победы, прежде всего за счет мужества и стойкости советских воинов, совершенной техники, настойчивости и активности в достижении поставленных целей.

В 60-е гг. XX в. в немецкой литературе о войне достаточно широкое распространение получила версия об «упущенном шансе», пережившая определенную реанимацию в конце 80-х – начале 90-х гг. Ее суть заключается в том, что всенародный характер борьбы советских людей с захватчиками был обусловлен «излишней жестокостью» немецких оккупационных властей по отношению к мирному гражданскому населению. «Уже десятилетия в исторической литературе, – пишет Г. Хасс, – дискутируется вопрос о том, могла ли война на Востоке идти иначе, если бы немецкое руководство... заменило концепцию войны на уничтожение на сотрудничество с различными антисоветскими, антикоммунистическими, националистическими, религиозно-ортодоксальными, монархическими силами на базе реставрации капитализма, особенно в деревне, а также, наконец, с большой частью населения, недовольной бесхозяйственностью» [36, с. 279].

При этом немецкие авторы напоминают, что «психологическая лаборатория» военного министерства рейха при теоретическом рассмотрении возможного конфликта с Советским Союзом в 1935 г. рекомендовала подобный образ действий. Она предлагала, например, распространением листовок призывать русских создать «из Красной армии русскую армию» и повернуть штыки, чтобы «вместе с нами (немцами – *авт.*) бороться против проклятых еврейских комиссаров» [40, s. 125]. Утверждения об упущенном «русском шансе» содержатся в трудах немецких историков – Т. Оберлендера, Э. Хесса, К.Т. Руффмана, В. Ринса, Г. Буххайта и др.

Т. Оберлендер в книге «Шесть очерков об обработке советского населения в годы Второй мировой войны» весьма подробно рассказывает о том, какую пропагандистскую работу проводили оккупационные власти среди нерусского населения Кавказа в 1942–1943 гг. с целью склонить его к сотрудничеству с оккупантами. Он вынужден признать, что усилия германских властей сделать нерусские народности союзниками немцев в войне против Советского государства «не увенчались успехом». Но причина, по его мнению, не в действиях вермахта, а лишь в ошибках Гитлера, который проводил «неправильную восточную политику», относился к советским людям «излишне жестоко». Если бы это отношение было «более мягким», то население восприняло бы германские войска в качестве освободителей, пошло бы на сотрудничество с ними, и война была бы выиграна Германией. Но Гитлер не изменил радикально политику, поэтому виноват он один» [42, s. 1–12, 28–119].

Г. Буххайт считает, что «масса русского населения... надеялась освободиться от большевизма с помощью немцев. Однако вследствие оккупационной политики... тысячи русских стали убежать в леса». Этой же точки зрения придерживается К. Рейнгардт, который пытается объяснить борьбу советского народа на фронте и в тылу просчетами руководства Третьего рейха в политике по отношению к населению оккупированных районов [22, s. 356–357]. В. Хаупт упрекает «германское руководство» в том, что оно «упустило возможность при помощи справедливой политики сделать дружественным население оккупированных территорий» [9, с. 213–214], другие – в том, что оно «утратило возможность» использовать «русских против русских». При этом они ссылаются на действительно имеющиеся факты, свидетельствующие о том, что в некоторых местах население без осуждения, а кое-где и дружелюбно встречало части вермахта. Это относится, прежде всего, к западным районам Украины и Прибалтике.

Отметим, что сами же эти авторы пишут, что «подобные надежды на Украине, в Татарии, среди казаков и народностей Северного

Кавказа, однако, противоречили немецкой политике жизненного пространства на Востоке» [38, s. 279].

Программа геноцида по отношению к советскому народу была чудовищным продуктом нацистской идеологии и составляла организационную часть общего плана ведения войн против СССР. Она под предлогом борьбы с партизанами нашла свое конкретное воплощение в приказах военного командования вермахта. Так, в приказе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Райхенау от 9 сентября 1941 г. говорится о том, что солдаты 6-й армии «должны стать мстителями в организованной борьбе с партизанами. Для этого необходимо использовать такие средства уничтожения..., которые нам не свойственны и никогда нигде не применялись немецкими солдатами против вражеского населения». (Последнее утверждение оставим на совести Райхенау, «забывшего» о зверствах фашистов в оккупированных ими странах). В приказе командующий армией требует: «Все деревни и хутора, в которых скрывали или снабжали партизан, надлежит путем конфискации продуктов, поджога домов, расстрела заложников и повешения соучастников наказать...» [38, s. 129–130].

Такие факты не отрицают немецкие исследователи. Более того, многие из них опираются на эти свидетельства неслыханной жестокости, доказывая свою версию об утраченном «русском шансе». Но они либо замалчивают, либо очень мало пишут о том, что нацисты наряду с методами массового насилия и террора на оккупированных территориях прибегали и к тактике лавирования, тактике «кнута и пряника», к идеологической обработке населения в антисоветском духе, побуждая его к сотрудничеству с оккупантами.

Захватчики тщательно скрывали планы превращения советской территории в колонию Третьего рейха, массового уничтожения советских людей, внушали населению оккупированных областей, что ведут войну во имя неких «освободительных» целей, и тем, кто поддерживает оккупантов, будут предоставлены различные льготы и привилегии. Для ведения пропаганды среди населения фашисты создали достаточно разветвленный специальный аппарат, общее руководство которым осуществляло министерство пропаганды И. Геббельса. В каждой армии имелись роты и взводы пропаганды. В больших городах и населенных пунктах при военно-полевых комендатурах, в городских управах действовали отделы пропаганды (иногда они назывались отделами культуры и просвещения). Роте пропаганды непосредственно подчинялся *Ostpropzug* – взвод пропаганды на востоке. *Ostpropzug* располагал школами пропагандистов. Вторым подразделением *Ostpropzuga* являлся отдел печати. Общее

руководство отделом обеспечивали немецкие офицеры, владевшие русским языком.

Общий контроль за осуществлением пропагандистских функций на местах Ostprogrzug осуществлял через сеть «Домов правителей». Дом являлся центром идеологической работы в районе [6, с. 8-9]. Все эти звенья идеологического аппарата тщательно готовили. Вся идеологическая система нацистов осуществляла пропагандистские акции, направленные на разложение населения, парализацию его воли к сопротивлению захватчикам, призывы к взаимодействию с оккупационными властями.

Отдельные лидеры нацистской партии и некоторые командующие войсками во фронтовых и тыловых областях, а также штатные работники оккупационных управлений, начиная от руководящих сотрудников рейхскомиссариатов до местных представителей разных немецких учреждений, выступали за более широкое применение «гибкой» («мягкой») тактики с целью привлечь на свою сторону население оккупируемых областей. Они считали, что без хотя бы пассивной поддержки местного населения не существует никакой возможности надолго обеспечить господство на завоеванных территориях. «Крайне вероятно, чтобы народ, насчитывающий двести миллионов человек, – полагал В. Шелленберг, – свыкся с методами иностранной полиции, особенно если некоторые составляющие его национальности, которые ненавидят советскую систему и хорошо настроены по отношению к нам, будут лишены автономии в любой ее форме. В конце концов они, вероятно, будут вовлечены в какое-либо империалистическое панславянское движение. Я лично считаю, что мы должны создавать ряд автономных государств и оказывать содействие их национальным героям. Только в этом случае мы смогли бы использовать один народ против другого» [18, с. 228].

Соображения о необходимости вдохнуть жизнь в русский коллаборационизм возрастали с немецкой стороны по мере того, как все более рушился гитлеровский план войны, и оккупационная политика в России оказывалась полностью неэффективной, как партизанская борьба и сопротивление в тыловых районах немецких войск превратились в дополнительный театр военных действий. Заметно увеличилось число докладных записок, писем и предложений Гиммлеру, Кейтелю, Розенбергу и другим руководителям рейха, в которых настойчиво рекомендовалось изменить точку зрения на русских. Например, в документе отдела генерал-квартирмейстера от 8 января 1942 г. под названием «Предложения для разложения советского сопротивления» (борьба на оккупированных немцами территориях – *авт.*) речь идет о том, чтобы всеми средствами подорвать изнутри борьбу врага, использовать для этого обман противника о целях

войны. Цель должна быть такой, чтобы привлечь на свою сторону население занятых советских областей. «Чтобы этой цели достичь, следует обещать решение земельного вопроса и свободу удовлетворения религиозных потребностей. Даже можно говорить об образовании «независимого мнимого правления» не только для Украины и Кавказа, но также и для России» [43, с. 281].

Однако получили преобладание сторонники грубой силы, взгляды которых вытекали из самой сущности концепции «Восточного похода». Они считали, что война с СССР является решающим моментом всей мировой войны, и при их абсолютной уверенности в победе поставили на карту все. Но самое главное, как убедительно показывают отечественные историки, попытки военного и политического руководства Германии проводить в Советском Союзе «гибкую» политику не имели успеха. В СССР не было для этого объективных условий [10, с. 238].

Невиданная жестокость и беспощадность оккупационных властей, массовый террор и насилие, чинимое захватчиками над гражданским населением, действительно являлись одним из факторов, побуждающих мирных людей на самоотверженную борьбу с оккупантами, способствующих расширению и обострению этой борьбы, изменению ее форм [14, с. 37]. Это очевидный факт. «Германский террор лишь ускорил рост движения сопротивления», – полагают авторы книги «Война на Востоке. 1941–1945». Основные источники, питающие борьбу советских людей против фашистских захватчиков, лежат значительно глубже, они находятся в недрах самого народа, защищающего свою Родину. Уже в первые дни вторжения немецких войск на территорию СССР нацистская печать признавала, что советские люди встречали их не цветами и хлебом-солью, а пулями. Так, 26 июня 1941 г. немецкий военный корреспондент писал: «В нашем походе мы должны были проследовать через 20 деревень, и в каждой из них нас обстреливали красные снайперы, засевшие в избах. Они действовали и в промежутках между населенными пунктами».

Как видим, реальные факты, характеризующие сопротивление оккупантам населения захваченных немцами территорий, побуждают ряд немецких историков признать, что основная масса советских людей поднялась на самоотверженную борьбу против агрессоров за свободу и независимость своей Родины. Отечественная военно-историческая литература о Великой Отечественной войне излагает, как правило, не причины поражения Германии в войне 1941–1945 гг., а источники победы советского народа над фашизмом и с этой точки зрения рассматривает и закономерность неизбежного краха Третьего рейха.

Список литературы

1. Военно-исторический журнал. – 1960. – № 2.
2. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. – Берлин, 1992.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1972. Т. 1–2.
4. История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 6. – М., 1976.
5. Итоги Второй мировой войны: сб. ст. / пер. с нем. – М., 1957. – С. 119.
6. Ковалев Б.Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993.
7. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. – М., 1983.
8. Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг. – М., 1957.
9. Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. – М., 1989.
10. Мерцалов А.Н. Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. – М., 1978.
11. Мировая война 1939–1945 гг. – М., 1957.
12. Новая и новейшая истории. – 1992. – № 3. – С. 196.
13. Орлов А. Партизаны в Великой Отечественной войне // Свободная мысль. – 1995. – № 2.
14. Поляков Ю. Почему мы победили? // Свободная мысль. – 1994. – № 11.
15. Самсонов А.М. Сталинградская битва. 3-е изд. доп. – М., 1982.
16. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1977.
17. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – М., 1956.
18. Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / пер. с англ. – М., 1991.
19. Фест Й.К. Гитлер. Биография. Т. 3. – М., 1991.
20. Якобсен Г.-А. 1939-1945 // Вторая мировая война. Хроника и документы / пер. с нем // Вторая мировая война: два взгляда. – М., 1995.
21. Belov N. von Als Hitlers Adjutant. – Mains, 1980.
22. Buchheit G. Der deutsche Geheimdienst. – München, 1967.
23. Bucheler H. Hohpner. – Herford, 1980.
24. Carell P. Unternehmen Barbarossa. Im Bild. B.(W.)1978.
25. Cassidy H. Moskow Datelin. – N. V., 1943.
26. Chales de Bealien Walter. Der Vorstop der Panzergruppe 4 auf Lenin-grad – 1941. – Neckargemiind, 1961.
27. Coring M. Alles oder Nichts. – Tubingen, 1966.
28. Dahmes H. Der Zweite Weltkrieg. – Frankfurt a. M., 1966.
29. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Stuttgart, 1994.
30. Der Zweite Weltkrieg. - Gutersloh. 1969.
31. Die Berichte des Oberkommandes der Wehrmacht. – Munchen, 1983.
32. .Graig G. A. Die Deutsche Geschichte, 1866-1945. – Munchen, 1983.
33. Haider F. Hitler als Feldherr. – Munchen, 1949; «Alles fur die Welt». 1949. Hf. 2.
34. Haupt W. Heeresgruppe Nord. 1941–1945. – Bad Nauheim, 1966.
35. Helmdach E. Uberfall? Der sowjetischdeutsch Aufmarch. 1941-Heckargemund, 1976.

36. Hass G. Deutsche Okkupatioaziele und die Kollaboration besetzten Gebieten in der Russischen Foderativen Sowjetrepublik 1941–1944 // Europa untern Hakenkreuz. Ergänzungsband: Okkupation und Kollaboration. – Berlin, 1994.
37. Hass G. Zur deutschen Okkupationspolitik vor Leningrad 1941–1945. Стеногр. междунар. науч. конф. «50-летие снятия блокады Ленинграда». – СПб., 1994.
38. Unternehmen «Barbarossa». Paderborn, 1984.
39. Knopp G. Entscheidung Stalingrad. – Munchen, 1992.
40. Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Trappen das Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. – Stuttgart, 1981.
41. Lowenthal F. Das Kommunistische Experiment. – Koln, 1957.
42. Oberlander Th. Sechs Denksschriften aus dem Zweiten Weltkrieg iiber die Behandlung der Sowjetvolker. – Ingolstart, 1984.
43. Okkupation und Kollaboration (1938–1945). Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik / Hrsg. von Bundesarchiv. – Berlin, Heidelberg, 1994.
44. Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42. – Stuttgart, 1972.
45. Riecker K. Ein Mann verliert einen Wetkrieg. – Frankfurt a. M., 1955.
46. Samhaber E. Geschichto Europas. – Koln, 1967.
47. Scmiickle H. Ohne Pauken und Trompeten. – Stuttgart, 1982.
48. War: A. Historical, political and Social Study. – Santa Barderg, 1978.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

УДК 930.2

Н. С. Гусева

Постнеклассическая наука и постмодернизм: проблемы теории и методологии исторического познания в отечественной и зарубежной историографиях на рубеже XX–XXI вв.

В статье рассматриваются современные проблемы теории и методологии исторического познания. Автором сделана попытка анализа влияния принципов постмодерна на развитие зарубежной и отечественной исторической науки на ее современном этапе. Раскрывается суть понятий «постнеклассическая наука», «постмодернизм».

The author covers the modern problems of theory and methodology of historical knowledge. As a result, the author made attempt of the analyzes influence of principles of a postmodern on development of foreign and native historical science at its present stage and gives the interpretation of the notions «post-nonclassical science», «postmodernism».

Ключевые слова: постмодерн, постмодернистская парадигма, постнеклассическая наука, «лингвистический поворот», «постмодернистский вызов», дискурс.

Key words: postmodern, postmodernist paradigm, post-nonclassical science, «linguistic turn», «postmodernist challenge», discourse.

Общая ситуация постмодерна, характерная для современного научного знания в своем постнеклассическом варианте, сыграла немаловажную роль в развитии исторической науки. Недаром современное ее состояние позволило В.Н. Сидорцову заключить, что «несколько последних десятилетий показывают значительные изменения в историческом сознании и новые тенденции в историографии, связанные с переосмыслением ставших уже традиционными направлений исследований и появлением новых интересов познания и стратегий в отношении истории» [17, с. 71]. Более того, «эти новации, – как отмечают Л.П. Репина и ее коллеги, – в совокупности представляют собой наиболее значительный методологический прорыв с тех пор, как полтора столетия назад были заложены основы современной исторической науки» [15, с. 278].

При этом в недавно вышедшей монографии Л.П. Репиной отмечается следующее: «если сравнить некоторые аспекты историографической ситуации середины XX столетия с ситуацией конца XX – начала XXI в., то контрасты бросаются в глаза. Прежде всего, это принципиальные различия в понимании характера взаимоотношений историка с источником, предмета и способов исторического познания, содержания и природы исторического знания, определения его статуса и формы изложения, а также возможностей последующих интерпретаций исторического текста» [16, с. 119].

Таким образом, антропологизация исторической науки, «лингвистический поворот», процесс конструирования междисциплинарных объектов определяют лицо этой новой историографии. Эти черты ученые, занимающиеся данными направлениями научных исследований, связывают с проявлениями общей ситуации постмодерна [17, с. 71], когда «по-новому был поставлен вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о привычных критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью» [16, с. 121].

На протяжении последних двух десятилетий проблема взаимоотношений постмодернизма и исторической науки не теряет своей актуальности как в зарубежной, так и отечественной историографиях. Последнее обстоятельство стало главным в ходе написания данной статьи, в которой особое внимание будет уделено как обозначенным выше проблемам, так и общим вопросам теории и методологии исторического познания на современной этапе развития исторической науки.

В первую очередь, рассмотрим понятия «постнеклассическая наука» и «постмодернизм». Относительно первого термина стоит отметить, что в современном научном познании, в том числе и историческом, сосуществуют три типа научной рациональности, соответствующие трем этапам развития науки. В частности, в качестве доказательства приведем результаты научных изысканий В.С. Степина. Так, Вячеслав Семенович показал, что тенденция развития представлений об идеалах и нормах научного познания заключается в расширении поля рефлексии над деятельностью, в рамках которой изучается объект [18, с. 7–16]. Исследователь выделяет три этапа в его развитии: классический, неклассический и постнеклассический.

Исходя из вышеизложенного стоит отметить, что с 70-х гг. XX столетия неклассическая наука, сложившаяся на рубеже XIX–XX вв., сменяется постнеклассической наукой. Как итог, рождается новый тип знания, принципиально отличный от того, который принято называть «классической» наукой. Нельзя не отметить, что постнеклассическая наука характеризуется повышением субъективности, гуманистичности, самокритичности, пересмотром

таких его классических характеристик, как объективность и истинность. А «на смену таким постулатам классической науки, как простота, устойчивость, детерминированность, – отмечает Лариса Г. Судас, – выдвигаются постулаты сложности, вероятности, неустойчивости» [2].

Одновременно с данными процессами формируется и постмодернизм¹. В частности, современное состояние науки, культуры и общества в целом в 1970-е гг. ушедшего столетия было охарактеризовано Ж.-Ф. Лиотаром как «состояние постмодерна» [10]. Более того, как отмечают исследователи, на сегодняшний момент «совершенно очевидно существование параллелей между постнеклассической наукой с ее неопределенностью, неполнотой, неverifiedируемостью и принципиальными методологическими установками постмодернизма» [2].

Но в чем кроется принципиальная разница между «модерном» и «постмодерном» и существует ли она вообще? В первую очередь отметим, что «модерный» мир, в том числе и социальный, организуют категории детерминизма, универсальности, определенности и направленности развития. В то же время, как отмечает И.П. Ильин, «относительно того, что считать самыми характерными признаками постмодернизма, существует весьма широкий спектр мнений» [6, с. 202], но все же основные его признаки нерушимы: это категории неопределенности, нелинейности и многовариантности. «Упрощая до крайности, – отметил Лиотар, – мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [10, с. 11], а «грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией (как то структурализм или теория систем), сколько с прагматикой языковых частиц» [10, с. 12].

Каким образом повлиял постмодернизм на историческую науку? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим важнейшие постулаты постмодернистской парадигмы, которая ставит под сомнение или полностью опровергает следующие догмы историографии:

1) само понятие исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет;

¹ Дата возникновения постмодернизма как явления достаточно спорна. В частности, И.П. Ильин в труде «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» по этому вопросу отмечает следующее: «для И. Хассана он начинается с «Поминок по Финнегану» (1939 г.) Джойса. Фактически той же периодизации придерживается и К. Батлер. Другие исследователи относят время его появления примерно к середине 50-х гг., а к середине 60-х гг. – его превращение в «господствующую» тенденцию в искусстве. Однако большинство западных ученых, как литературных критиков, так и искусствоведов, считают, что переход от модернизма к постмодернизму пришелся именно на середину 50-х гг. XX века». В рамках своих научных исследований мы придерживаемся последней точки зрения.

2) критерии достоверности источника (размыв границ между фактом и вымыслом);

3) веру в возможность исторического познания и стремление к объективной истине [16, с. 122].

Таким образом, подчеркивается «литературность» исторических текстов и невозможность истории давать объективное научное знание: «в наиболее радикальном понимании труд историка становится фактом литературы, а историческое познание – формой эстетического осмысления мира» [14, с. 341], а так называемый «постмодернистский вызов» истории в первую очередь «направлен против концепций исторической реальности и объекта исторического познания» [15, с. 245].

Постмодернистская версия конструктивистской гипотезы, – как подчеркивает Н.Е. Копосов, – исходит из представлений о том, что мир дан нам только в языке и благодаря языку и что, следовательно, наши представления об истории являются лишь результатом действия «лингвистических протоколов», которыми порождены исторические тексты [8, с. 219].

М. Фуко, Х. Уайт и ряд других историков-постмодернистов в полном соответствии с постмодернистской парадигмой считали, что изучение истории не дает нам возможности видеть ее как постоянный или закономерный процесс: он не имеет ни начала, ни конца, ни направления, ни определенного смысла. История, – отметил в одной из интервью Х. Уайт, – никак не может считаться наукой в том же смысле, что химия или физика. Не каждый в ней нуждается, и, возможно, многим людям она наносит ущерб. Нельзя думать, что если история обслуживает наши потребности, то она нужна всем» [7]. Уайт уподобляет историка рассказчику, а историческое произведение предстает как «вербальная структура в форме нарративного прозаического дискурса и является моделью, в которой воплощаются структуры и процессы прошлого, дающие эти толкования через репрезентацию реальности» [19, с. 11–13]. В свою очередь, история, по М. Фуко – это «сфера действия сил бессознательного, хаотичного, скачкообразное накопление знаний и изменений дискурса» [17, с. 81].

Итак, согласно представлениям историков-постмодернистов в корне изменяются взгляды на историю: она теряет телеологичность, присущую практически всем концепциям, претендовавшим ранее на универсальное объяснение исторического процесса [17]. Современные постмодернисты утверждают, что смысл истории теперь приобретается инновационно, что история «не является эволюционным процессом» и «не обусловлена социально-экономическими трансформациями общественного организма» [17, с. 82]. В толковании

адептов постмодернизма историческая действительность выступает «не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной (речевой) практикой». В их понимании язык «рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение» [17, с. 88].

Таким образом, по-новому ставится вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о критериях объективности и способах контроля исследователем своей творческой деятельности: «историки, считая себя максимально критичными в анализе источников и сдержанными в оценках событий, оказываются гораздо наивнее литераторов и потому легче поддаются воздействию литературных и теоретических шаблонов – установившихся моделей» [19, с. 8]. Как следствие «происходят серьезные изменения в сфере профессионального сознания и самосознания историков, связанные с пересмотром традиционных представлений о собственной профессии, месте истории в системе гуманитарно-научного знания» [15, с. 246]. Проще говоря, перед историком возникает вопрос: кем является он сам в данном процессе, как изменяется образ, статус и функции исторической науки?

В развернувшейся в зарубежной историографии полемике принимали активное участие обе стороны. Одним из наиболее известных историков – защитников от «постмодернистской опасности» в конце XX столетия стал англичанин Л. Стоун. В частности, в журнале «Past and Present» в ответ на постмодернистские заключения о том, что история всегда представлена нам в дискурсивной форме и нет ни политической, ни экономической, ни социальной внетекстовых систем, Стоун отмечает, что данные постулаты оглашают нечто неприемлемое для историка: ведь «если ничего не существует вне текста, то история, как мы ее знаем, полностью дискредитируется, а факт и ложь становятся неразличимы» [20, с. 310]. Стоит отдать должное, что при этом, подчеркивает А.В. Юдельсон, английский ученый не отрицает положительной роли «лингвистического поворота», «научившего историков более тщательно рассматривать тексты, используя новый инструментарий для выявления скрытой в них информации» [20].

Лоуренс Стоун настаивает, что «слова, являясь игрушкой человека, не могут играть друг с другом» [20, с. 311]. Достигнуть «относительной истины» («во всяком случае, заслужить одобрение наиболее информативного читателя») историк может, производя ряд сложных операций – выяснив авторское намерение, изучив социальный и политический контекст, который создал современную форму языка, погрузившись в традиции культуры [20, с. 311].

Не меньший, а скорее, наибольший интерес для нас представляет историографическая ситуация, сложившаяся на рубеже XX–XXI вв. в отечественной исторической науке. Переопределение методов историографического исследования, отход от позитивистского марксизма заметно отразился на развитии отечественной исторической науки, когда «озадаченные необходимостью модернизации марксистских подходов к истории отечественные исследователи конца 80-начала 90-х гг. с надеждой обратились к западной историографии в поисках новых концепций» [20, с. 314].

Затрагивая проблемы отечественной историографии, в первую очередь крайне важно отметить особенность в понимании постмодернизма (как самого термина, так и его содержания в контексте влияния на историческую науку) советскими, а затем и российскими исследователями. Дело в том, что в начале 1990-х гг. отечественные историки рассматривали постмодернизм не иначе «как поиск «третьего пути», на котором история могла бы избежать опасности растворения в «точных» науках, не способных сформировать комплексное видение человека и общества, и в литературе, не связанной обязательствами по отношению к прошлому» [20, с. 316]. Как верно подметил А.В. Юдельсон, «постмодернистом может смело называть себя любой историк, поддерживающий главное требование нашей постперестроечной историографии – вернуть истории человека» [20].

При этом наблюдается своеобразный диссонанс: в частности, В.М. Мучник и И.Ю. Николаева отмечают, что «большинство историков в эпоху постмодернизма не разделяют радикальных воззрений Х. Уайта [13, с. 21], более того, «выражают свое несогласие с Ф. Анкерсмитом, сравнившим труд историка-постмодерниста с увлеченным перебиранием листьев, опавших с исторического дерева, ствол и ветки которого не представляют более никакого интереса» [1, с. 157–158]. Подобная довольно противоречивая ситуация во многом может быть объяснена тем, что многие историки-марксисты в то время еще не достаточно четко понимали общую ситуацию постмодернистского дискурса.

Но уже с 1994 г. начинают появляться первые работы, рассматривающие данную проблему с позиций зарубежной историографии. Главным образом это работы Галины Ивановны Зверевой, «первым профессиональным историком, связавшим постмодернизм со стратегиями постструктурализма и деконструктивизма» [20, с. 316]. Г.И. Зверевой были сформулированы основные понятия постмодернизма, среди которых: текст, дискурсивная практика и др. Как отмечает А.В. Юдельсон, это «помогло российским историкам ориентироваться в проблемном поле современной историографии» [20,

с. 317], но вместе с тем, продолжает он далее, «формировало представление о постмодернизме не как об альтернативе, но как о следующем этапе науки ... поскольку предполагаемый переворот грозил обесценить практически все профессиональные навыки, которыми гордились российские историки, такой подход позволял восстановить единство советской историографии на основе отрицания "модных" влияний западной мысли. Как итог: с 1995 г. отношение к постмодернизму становится все более негативным» [20, с. 317], но все же не приобретает массового характера.

Важную роль в критике постмодернизма и в обсуждении современных проблем теории и методологии исторической науки играл журнал «Одиссей. Человек в истории». При этом в отечественной критике постмодернистских идей становится заметно новое качество российской историографии: «стремление обращаться к "конечным вопросам" цели и смысла исторического исследования, поиск нового понимания его природы, соответствующего современным тенденциям эпистемологии, наметившийся поворот к релятивизации универсалистских подходов к источнику свидетельствует о том, что в нашей историографии появляется слой историков, для которых думать о прошлом оказывается важнее, чем «исследовать его» [20, с. 320–321].

В основе исследовательской концепции современных историков лежит идея, согласно которой историческое знание (и предлагаемый им образ прошлого) всегда субъективно, неполно и относительно в своей истинности; что объектом исторического знания является человек, природа и поведение которого разнообразны сами по себе и могут быть рассмотрены в разных ракурсах и взаимосвязях; что историческое знание всегда выполняет социальные функции, является частью социального сознания, элементом политико-идеологических представлений и исходным материалом для определения стратегии дальнейшего социального развития; что историческая память общества есть результат как рационального осмысления прошлого, так и его интуитивного и эмоционального восприятия [15, с. 2–4].

«Историк, – отмечает Н.Е. Копосов, – не может обойтись без проецирования на историю форм своего разума, ибо мир, включая историю, дан ему только как проекция форм его собственного сознания... а история все равно остается конструктором разума историка, который полагает ее как объект познания» [8, с. 220]. Но в то же время неверно утверждать и о том, что историческое познание полностью субъективно, как это предполагает постмодернистская парадигма, и тем самым «разум историка не сводится к лингвистическому модулю» [8].

Вполне естественно, что многие профессиональные историки, в первую очередь на Западе, «встретили наступление постмодернистов буквально в штыки»: «крайности» постмодернизма, отвергавшие саму возможность существования истории как научной дисциплины, вызвали растущий отпор со стороны исторического сообщества. Там эпоха «триумфального шествия» постмодернизма постепенно заканчивалась: «постмодернистский вызов» встретил, да и не мог не встретить, активное неприятие в историческом сообществе, ибо в своих крайних выражениях он означал агрессивное отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от наблюдателя исторической действительности» [11].

Как отмечает Б.Г. Могильницкий, в «американской историографии уже в 1990-е гг. нарастает критика постмодернизма» [11, с. 5–22]. Американский историк П. Загорин по этому поводу указывал, что «в противоположность ученым, работающим в сфере литературных исследований, американская историческая профессия обнаружила гораздо большую сопротивляемость постмодернистским доктринам, влияние которых на мышление и практику историков не только увядает, но все более обречено на исчезновение». Ибо, убежден Загорин, и это убеждение пронизывает все его рассуждения, «философия постмодернизма не только лишает историю ее научного статуса, но и делает проблематичным ее социальное назначение» [11, с. 10].

Критике постмодернизма уделено значительное внимание, и она во многом правомерна. Л.И. Кузеванов, оценивая влияние постмодернизма на современную историческую науку, подчеркивает, что в результате происходит «идеалистическая подмена понятия «исторический источник» понятием «текст», кроме того, происходит «размывание границ между фактом и вымыслом, между реальным и нереальным, что проявляется в конструировании никогда не существовавших исторических фактов»; обвиняет «в неоправданном объединении реальных исторических событий в единый класс с символическими обозначениями; в абсолютизации единичного, локального... в вульгаризации процедуры сбора и интерпретации исторической информации, что затрудняет саму возможность осуществления верификационных процедур» [9].

В свою очередь, критика крайностей постмодернизма не означает отрицания его позитивного влияния на историческую науку, которое, несомненно, существует [11]. Это признают многие, в том числе и отечественные исследователи (Б.Г. Могильницкий, Л.И. Кузеванов и др.). Даже бескомпромиссный критик постмодернистской теории истории, завершавший свою статью категорическим утвер-

ждением, что постмодернизм – это не место для обитания человеческого разума, П. Загорин вместе с тем признавал, что постмодернистские концепции языка и дискурса были широко восприняты в таких субдисциплинах, как социальная история, культурная и интеллектуальная история, женские и гендерные исследования и т. п., да и вообще пришествие постмодернизма вызвало бурный всплеск интереса к исторической эпистемологии.

Наиболее взвешенной, по мнению Б.Г. Могильницкого, является оценка другого выдающегося представителя «новой исторической науки» Л. Стоуна. Отвергая «крайности» постмодернизма (отрицание существования объективности исторической реальности, неразличимость истории и литературы, факта и вымысла и т. п.), он вместе с тем подчеркивает в целом благотворное влияние «лингвистического поворота» на историческую науку (среди них: раскованность мысли и воображения, обращение к любым исследовательским стратегиям, выработанным современной наукой, принципиальное многоязычие постмодернистской культуры и, в частности, исторической методологии, развитие диалогических форм исторического познания, его эстетизация, обоснование понятия исторического дискурса как особой формы изображения прошлого, распространение микроисторических исследований и многое другое) [11, с. 10].

По образному выражению Б.Г. Могильницкого, из всего этого образуется «тот питательный бульон, из которого может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям, но никак не являющаяся по своей природе постмодернистской, а, напротив, отвергающая его основную интенцию» [11, с. 17]. Говоря о положительных моментах влияния постмодернизма, нельзя не отметить факт смещения не только акцентов внимания историков, но и самих способов и стилей повествования. Сегодня многие исследователи говорят о возвращении старой, «рассказывающей» истории [17, с. 88–89], о так называемом нарративе – истории, близкой к литературе по стилистике и по методам, связанной с главным – преобладанием описания в работе историка. С другой стороны, повествование (нарративность), широко используемое историками для изложения результатов исследования, нельзя трактовать как простое описание, и сегодня имеет место «возвращение нарратива», но уже на новом витке и с новым теоретическим обоснованием. Дело в том, что нарративность «скрепляет» рассуждения, несет в себе «определенные рационализирующие связи и отношения», является «значительной частью общей стратегии рационального продвижения». В этом смысле «нарративность» в историческом исследовании выполняет ту же

роль, что и «интерпретация-описание» в естественно-научном познании. Таким образом, нарративность (интерпретация-описание) является одной из форм познания прошлого. В связи с этим, подчеркивает Л.И. Кузеванов, «нет никаких оснований "изгонять" ее из исторического исследования» [9, с. 167].

В связи с данными обстоятельствами во второй половине 1990-х гг. по мере постепенного усвоения поначалу казавшихся сумасбродных идей «все громче стали звучать голоса «умеренных», призывающие к взаимопониманию и примирению» [15, с. 246]. «В условиях "постмодернистского вызова", – отмечает Л. П. Репина, – сторонники этой позиции, отличной и от объективистской, и от сугубо лингвистической, нашли точку опоры в том, что невозможность прямого восприятия реальности не означает полного произвола историка в ее "конструировании"» [15, с. 247].

Таким образом, характеризуя современное состояние историографии, стоит отметить, что прочные позиции в настоящее время занимают субъективистские (постмодернистские) взгляды на природу исторического познания. В наиболее развернутом виде они представлены в получивших широкую известность на Западе трудах американского историка-постмодерниста Х. Уайта (одного из отцов-основателей «лингвистического поворота» в исторической науке), «обосновывающих поэтическую природу истории, не имеющей вследствие этого ничего общего с подлинной научностью» [12, с. 64].

Вместе с тем стоит уточнить, что далеко не все представители исторической профессии, в том числе и историки-постмодернисты, согласны с данными высказываниями, признавая, что «реальность – это не только произведение слов» [20, с. 311]. Американский историк П. Стирнс, в свою очередь, отметил, что «изучение истории помогает понимать людей, человеческий опыт и происхождение изменений в обществе, дает почву для размышлений по поводу морали, создает условия для самоидентификации и делает нас гражданами, развивает способность анализировать и оценивать многообразные свидетельства и их различные интерпретации, расширяет эрудицию и кругозор» [20, с. 311].

Не вызывает сомнений, что сохранение для истории статуса научного знания и ее дальнейшее развитие должно быть продолжено, но вместе с тем оно будет невозможно «без глубокого анализа теоретических оснований, методологических аспектов и актуальной исследовательской практики мировой и отечественной историографии» [16, с. 24].

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1997. – С. 157–158.
2. Г. Л. Судас Постмодернизм // URL: <http://www.chem.msu.su:8081/rus/teaching/sociology/postmodern.html> (дата обращения: 12.10.2012).
3. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. – М., 1996. Вып. 1996 г.: Ремесло историка на исходе XX века. – С. 11–24.
4. Зверева Г. И. Историческое знание в контексте культуры конца XX века: проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. – М., 1994. – Вып. 2. – С. 127–142.
5. Зверева Г. И. Культура исторической профессии на рубеже XXI века: вызов «новой интеллектуальной истории» // Тр. по культурной антропологии / сост. В. В. Глебкин. – М., 2002. – С. 128–138.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
7. Интервью с Х. Уайтом // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – Вып. 14. – М., 2005. – С. 345–346.
8. Копосов Н. Е. Как думают историки. – М., 2001. – 326 с.
9. Кузеванов Л. И. Академизм исторического познания: Моногр.; 9-е изд., доп. – М., 2010.
10. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 1998.
11. Могильницкий Б. Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Л. П. Репиной, Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. – М., 2004. – С. 5–22.
12. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М., 1989.
13. Мучник В. М., Николаева И. Ю. От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б. Г. Могильницкого. – Томск, 1994. Гл. I. – С. 5–52.
14. Парамонова М. Ю. «Несостоявшаяся история»: аргумент в споре об исторической объективности? Заметки о книге А. Деманда и не только о ней // Одиссей. Человек в истории. – 1997. – М., 1998. – С. 335–344.
15. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: пособие для вузов. – М., 2004.
16. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011.
17. Сидорцов В. Н. Методологические проблемы истории: учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Сидорцова. – Мн., 2006.
18. Степин В. С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки / отв. ред. Е. А. Мамчур // Проблемы методологии постнеклассической науки: сб. ст. – М., 1992. – С. 7–16.
19. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург, 2002.
20. Юдельсон А. В. Реферат по кн. «Хрестоматия постмодернистской истории» / под ред. К. Дженкинса // Образы историографии: сб. ст. – РГГУ, 2001. – С. 305–324.

УДК 94(47).066/073:355

Д. Н. Соловьёв, В. А. Чернухин

Участие казаков в регулярных войсках России в дореформенный период

В статье исследуется проблема численности казаков в регулярных подразделениях русской армии. Иррегулярные части постепенно превратились в регулярные части. Казачество обеспечивало костяк регулярным частям армии.

The article focuses on the number of Cossacks in the regular units of the Russian army. Irregular parts have turned into regular units. Cossacks provided the backbone of regular units of the army.

Ключевые слова: русская армия, народы и народности, кавалерия, эскадрон, военная подготовка.

Key words: Russian army, peoples and nations, cavalry squadron, military training.

Вопрос о количестве казаков, участвовавших в военных действиях в составе русской армии, является достаточно дискуссионным. Это особенно касается присутствия иррегулярных формирований в составе армии до царствования Екатерины II Великой [9; 13]. Последнее связано с тем, что при учете количества казаков необходимо было: исследовать до пятнадцати «званий войск»; занижать численность казаков в третьем и четвертом поколении, перешедших на службу в русскую армию и фактически утративших связь с казачеством; из состава иррегулярных войск выделять казачество, не учитывая татар, башкир, калмыков и представителей других народов и народностей.

Детальный учет казачества этого времени [22. Оп. 61. Д. 327. Л. 6–28], проведенный военной коллегией, позволил сделать вывод о том, что в русской армии одних лишь донских казаков тогда насчитывалось 19 479 чел. яицких – 3 196, оренбургских – 4 877, волжских – 1057, гребенских и терских – 952. А в конных полках их численность составляла: чугуевском – 541, азовском – 465, бахмуцком – 311, астраханском – 541, хоперском – 148, в сибирской губернии – 4.448, кизлярском, грузинском и армянском эскадронах – 50.

«...А еще Терских, что при прочих команды генерал-майора Бековича, ставропольских крещеных калмык» [22. Оп. 61. Д. 145. Л. 23]. Общее же число этих иррегулярных войск составляло 37 048 чел. [30. Оп. 2. Д. 93. Л. 8–9].

Военные реформы, предпринятые Григорием Потемкиным, фактически явились концом переходного периода в истории казачества, при котором его воинов можно было считать и наемниками, и постоянно находящимися в составе русской армии. Все казачьи кавалерийские части, за исключением лейб-гусарского эскадрона, в течение 1783 и 1784 гг. были переформированы. С этого времени вся эта легкая конница-вольница из иррегулярных поселенных войск превращается в регулярные части Русской армии [12, с. 5–12].

В 1764 г. был вынужден подать в отставку последний гетман К.Г. Разумовский, а в 1781 г. были окончательно упразднены 10 полковых округов Левобережья, затем в 1883 г. 10 малороссийских (бывших запорожских) казачьих полков также были переформированы в регулярные.

В результате всех этих мероприятий русская конница в 1796 г. имела в своем составе: гвардейских полков – 1; кирасирских полков – 5 (6 эскадронов и 1 запасной); карабинерских полков – 17 (6 эскадронов и 2 запасных); конно-гренадерских полков – 1 (10 эскадронов и 2 запасных); драгунских полков – 11 (10 эскадронов и 2 запасных); конно-егерских полков – 3 (10 эскадронов и 1 запасной); гусарских полков – 2 (6 эскадронов и 1 запасной); легкоконных полков – 11 (6 эскадронов и 3 запасных); казачьих регулярных – 6. Всего в полках было 66.896 чел. [27, с. 168].

Состояние казачьей конницы определяется следующими данными. Регулярная казачья конница состояла из 9 кавалерийских полков (5 чугуевских, 2 оренбургских и 2 кавказских). Штат регулярного казачьего полка предусматривал 23 офицера, 12 унтер-офицеров, 12 трубачей и 600 казаков [8, с. 345–361]. Таким образом, около 6000-7000 казаков находилось постоянно в составе регулярных войск, или 10 % от числа всей регулярной конницы.

Иррегулярная казачья конница состояла на 1787–1789 гг. из следующих отдельных войск: донское – 28 125 чел.; уральское – 4 027; оренбургское – 5 136; гребенское – 464 чел. [8, с. 497–498].

К концу XVIII в. из 75 тыс. солдат особых частей, набираемых по найму, в которых казачество представляло до 67–84 %, осталось всего 17 тыс. чел., составляющих гарнизоны далекого Оренбургского края и Сибири и часть казачьих войск Северного Кавказа, по тем или иным причинам не желавшим переходить на службу в русскую армию [20, с. 1–9].

Рассмотрим, какую часть русской армии составляли иррегулярные части в начале XIX в. В 1805 г. её количественный состав был следующим: гвардия – 11 472 чел.; армия – 341 287 чел.; казахи и нерегулярные войска – 110 215 чел. (в том числе 47 959 донских казаков) [21. Св. 3. Ч. II. Л. 55]. Таким образом, к началу наполеоновских войн почти каждый третий воин русской армии принадлежал к нерегулярным частям, а каждый десятый воин был донским казаком.

Если рассмотреть кавалерию отдельно, то мы получим еще более впечатляющую картину: гвардейская кавалерия – 3 052 чел.; армейская – 46 553 чел.; казахи иррегулярные войска – 110 215 чел. (в том числе 47 959 донских казаков) [27, с. 388–389].

Таким образом, малочисленность русской регулярной кавалерии компенсировалась казахскими войсками, которые по преимуществу были конными. В результате каждый третий кавалерист русской армии в начале XIX в. был донским казаком.

Еще более впечатляющую картину участия казачества в русской армии получаем, проведя некоторые расчеты. При численности населения страны в 36 млн чел., российская армия составляла 502 229 чел., т. е. в армию уходило около 7 % населения. Казачество, состоявшее из 981 467 чел., отдавало российскому государству военными 159 820 чел., т. е. одну шестую населения казахских войск. Так, теряя до 17 % населения, казачество должно было бы плодиться с невероятной силой, что было невозможно хотя бы из-за постоянного отсутствия 32–47 % мужского населения и естественной его убыли в войнах, т. е. естественный прирост казачества с середины XVIII и до начала XIX в. при таких цифрах был явно невозможен. Откуда же появлялись казаки?

С середины XVIII в. в казачество стали принимать горские народы Кавказа по излучинам Кубани, от Воронежского редута и вниз до Бугаза для несения службы на участке, получившем название «Черноморская кордонная линия».

О переходе некоторых горцев в казахье сословие свидетельствуют и архивные документы [26. Д. 104. Л. 66–74; 29. Кн. 704. Д. 282. Л. 76–77]. Например, известно о принятии в казахье сословие Кизлярского полка 188 мужчин-армян. Однако суровая жизнь казачества не всем пришлась по душе. Эти же источники свидетельствуют о сокращении к началу XIX в. более чем на 40 % принятых в середине XVIII в. представителей других народов в составе казачества. Однако процесс было уже не остановить и переход в казачество стал достаточно распространён не только у народов Северного Кавказа, но и других народов: татар, калмыков, народов Севера [10]. Этот процесс был необходим, поскольку боевая нагрузка на людские ресурсы казачества год от года возрастала.

Так, в 1801 г. император Павел I отправил в Индийский поход ни более, ни менее как 22,5 тыс. донских казаков (41 конный полк при двух конно-артиллерийских батареях), иными словами, 25 % мужского населения донского войска [1; 4; 6; 7].

В суровое для России время наполеоновских войн донские казаки пришли ей на помощь, выступив почти поголовно на защиту государства. В 1802 г. было издано положение о донском казачьем войске. В то время оно насчитывало свыше 20 тыс. всадников (41 полк) и две конно-артиллерийские роты. В Итальянском походе А.В. Суворова участвовало шесть казачьих полков (3 тыс. чел. – 10 % мужского населения Донского войска) под командой атамана В.Т. Денисова. Из-за нехватки мулов, обещанных австрийским командованием, Суворов использовал 1500 донских лошадей в качестве вьючных для перевозки артиллерии и других грузов. Казаки сражались в авангарде князя Багратиона при переходе через перевал Сен-Готард и у Чертова моста.

Анализ источников показывает, что всего в войнах России с Францией 1805–1807 гг. участвовало 13 казачьих полков. В бою под Шанграбеном пятитысячный отряд казаков успешно сражался с 30-тысячным французским войском, обеспечив успешные действия союзных войск. Недаром в 1811 г. Александр I пожаловал донскому войску знамя и грамоту, в которой отмечалось: «Врожденная бдительность донских воинов ограждала спокойствие нашей армии и главнокомандующему служила вместо недремлющего ока».

Мобилизационное напряжение казачьих войск возрастало. По материалам В. Синеокова [18], в войну 1806–1808 гг. донское войско дало армии 25 % своего мужского населения. По положению 1802 г. оно должно было выставлять 80 пятисотенных полков, т. е. приблизительно 40.000 бойцов, что составляло уже 30 % по отношению к мужскому населению Дона. В начале XIX в. казаки составляли две трети русской кавалерии, впрочем, это положение сохранялось и в последующем [16, с. 118]. Остальные войска в случае необходимости должны были выставить следующее количество полков: уральское – 10 пятисотенных полков; черноморское – 10 конных и 10 пеших пятисотенных полков; бугское – три конных пятисотенных полка; оренбургское – конный полк в 1090 казаков и четыре гарнизонных батальона [17, с. 176–177]. Всего в 1806–1809 гг. в войнах с Наполеоном и турками принимало участие свыше 120 тыс. казаков, т. е. 25 % мужского населения казачьих краев.

Генерал И.И. Краснов так вспоминал о положении на Дону накануне 1812 г., когда большинство служилых казаков находилось в полках: «В то время полки за полками беспрестанно выходили с Дона на службу, а в старые полки высылались частые команды для

пополнения убыли; со службы же полки давно уже не возвращались, и многие из них находились там лет по десяти и более; приходили оттуда на Дон, и то не часто, израненные да калеки, так что, наконец, увидеть в станице казака, способного для службы, сделалось большой редкостью» [14, с. 364]. Десятилетний срок службы донских полков в наполеоновскую эпоху, вместо регламентированного трехлетнего, стал обычным явлением.

К началу Отечественной войны 1812 г. русская полевая армия насчитывала 362 200 чел. пехоты, 86 920 чел. кавалерии, 52 500 чел. артиллерии, 75 тыс. чел. гарнизонных войск и до 120 тыс. иррегулярных войск – всего 597 тыс. чел. [21. Д. 379].

Иррегулярные войска главным образом составляла казачья конница, насчитывающая к началу войны 1812 г. около 80 тыс. чел. На момент вторжения Наполеона в Россию в штатной численности русской регулярной кавалерии еще 27 604 всадника (в том числе в составе в четырех украинских казачьих регулярных полков находилось 4 800 всадников) были исключительно казачьими [31]. Всего на 156 тыс. казаков мужского пола приходилось 36 % служивого состава, включая и «малолетков» (от 19 лет), 15,4 % – отставных, 47,4 % – детей до 19 лет.

По словам французского генерала Морана, подтвержденным и самим Наполеоном I, «Казачья для защиты России сделали больше, чем вся ее армия» [6]. Роль казачества в Отечественной войне 1812–1813 годов еще более рельефно выступает из сопоставления некоторых цифр.

Казачьи войска России в этот период выставили против Наполеона 100 тыс. всадников. По тогдашним условиям при численности армий в 50, 100, 200 тысяч эта цифра очень высока. С учетом пеших воинов в 1812–1813 гг. казаки выделяют в действующую армию до 150 тыс. бойцов, т. е. 30 % мужского населения, из них 112 тыс. участвовали в Бородинском сражении. Фактически же боевое напряжение казачьих войск было еще больше: на Кубани, на Кавказе, на Урале, в Оренбургской области, в Сибири все их мужское население было под оружием, ибо почти на них одних легла защита границ и рубежей, которые они прикрывают. Таким образом, в целом в войне 1812 г. казаки выставили 300 тыс. человек со всей страны.

Еще более рельефно выступают эти данные, если сопоставить мобилизационную нагрузку и ее последствия в донском казачьем войске.

В начале XIX столетия население донского войска составляло меньше 4,0 % всего населения России (по России – 38 млн в 1800 г., 53 млн в 1825 г.; донских же казаков обоего пола было 270 тыс. в 1803 г. и 320 тыс. в 1818 г.).

Во время войн процент донцов, находящихся в действующих армиях, составляет не менее 10,0 % их состава и очень часто его превышал, доходя до 20,0 %, а иногда и выше. Иначе говоря, численность донского войска была во много раз больше остального населения Империи [24]. Иначе говоря, на войну пошло поголовно все мужское население, способное носить оружие, начиная с 19 лет.

Об изменениях численного состава русской армии с 1826 по 1830 г. дают данные [2, с. 69–77], представленные в таблице.

Таблица

Численный состав русской армии с 1826 по 1830 гг.

Год	Регулярные войска			Иррегулярные войска		
	генералы	офицеры	солдаты	генералы	офицеры	солдаты
1826	506	25 919	848 201	15	2415	178 051
1827	506	26186	825457	14	2878	162724
1828	641	26940	811080	19	2834	183396
1829	679	25 627	824 660	23	3682	187165
1830	692	26168	839 365	26	3903	181372

Данные таблицы убедительно доказывают, что после Отечественной войны 1812 г. с 1826 по 1830 г. русская армия в численном отношении оставалась почти на одном уровне, хотя на эти годы падают две войны (русско-иранская 1826–1828 гг. и русско-турецкая 1828–1829 гг.). При этом продолжился рост числа казаков азовского, сибирского, тверского и ряда других войск и их привлечение к военной службе в составе регулярных и иррегулярных войск [28]. Казачество в этих войнах составляло 25–35 % [11, с. 217]. Особенностью этого периода также является рост числа казаков, достигших офицерских и генеральских званий. Именно подготовленных командных кадров не хватало в казачьих частях, и часто кадровые офицеры русской армии становились командирами казачьих частей.

В последующем рост численности русской армии и казачьих формирований в ней продолжился. Немалую роль в этом сыграло революционное движение, охватившее Европу в 1848 г., и венгерское восстание 1849 г., в подавлении которого принимала участие николаевская Россия.

Список литературы

1. Бондаренко А. Легенда о безумном государе // Красная звезда. – 2001. – 24 янв.
2. Военно-статистический сборник. Т. IV. Ч. 2. – СПб., 1871.
3. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Вып. 1 (1801–1805). – СПб., 1902.
4. Глуценко В.В. Казачество Евразии. – М., 2005.

5. Гордеев А.А. История казаков: в 4 т. – М., 1992.
6. Губарев Г. В. Книга о казаках. – Париж, 1957.
7. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2007.
8. Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске // Рус. архив. – 1876. – № 11.
9. История военного искусства: сб. материалов. Вып. III. – М., 1952.
10. История российского Приморья. – Владивосток, 1998.
11. Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры. – СПб., 1912.
12. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. – СПб., 1912.
13. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. – Ростов н/Д, 2000.
14. Краснов И.И. Воспоминания старого казака // Военный сб. – 1873. – № 12.
15. Краснов П.Н. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. – М., 2007.
16. Миткевич В. Казачья лава // ВС. – 1909. – № 4.
17. Н.Д.[Дубровин Н.Ф.] Краткий очерк устройства русской армии в царствование императора Александра I // Военный сб. – 1877. – № 12.
18. Назаров М.В. Свято-Русское казачье войско. – М., 2004.
19. Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III, 1881–1894 гг. – СПб., 1903.
20. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. – СПб., 1880.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 27.
22. РГВИА. Ф. 303.
23. РГВИА. Ф. 330.
24. Родимый Край. Париж (Франция). – 1957. – № 9.
25. Сборник статистических сведений о России / под ред. М. П. Заблоцкого. Кн. 1. – СПб., 1851.
26. Ставропольский краевой государственный архив. Ф. 235.
27. Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2.
28. Тарыкин А.П. Казачьи Войска. – Омск, 1913.
29. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. кизлярского коменданта.
30. Центральный государственный исторический архив Республик Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 93. Л. 8–9.
31. Харитонов И. За Царя, за Родину, за Веру! – Ростов н/Д, 2000.

Береговая оборона Балтийского флота в 30-е гг. XX в.

В статье рассматриваются мероприятия по укреплению береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в 30-е гг. XX в., в результате чего была достигнута более совершенная форма ее управления, упрощена структура и расширена зона ответственности.

This paper discusses measures to strengthen coastal defense CBF in the 30 years of XX century. As a result, reached a more advanced form of control it, the structure is simplified and expanded area of responsibility.

Ключевые слова: береговая оборона КБФ, Балтийский флот (КБФ), береговая артиллерия, оборона ВМБ, военно-морская база.

Key words: Coastal defense of the Baltic Fleet, the Baltic Fleet, the Baltic Fleet, coastal artillery, naval base defense, naval base.

Вопрос о применении береговой артиллерии в общей системе береговой обороны стал предметом активного обсуждения в 30-е гг. XX в. Этот сюжет нашел наиболее полное отражение во временном боевом уставе Морских сил РККА 1937 г. (БУМС-37). В нем подчеркивалось, что наряду с задачами противокорабельной и противодесантной обороны баз и побережья, решаемыми артиллерией береговой обороны, значительное внимание уделялось противовоздушной обороне баз, охране водного района, обороне базы с суши и в зимних условиях, обеспечению флота при стоянках на открытых рейдах. В Уставе указывалось, что оборона баз с моря и суши должна была носить активный характер и осуществляться Военно-морским флотом в тесном взаимодействии с сухопутными войсками. При этом флоту отводилась защита баз от нападения с моря и воздуха, для чего предусматривалось использование довольно большого количества сил и средств – корабельной, береговой и зенитной артиллерии, системы постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), истребительной авиации, средств заграждения и маскировки и др. [2, с. 64].

Кроме того, для обороны базы от ударов воздушного противника предусматривалось применение зенитных, артиллерийских и пулеметных батарей (в том числе корабельных), истребительной

авиации, средств заграждения и маскировки, развертывание системы командных пунктов ПВО, постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Задачи постов ВНОС в морском секторе возлагались на дозорные корабли, звукоулавливатели и прожектора. С выходом в феврале 1941 г. Наставления по ПВО военно-морских баз главным из всех этих родов сил и средств в системе ПВО стала рассматриваться истребительная авиация [2, с. 67].

Задача обороны базы с моря возлагалась на силы и средства ОВР, которую они должны были решать во взаимодействии с береговой артиллерией, авиацией и кораблями флота, базировавшимися на данной базе. Действия сил ОВР должны были исключить внезапные удары сил флота противника с моря и ведение им разведки в зоне базы, обеспечить быстроту, свободу и безопасность развертывания своих сил из данной базы, а также их возвращение в базу.

Задача обороны базы с суши согласно Уставу 1937 г. возлагалась на «специальные маневренные группы сухопутных частей». Сухопутный фронт базы должен был состоять из оборудованной долговременными укреплениями оборонительной полосы, способной отразить как внезапные нападения, так и длительную осаду базы противником. Для обороны сухопутного фронта предусматривалось использование береговой и корабельной артиллерии флота. Для этой цели береговые батареи должны были быть обеспечены сетью выносных корректировочных постов и средствами связи. В Уставе 1937 г. указывалось на необходимость организации единого командования всех трех фронтов обороняемой базы морского, воздушного и сухопутного [2, с. 72].

В целом предвоенные исследователи правильно оценивали возможные направления воздействий противника и их значимость. Однако в их оценках обороны баз имелись и серьезные недостатки. Как видно из анализа различных источников, несмотря на то, что оборона баз возлагалась на силы сухопутных войск и флота, документов, регламентирующих их совместные действия, перед войной подготовлено не было, а в армейских правилах (Полевой устав 1936 г. и проекты полевых уставов 1940 и 1941 г.) вопросы организации обороны военно-морских баз и крупных приморских городов с суши не рассматривались вовсе. Наставление по совместным действиям сухопутных войск с флотами и военными речными флотилиями появилось только в 1943 г.

Недостатком предвоенных оценок можно считать также то, что во временном Наставлении по ведению морских операций (НМО-40), вышедшем в конце 1940 г., не предусматривалась как типовая операция по обороне военно-морских баз. Кроме того, появление

противника у наших баз с суши и возникновение в этой связи сухопутного фронта ее обороны считалось маловероятным. Предполагалось, что с началом войны военные действия будут перенесены на территорию противника [2, с. 236–237].

В интересах более эффективного управления силами и средствами береговой обороны Балтийского флота, а также придания ей более совершенной организационной формы осуществлялась постоянная ее реорганизация. Так, с 1 июня 1933 г. на основании приказа РВС МСБМ № 0017 от 10 июня 1933 г. управление береговой обороны МСБМ, 1-я и 2-я артиллерийские бригады были расформированы, а вместо них с 15 июня 1933 г. созданы Кронштадтский и Ижорский укрепленные районы (КУР и ИУР) береговой обороны МСБМ с подчинением непосредственно военному совету Балтийского флота.

В состав Кронштадтского укрепрайона вошли: управление Кронштадтского укрепрайона; крепостной стрелковый полк; 42-й отдельный стрелковый батальон; охрана водного района ГВП МСБМ; отдельная Шлиссельбургская артиллерийская батарея; 1, 2, 3, 4, 5-я артдивизионы КУР; 41-й артиллерийский зенитный полк; Кронштадтский район СН и С; отдельная железнодорожная рота УНИ МСБМ; отдельная саперная рота УНИ МСБМ; отдельная рота при управлении коменданта города Кронштадта. В соответствии с приказом РВС МСБМ № 0136 от 4 июля 1933 г. 41-й артиллерийский зенитный полк развернули в бригаду ПВО МСБМ подчинения (за исключением оперативного) начальнику ПВО МСБМ. Тогда же и форты закрепили за отдельными артдивизионами. Приказом РВС МСБМ № 012 от 22 января 1934 г. переименовали батареи дивизионов с целью их систематизации и упорядочения. До переименования батареи носили различные номера, что затрудняло работу. В соответствии с приказом РВС МСБМ № 012 от 1 апреля 1935 г. артиллерийские части перевели на новые штаты и их перенумеровали (батареи это не коснулось): 1-й артдивизион – в 11-й (форт Передовой); 2-й артдивизион – в 12-й (форт Красноармейский); 3-й артдивизион – в 13-й (форт Комсомольский); 4-й артдивизион – в 14-й (форт Рошаль, Южные 1, 2, 3); 5-й артдивизион – в 15-й (форты Северные 2, 3, 4, 6, 7) [4. Оп. 1. Д.121. Л. 21–23; 6. Оп. 2. Д. 65. Л. 54–60].

В состав Ижорского укрепрайона вошли: управление Ижорского укрепрайона; 1-, 2-, 3-й артдивизионы; отдельная стрелковая рота; 21-й отдельный артдивизион; отдельный железнодорожный артдивизион; формируемые батареи и база железнодорожной артиллерии. В соответствии с тем же приказом, что и по КУР - № 012 от 22 января 1934 г., были переименованы и закрепились батареи. В

дальнейшем по приказу командира ИУР № 062 от 2 мая 1936 г. сформировали и включили в состав укрепрайона 1-й отдельный железнодорожный артдивизион в составе: управление артдивизиона; 11-я ж/д батарея (три орудия, калибра 356-мм); 12-я ж/д батарея (четыре орудия, калибра 180-мм); 61-й зенитный дивизион на мехтяге; 12-й зенитный дивизион на мехтяге; база ж/д артиллерии; отдельная ж/д рота. Впоследствии были включены 180-мм железнодорожные артиллерийские батареи (17-я, 18-я и 19-я с дальностью стрельбы 37,8 км) и 9-я отдельная 305-мм железнодорожная артиллерийская батарея с дальностью стрельбы 45 км (для её строительства были использованы орудия бывшего линейного корабля «Императрица Мария») [4. Оп. 1. Д. 121. Л. 23–24; 3. Оп. 1. Д. 393. Л. 83].

Личный состав расформированных управлений и бригад перешёл в ведение командиров этих районов. Для обороны базы флота в Лужской губе (приказ по ИУР № 00128 от 28 августа 1936 г.) с 1 июля 1936 г. сформировали Лужский укрепленный сектор [5. Оп. 1. Д. 393. Л. 91–96].

Таким образом, в ходе реорганизации береговой обороны МСБМ была достигнута более совершенная форма управления ее, упрощена структура и расширена зона ответственности.

В 1938 г. с целью придания укрепрайонам Береговой обороны КБФ определенной системности в названиях, а также в интересах все увеличивавшегося значения укрепрайонов в обороне морского побережья была осуществлена их дальнейшая реорганизация. Так, в соответствии с приказом НК ВМФ № 0734 от 27 июня 1938 г. Кронштадтский укрепрайон переименовали в Северный, а Ижорский в Южный, а приказом по КБФ № 0300 от 24 сентября 1938 г. вместо Лужского укрепленного сектора сформировали Западный укрепрайон¹ (граница ответственности – побережье от Систо-Палкино до государственной границы с Эстонией в Нарвском заливе, тогда как Южный стал от Ораниенбаума до Систо-Палкино) [3. Оп. 5. Д. 144. Л. 12–13].

Следовательно, после реорганизации Береговой обороны КБФ она стала включать три укрепрайона: Северный, Южный и Западный. Данные укрепрайоны в целом имели на вооружении 22 стационарные батареи со следующим числом орудий: 8 – 305-мм; 7 – 254-

¹ В состав Западного укрепрайона вошли: управление укрепрайона; 9-й зенитный артдивизион; 13-й зенитный артдивизион; 17-й зенитный артдивизион; 18-й зенитный артдивизион; 83-й зенитный артдивизион; 21-й отдельный артдивизион; 2-й отдельный тяжелый ж/д артдивизион и его база; отдельный пулеметный батальон; отдельная пулеметная рота; отдельная саперная рота. [См.: 3. Оп. 5. Д. 144. Л. 10–11].

мм; 12 – 203-мм; 29 – 152-мм; 8 – 130-мм; 7 – 120-мм; 8 – 100-мм; 4 ж/д батарей: 3 – 356-мм; 3 – 305-мм; 8 – 180-мм орудий, всего 93 орудия. Количество орудий по сравнению с прошлыми годами хотя и уменьшилось, но теперь это были на 45 % новые, а большинство остальных модернизированы и усовершенствованы – с обновленными орудийными стволами, снабженные новыми прицельными приспособлениями и приборами управления огнем.

Силы и средства укрепрайонов береговой обороны дополняли части и соединения Военно-воздушных сил, Противовоздушной обороны и Охраны водного района Балтийского флота. В итоге к ноябрю 1939 г. Балтийский флот и в целом подступы к Ленинграду защищались береговой обороной в составе трех укрепрайонов, дополненные авиацией, а также средствами ПВО и ОВР [7. Оп. 1. Д. 321. Л. 51–54].

Однако на этом преобразования береговой обороны не завершились. В 1940 г. часть КБФ перебазировалась в западные базы, что в итоге привело к коренному изменению военно-стратегической обстановки на Балтийском море. В связи с этим (в целях увеличения зоны огня береговой артиллерии на подступах к Кронштадту и Ленинграду) Северный, Южный и Западные укрепрайоны приказом командующего КБФ № 0085 от 31 мая 1940 г. реформировали в один – Кронштадтский укрепленный сектор (КУС, 162 орудия). На островах и побережье Выборгского залива создали Выборгский укрепленный сектор (ВУС, 43 орудия), а в средней части Финского залива – Гогландский укрепленный сектор (ГУС, 17 орудий). Береговая оборона Финского залива, организационно сгруппированная в трех секторах, стала замыкаться на Кронштадтскую военно-морскую базу, которой также стали подчиняться средства ПВО и другие подразделения и части. Для обороны водного района базы, простиравшегося на 100 миль к западу от Кронштадта, в ее штат ввели три соединения кораблей [7. Оп.1. Д. 321. Л. 51–54].

Таким образом, данная организация береговой обороны позволят сделать вывод – фланговый огонь с северного и южного берегов Финского залива (КУС и ВУС) при одновременном сковывании огнем батарей с Гогланда (ГУС) позволяли нанести поражение морскому противнику еще на дальних подступах к Кронштадтской ВМБ и Ленинграду.

Кроме того, Кронштадтская военно-морская база стала обеспечивать приморский (левый) фланг сухопутной группировки войск Ленинградского военного округа, занимающей рубеж от Баренцева моря до Финского залива. Данное оперативное построение основывалось на документе Генерального штаба – «План обороны государственной границы 1941 г.». В том документе ставилась задача

перед войсками приграничных округов не допустить вторжения наземного и воздушного противника на территорию Советского Союза. Требовалось путем упорной обороны в укрепленных районах обеспечить прикрытие от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск [1. Ф. 2. Оп. 352. Д. 1. Л. 1].

На основе плана Генерального штаба в Ленинградском военном округе был подготовлен план прикрытия государственной границы. В соответствии с данным планом северо-западные сухопутные рубежи СССР от Баренцева моря до Финского залива прикрывали три общевойсковые армии Ленинградского военного округа: 14-я (мурманское и кандалакшское направления), 7-я (петрозаводское) и 23-я (Карельский перешеек), а Кронштадтская военно-морская база замыкала данную группировку в районе Финского залива, обеспечивая тем самым ее приморский фланг [1. Ф.-2. Оп. 352. Д. 1. Л. 3–4].

Таким образом, в интересах укрепления береговой обороны КБФ в 30–е гг. XX в. осуществлялась выработка единых взглядов на оборону морского побережья, а также совершенствование организационной структуры береговой обороны. В итоге укрепление и развитие береговой обороны завершилось значительным усилением морских подступов к основным районам базирования Балтийского флота.

Список литературы

1. Архив штаба Ленинградского военного округа (ЛВО).
2. Боевой устав морских сил. – М., 1937.
3. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф.р-300.
4. РГА ВМФ. Ф.р-307.
5. РГА ВМФ. Ф.р-840.
6. РГА ВМФ. Ф.р-888.
7. РГА ВМФ. Ф. 1484.

Г. И. Большакова

Война и люди: морально-психологическое состояние советских переселенцев на Карельском перешейке в начальный период Великой Отечественной войны

В статье рассмотрено положение дел на присоединенной в результате советско-финляндской войны территории Карельского перешейка в начальный этап Великой Отечественной войны. Ситуация здесь резко усугубилась в связи с объявлением 26 июня 1941 г. Финляндией войны СССР. Организационно-тактические мероприятия, предпринятые местной властью в условно мирные месяцы (июнь-июль 1941 г.), дали возможность реализовать задачи по обеспечению, безопасности гражданского населения и эвакуации материальных ценностей с присоединенной территории и, таким образом, подготовиться к начавшимся боевым действиям между СССР и Финляндией.

This article is devoted to the affairs State at the added territories of Karelian Isthmus as a result of Soviet-Finland War. The situation had strengthened as on the 26-tu June 1941 It was denounced a war Finland and USSR. Organize-tactical means, taken by local authorities in conditionally peace mouths (June-July 1941) gave the opportunity to realize problems of guarantee of civil population and evacuation of financial securities of added territories. So it was opportunity to be ready for between USSR and Finland.

Ключевые слова: Карельский перешеек, советско-финляндская война, Великая Отечественная война, мобилизация, советские переселенцы, эвакуация.

Key words: Karelian Isthmus, Soviet-Finland war, The Great Patriotic war, the Soviet migrants, evacuation.

Проблемы, вставшие перед советскими переселенцами в межвоенный (1940–1941) период заселения и освоения Карельского перешейка, присоединенного к Советскому Союзу в результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг., резко усугубились в начальный период Великой Отечественной войны.

С объявлением войны СССР Германией (22 июня 1941 г.) и Финляндией (26 июня 1941 г.) на Карельском перешейке закончилась мирная жизнь, продолжавшаяся всего 15 месяцев. Советское население присоединенной территории вступило в сложный и трудный переходный период от мира к войне. Одновременно на западном фронте уже шли ожесточенные бои с фашисткой Германией.

Военно-политическая обстановка на западной границе СССР вынуждала партийно-хозяйственный аппарат Карельского перешейка действовать в соответствии с требованиями военного времени. В первую очередь нужно было осуществлять не только мероприятия по эвакуации материальных ценностей, оборудования, но и оказывать психологическую поддержку советским жителям присоединенной территории, которые ещё не успели адаптироваться к новым условиям жизни, но уже оказались перед военными испытаниями: предстоящим наступлением и боевыми действиями финской армии. В создавшейся ситуации огромную роль должны были сыграть организационно выверенные ориентиры в разъяснительной и организационной работе.

22 июня 1941 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» и ст. 49 «п» Конституции объявлялось «военное положение в приграничных территориях <... >, в том числе в Карело-Финской ССР».

Приказ «Об объявлении чрезвычайной ситуации, связанной с военным положением» был дан начальником Выборгского гарнизона генерал-майором Щербаковым 23 июня 1941 г. Действие его распространялось на территории непосредственно города Выборга, его окрестностей, а также Выборгского района [4. Л. 1, 2].

9 июля 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», по которому устанавливалось наказание виновных по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет [3, с. 46].

В первые дни войны 22–23 июня Президиум Верховного Совета СССР объявил мобилизацию в действующую армию мужчин четырнадцати возрастов (1905–1918 гг. рождения), затем было добавлено ещё шесть [15]. Организованно проходила мобилизация и на Карельском перешейке. Призывники, получавшие повестки, являлись в районные и городские военкоматы, там составлялись списки военнообязанных и мобилизованных, ежедневно отправлявшихся на Западный фронт. Важно подчеркнуть, что большую работу в этот период проводили военные комиссариаты городов Виипури (Выборга), Кексгольма (Приозерска), Антреа (Каменогорска), Энсо (Светогорска), о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы.

Основные задачи начального военного периода были сформулированы в разработанных накануне войны мобилизационных планах ЦК КП (б) КФ ССР, Совнаркома КФ ССР, а также Ленинградского областного исполнительного комитета [6. Л. 1]. Мероприятия этих

мобилизационных планов были скорректированы рядом постановлений, и рекомендаций, вышедших уже в условиях начавшихся военных действий. Целью подобных документов стало моральное и организационное укрепление советских переселенцев, формирование у населения высокой гражданской ответственности, сознательности, преданности идеалам Родины. Так, например, в связи с начавшейся войной сотрудники переселенческих отделов призывались уже не на сборы, а «в кадры РККА» [13], в постановлении СНК КФ ССР от 31 марта 1941 г. «Об утверждении контрольных цифр по созданию фонда "Обороне – повозка с упряжью в колхозах, совхозах и организациях КФ ССР" отмечалось: «Установить в предельный срок (до 1 июля 1941 г.) приобретение пароконных повозок типа ПГ-244 колхозам и 24 совхозам» [16. Л. 243]. Каждому хозяйству районов определялось подготовить в среднем по 78 повозок [5. Л. 3].

С выходом в свет постановления СНК КФ ССР №10/с от 30 мая 1941 г. «О развертывании работ по специальному строительству» были начаты работы по строительству военных объектов по линии НКВД. На строительстве были задействованы рабочие и специалисты, получившие отсрочку от мобилизации на фронт или подлежавшие бронированию [5. Л. 2]. В постановлении СНК КФ ССР от 20 июня 1941 г. «О создании фонда "Лошадь – Красной Армии" в новых районах КФ ССР» указывалось на «необходимость освобождения лошадей от трудовой гужевой повинности в колхозах и совхозах и передаче крепких и здоровых лошадей для службы в РККА». Постановлением СНК КФ ССР от 11 февраля 1941 г. «Об установлении запретных зон на железнодорожных объектах Кировской и Октябрьской железной дороги на территории КФ ССР» рекомендовалось усиление охраны и обороны войсками НКВД железнодорожных объектов, введении допуска в запретную зону рабочих и служащих железной дороги только по специальным пропускам [6]. (Запретной зоной считалась территория радиусом 100–250 м вокруг охраняемого объекта – Г.Б.).

Серьезное внимание уделялось проблеме безопасности гражданского населения и сохранности социалистического имущества. Так, в постановлениях СНК ЦК КП (б) КФ ССР «О подготовительных работах по эвакуации населения и ценного оборудования, учреждений», «О подготовительных работах по эвакуации обобщественного скота» [7. Л. 1–15], «О закрытии и эвакуации учебных заведений» [8. Л. 4], «О ликвидации промышленных предприятий» [9. Л. 3] и других указывалось на необходимость не только подготовительных работ по укреплению обороноспособности Карельского перешейка, но и готовности гражданского населения к возможным военным действиям. С этой целью создавались отряды народного ополчения, ко-

торые жили и работали по закону военного времени, оказывая существенную помощь в подготовке территории к отпору врагу.

На Карельском перешейке, как и по всей стране, уже с 26 июня 1941 г. Президиумом Верховного Совета был отменён воскресный и праздничный отдых, отпуска, увеличился рабочий день в городах до 11 ч, введены обязательные и сверхурочные работы. В тяжёлой и военной промышленности, на железных дорогах рабочий день со сверхурочными работами был увеличен до 14–16 ч в сутки. Упразднены ограничения женского и детского труда. Ужесточились санкции против нарушителей трудовой дисциплины. Самовольный уход с работы стал тяжким уголовным преступлением и карался заключением от 5 до 8 лет. Всеобщая трудовая повинность, отменённая в межвоенный период, была вновь восстановлена. В колхозах увеличивались нормы выработки, распространённые и на детей старше 12 лет. Летом 1941 г. была восстановлена упразднённая в 1935 г. карточная система распределения продуктов питания и предметов первой необходимости. Карточки полагались главным образом горожанам (в сельской местности – только председателям колхозов и сельских советов). Нормированию подлежали некоторые основные продукты: хлеб, соль, спички, мыло, жиры, сахар, для грудных детей выдавали молоко.

Несмотря на тревожные новости с фронтов Великой Отечественной войны, а также в условиях ожидания наступления финской армии советское население Карельского перешейка в целом поддерживало все проводимые мероприятия местной партийно-государственной власти активной работой и высокой сознательностью и дисциплиной.

Однако следует обратить внимание на то, что фонды Выборгского архива хранят и документы, которые фиксируют и некоторые примеры антисоветских настроений колхозников этого периода. Так, нельзя не отметить известное «татарское дело» раскрывающее неоднозначную ситуацию в среде советских переселенцев накануне войны, а именно, 5–19 июля 1941 г. в колхозе «Красная Татария» [3, с. 36]. В таких случаях велась индивидуальная работа по выявлению причин упаднического настроения колхозников, и совместными усилиями партийных и советских органов попытки дезорганизации предотвращались.

По распоряжению Исполкомов и Райисполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся в целях безопасности были введены «Временные правила поведения населения и обязанности администрации во время воздушного нападения противника» [10. Л. 1, 4]. Также была начата работа по рытью траншей, щелей. Населению было рекомендовано использование светомаскировки, а

для своевременного реагирования на сигналы о воздушной тревоге репродукторы оставались в течение суток включёнными в сеть.

Как отмечалось в информации Виипурскому РК КП (б) КФ ССР от 20 июля 1941 г., «Общее морально-политическое состояние в районе хорошее. Абсолютное большинство трудящихся района ведут себя дисциплинированно, чувствуют ответственность за соблюдение "военного положения"». В этот период среди населения проводилась усиленная массовая партийно-политическая работа. На партсобраниях главной темой оставались вопросы военного положения и задачи коммунистов по организации работы с населением [12. Л. 26–27 об.], обсуждались и принимались срочные меры по выполнению требований военного времени. Во всех сельских Советах, совхозах и на предприятиях районов создавались группы самозащиты противовоздушной и химической обороны [14]. В колхозах организовывались санитарные дружины и группы содействия истребительным отрядам по борьбе с парашютистами-диверсантами. Так, например, комсомольцы колхоза «Пионер» Виипурского района взяли на себя охрану общественного порядка [13]. В колхозах ежедневно проводились беседы, читки газет, а избах-читальнях устраивались коллективные прослушивания последних известий с фронтов Великой Отечественной войны [2].

Колхозы всех районов Карельского перешейка оказывали помощь Красной армии. В частности, члены колхоза имени Сталина Виипурского района решили выделить из колхозного фонда для Красной армии четыре коровы, 2000 л молока и 10 возов свежего сена. Колхозники колхоза имени Ильича решили отработать выходной день на сенокосе в пользу Красной армии и передать для армейских лошадей полтонны овса. Рыболовецкий колхоз «Советский десант» послал бойцам Красной армии два центнера свежей рыбы. Колхозницы Е. Стародубова и Л. Пащенко приготовили папиросы, яйца и другие продукты для красноармейцев.

Несмотря на наступление финской армии и начавшуюся эвакуацию из колхозов приграничной полосы людей, скота, имущества, колхозники-переселенцы продолжали сельскохозяйственные работы по уборке урожая пшеницы, ячменя и других культур [15]. Как вспоминал И.А. Пешехонов, второй секретарь Виипурского РК ВКП (б), «рискуя жизнью, колхозники убирали колхозное добро, все, до последнего колоска. Хлеб, таким образом, был собран и отправлен на грузовиках, угнан скот, вывезено все ценное оборудование и другое имущество» [15].

Для организации работы с населением и оказания практической помощи в эвакуационных работах, а также принятия решения об уничтожении остававшегося (не эвакуированного) народного добра на местах создавались «эвакуационные тройки» во главе с предсе-

дателями. Из числа гражданского населения создавались отряды народного ополчения, которые выполняли различные работы стратегического характера.

Важной задачей местных властей в этот период было обеспечение спокойствия и порядка среди населения. Так, Виipurский РК КП (б) 20 июля 1941 г. сообщал в ЦК КП (б) КФ ССР: «Несмотря на трудности сложившейся ситуации, колхозники соблюдают дисциплину и порядок, проявляют гражданскую сознательность <...>» [11. Л. 1].

Итак, в начальный период Великой Отечественной войны местная партийно-государственная власть на Карельском перешейке, несмотря на организационные трудности, недоработки и ошибки в реализации мобилизационного плана, сумела перестроить политику с целью укрепления экономического и оборонного потенциала региона. Первое советское население присоединенной территории прилагало огромные морально-психологические усилия для решения сложнейших по своим масштабам и стратегическим целям задач. При этом проявлялись лучшие черты людей советской эпохи – коллективизм и ощущение единения народа перед лицом опасности. Люди осознавали необратимость предстоящих жертв в борьбе с врагом за независимость Родины и были готовы к самопожертвованию.

Список литературы

1. Васильева Н.В. Помощь колхозников Красной Армии // Виipurский большевик. – 1941. – 12 июля.
2. Галин Э. Собрание коммунистов двух сельсоветов // Виipurский большевик. – 1941. – 10 июля.
3. Кривошеев Ю.В. Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка. – СПб., 2012. – С. 34–47.
4. Ленинградский государственный областной архив в Выборге (ЛОГАВ). Ф. Р. - 2. Оп. 2. Д. 8.
5. ЛОГАВ. Ф.Р.- 2. Оп. 1. Д. 16.
6. ЛОГАВ. Ф.Р.-2. Оп. 2. Д. 1.
7. ЛОГАВ. Ф.Р.-2. Оп. 1. Д. 91.
8. ЛОГАВ, Ф.Р.-2. Оп. 2. Д. 1.
9. ЛОГАВ. Ф.Р.-2. Оп. 2. Д. 2.
10. ЛОГАВ. Ф.Р.-2. Оп. 2. Д. 6.
11. ЛОГАВ. Ф.Р.-90. Оп. 1. Д. 3.
12. ЛОГАВ. Ф.р-3159. Оп. 1. Д. 13.
13. На собраниях комсомольцев в Иоханесс // Виipurский большевик. – 1941. – 10 июля.
14. Организация групп самозащиты в районе // Виipurский большевик. – 1941. – 19 июня.
15. Пешехонов И. Былое и думы // Знамя коммунизма. – 1963. – 15 окт.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 477.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083:323.283/284

Н. А. Портнягина

Обсуждение проблемы террора в Третьей Государственной думе*

В статье анализируется проблема обсуждения террора в Третьей Государственной думе. Автор показывает, что несмотря на осуждение террора Третьей Думой и принятие ею закона о вспомоществовании жертвам террора, единства в этом вопросе Дума не достигла. Левые фракции по-прежнему считали правительство ответственным за террор в России.

This article analyses the problem of the terror discussion in the third State Duma. The author demonstrates that the State Duma didn't achieve the unity in the terror question despite the terror's condemnation and the adoption of the victims of terror's donation law. The left fractions considered the government responsible for the terror in Russia as usual.

Ключевые слова: революционный террор, политические убийства, смертная казнь, Третья Государственная дума, правые депутаты, кадетская фракция, социал-демократы, трудовики.

Key words: revolutionary terror, assassination, death penalty, the third State Duma, right deputy, cadet fraction, social democrat, labour fraction.

В результате революции 1905–1907 гг. Россия, по крайней мере де-юре, превратилась в конституционную монархию. Она получила парламент, ограничивающий власть императора, и конституцию, каковой можно считать новые Основные законы 1906 г. [9, с. 156]. Но действительное становление правового государства в России проходило крайне болезненно и для общества, и для власти. Этот процесс осложнялся, на наш взгляд, тем, что и власть, и общество считали, что могут прибегать к насилию, действовать, не считаясь с законом, первая – применяя военно-полевые суды, второе – революционный террор.

Первая Государственная дума, левая по своему составу, не смогла встать на путь права и практически одобрила террор, тем

© Портнягина Н. А., 2013

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России. Соглашение № 14.В37.21.0952 от 26.10.12 по теме: «Российская общественность и власть в начале XX в.: реакция на революционный террор».

самым в определенной мере спровоцировав свой роспуск [10]. Во Второй думе, как и в Первой, вопрос о терроре оставался едва ли не центральным, однако Дума вновь не захотела осудить террор [11]. В составе Третьей думы преобладали октябристы и правые. В первую сессию из 487 депутатов Государственной думы 154 принадлежали к партии октябристов, 70 депутатов относились к умеренно-правым, 51 – к правым [4, с. 39–40]. От этой Думы, по словам В.Н. Коковцова, повеяло «патриотическим чувством», между ней и правительством сразу установились самые тесные отношения [6, с. 254]. А.В. Тыркова вспоминала, что «парламентская работа постоянно вносила трезвость... В Третьей Думе выработались навыки к сотрудничеству» депутатов и правительства в комиссиях [25, с. 342]. Но смогли ли депутаты преодолеть свои разногласия по вопросу о терроре? Ведь террор и после окончания революции продолжал оставаться насущной проблемой российского общества. Полицейская статистика с января 1908 г. по май 1910 г. зафиксировала 19 957 терактов и революционных грабежей, в результате которых погибло 732 чиновника и 3051 частное лицо, многие были ранены [2, с. 32].

Первые два года в работе Третьей думы, по словам А.В. Тырковой, «происходили прения не столько между депутатами и министрами, сколько между фракциями. Они нередко принимали бурный характер, попросту говоря, переходили в перебранку» [25, с. 335]. Отношение к террору было одной из тех болезненных проблем, по которой правые и левые депутаты не могли прийти к соглашению. Так, при обсуждении бюджета Главного тюремного управления левые депутаты критиковали тюремное начальство, например, за то, что свидания в тюрьмах проходят между двумя решетками, а правые и центр язвили: «чтобы бомбы не передавали» [18, с. 2346]. Правые считали, что следует усилить охрану, так как террор пришел и в тюрьмы: «арестанты терроризируют тюремную стражу», бегут из тюрем, чтобы продолжать террористическую деятельность [18, с. 2354–2357]. При обсуждении сметы МВД социал-демократы, отказываясь голосовать за предоставление денег структурам МВД, обвинили правительство в терроре против народа [18, с. 2472]. Основной причиной революционного террора левые считали действия правительства, отсутствие демократических свобод в стране. При обсуждении запроса правых Председателю Совета министров о Финляндии, в котором говорилось о подготовке многих терактов на территории этой страны, лидер трудовой группы А.А. Булат заметил, что пока Финляндия была свободной, там не было политических преступлений [19, с. 656]. Оппозиционные фракции настаивали на отмене смертной казни. Правые, в свою очередь, обвиняя в тер-

роре левых, подчеркивали, что в данной ситуации невозможно отказаться от смертной казни: «пусть убийцы покажут пример и перестанут убивать» [18, с. 2505, 2655].

Взаимные обвинения правых и левых депутатов в потворстве террору стали общим местом в работе Думы. Октябрист А.Д. Голицын, обращаясь к П.Н. Милюкову, заметил: «кровь...красного террора ляжет несмываемым пятном на вашу же голову...., вы замарали кровью свои руки в союзе с разбойниками и грабителями». П.Н. Милюков, отвечая на этот выпад, недоумевал: «Когда я услышал эту фразу..., подумал, то речь идет об убийцах Герценштейна и Иоллоса...подробности об этом известны не мне, а другим присутствующим здесь членам Думы» [20, с. 804, 856]. Еще перед выборами в Третью думу В.М. Пуришкевич обвинял кадетов в подталкивании к террору левых, в том, что газета «Речь», оставаясь в стороне, подстрекает фанатиков, «дабы удачно брошенной бомбой лишить тот или другой отдел энергичных вожаков накануне избирательной борьбы» и обеспечить себе победу, специально очерняет правых перед выборами, обвиняя их в соучастии терактам [15, с. 20, 22]. И в Думе, и в прессе редко можно было встретить такую взвешенную и уважительную оценку соперника, которую дал кадетам октябрист А.В. Еропкин. Он писал, что кадеты в качестве оппозиции в Думе даже полезны, «своими прениями содействуя всестороннему освещению вопросов и законопроектов, представляя интересы известного класса избирателей в стране» [5, с. 84].

Многие законопроекты, предложенные властью, депутаты Думы рассматривали через призму террора. Правые, например, выступили против законопроекта об условном досрочном освобождении лиц, отбывающих уголовное наказание в тюрьмах, предложенного министром юстиции. Они считали, что при таком размахе террора в стране нельзя смягчать наказания, население воспримет это как уступку революционерам [18, с. 213–216]. Напрасно министр юстиции И.Г. Щегловитов, защищая свой законопроект, убеждал депутатов в непричастности последнего к политике [18, с. 199], правые голосовали против. Даже социал-демократы воздержались от голосования по этому вопросу, полагая, что политических преступников нельзя считать преступниками, они – «лучшие граждане, самоотверженные герои и борцы за свободу» [18, с. 298].

Проблема террора обсуждалась в Думе всякий раз, когда поднимался вопрос о провокации, используемой охранными отделениями как метод борьбы с революционерами. Кадеты осуждали провокацию, считая, что этот метод только способствует террору [17, с. 1961–1970]. Правые поддерживали правительство, подчеркивали необходимость провокации в работе охранных отделений [17,

с. 1970–1971]. Октябристы, настаивая на необходимости борьбы с террором, полагали, что правительство должно использовать только законные методы [17, с. 978]. Социал-демократы в запросе министру внутренних дел от 20 января 1909 г. по поводу участия и руководства терактами агента Департамента полиции Е.Ф. Азефа обвинили правительство в «преступной провокационной деятельности» в целях оправдания исключительных положений. Страной, по их мнению, «правит не правительство, а провокация» [21, с. 33, 34, 52].

В Третьей Государственной думе правым и октябристам удалось сделать то, что они не смогли в Первой и Второй Думах – осудить террор. Именно с этой целью 177 депутатов Думы 11 декабря 1907 г. внесли заявление «О вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц». Заявление поступило от умеренно-правых, националистов, октябристов и правых. Его подписали такие видные деятели правых, как гр. В.А. Бобринский 2-й, гр. А.А. Бобринский 1-й, П.Н. Балашев, епископ Евлогий, П.Н. Крупенский, кн. А.П. Урусов, А.С. Вязигин, октябристы Я.Г. Гололобов, И.А.Меньшиков, 28 из 49 священников-депутатов Думы. К заявлению прилагались собственно законопроект и объяснительная записка, в которой правые излагали свой взгляд на террор. Истоки террора они относили к 1860-70-м гг., его целью видели устрашение правительства и общества, устранение государственных лиц, способных противостоят революционерам, и свержение государственного строя. Террористы в записке представлялись «врагами Бога, Царя и Отечества». Правые обращали внимание на произошедшее в последнее время превращение революционного террора из индивидуального в массовый. По подсчетам депутатов за предшествовавшие два года от террора пострадало 10 тыс. чел. В записке подчеркивалось, что руководство террором осуществляется из-за границы [12, с. 164–166].

Законопроект состоял из 10 статей. Вознаграждение предполагалось давать всем лицам, состоящим на военной, гражданской или общественной службе, или частным лицам, если им был нанесен ущерб здоровью в результате преступных деяний, совершенных врагами государственного и общественного строя из-за лжеучений или террора. В законопроекте оговаривался размер пособий, категория лиц, которая может их получать. Для этих целей предполагалось выделить 1 млн руб. 9 статья предусматривала выделение министру внутренних дел еще 100 000 руб. на 1908 г. для выдачи пособий частным обществам, оказывающим благотворительную помощь жертвам террора, особенно сиротам. Все эти выплаты пред-

лагалось именовать пособиями и пенсиями Александра II [12, с. 164–166].

Большинство Думы проголосовало за спешность этого предложения. На 27-м заседании Думы 8 февраля 1908 г. состоялось первое обсуждение проекта по вопросу о его желательности. Докладчиком был умеренно-правый В.А. Бобринский. Он подчеркнул, что данный законопроект имеет две составляющие: осуждение террора и помощь его жертвам. С точки зрения правых, осуждение террора создаст необходимое общественное мнение в стране и поможет его остановить. Оратор вспомнил, как правые в Государственной думе в свое время осудили убийство М.Я. Герценштейна, боясь, что оно повлечет за собой «целую серию убийств справа» [17, с. 1804–1810]. А.В. Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения, вспоминал позже, что часть общественности России считала осуждение террора Третьей Думой, не пользующейся доверием народа, не имеющим значения: «очевидно, что те, кто так говорил, не знали или не поняли, что тут речь идет также о террористах справа...» [3, с. 307].

Правительство с одобрением встретило законопроект, восприняв его как осуждение революции и средство борьбы с ней, поддержку борцам с революцией, доказательство единодушия правительства и Думы [17, с. 1810–1813]. Правые, принявшие участие в обсуждении, выделили ряд особенностей революционного террора. Во-первых, они подчеркнули, что террор – это не проявление гражданской войны в стране, как считали левые, а внешняя война против России, так как инициаторы террора находятся за границей. Во-вторых, правые винили правительство в слабости принимаемых мер против террора. Они считали, что он угрожает целостности государства. Депутат от Гродненской губернии В.К. Тычинин предложил в дополнении к законопроекту создать специальную комиссию в составе 55 членов для выработки системы мер для борьбы с революционным террором. Правые были уверены, что большинство в России и в Думе порицают террор, и лишь меньшинство ищут оправдания террора в действиях правительства, но сомневались, что в этом вопросе в Думе удастся преодолеть партийность [17, с. 1837–1839, 1841, 1844–1845, 1850, 1854, 1855]. Эту проблему правые обсуждали в контексте морали и религии.

Октябристы высказались за законопроект и предложили передать его в комиссию по неприкосновенности личности. А.И. Гучков обратил внимание на изменившееся отношение к террору в обществе: «...если раньше террор был окружен в известных общественных кругах... атмосферой сочувствия,... даже соучастия», сейчас он лишен героизма, не нужен и бесполезен, он выродился в «дикую,

бессмысленную злобу». Законопроект, с точки зрения А.И. Гучкова, должен носить внепартийный характер и способствовать объединению общества, Думы, стать «общественным актом», ведущим к оздоровлению «нравственного сознания» [17, с. 1843–1844]. Любопытно, что А.И. Гучков признавал, что раньше в рядах революции была «известная доля самопожертвования и героизма». Октябристы призвали правительство стоять в борьбе с «крамолой», по возможности, на законной почве [17, с. 1846].

От фракции кадетов выступил А.И. Шингарев. Осудив террор, он ясно дал понять, что кадеты против подобного законопроекта. Депутат отметил его несовершенство и высказался против его передачи в комиссию. Кадеты в очередной раз подчеркнули, что причины террора они видят в действиях власти, в «отсутствии правильного законодательства» в России. Они обвинили октябристов в поддержке усиленной и чрезвычайной охраны [17, с. 1849]. Правда, в формуле перехода к очередным делам кадеты признали вред террора, отвергли его как метод борьбы, признали обязанность государства обеспечить семьи пострадавших лиц, находящихся на службе государства, но, повторив, что причины террора видят в административном произволе, смертных казнях и жестоких репрессиях, а избавление от него только на путях демократии [17, с. 1873].

Социал-демократы и трудовики законопроект отвергли, рассматривая его как поддержку реакционной политики правительства [17, с. 1839–1840]. С их точки зрения, в России есть люди, которые гораздо больше нуждаются в помощи государства, чем полицейские и жандармы [17, с. 1817–1833]. Левые фракции, как и кадеты, ответственность за террор возлагали на власть, которая своими действиями вызывает такие нецелесообразные методы борьбы. Социал-демократ И.П. Покровский доказывал, что современный террор уже не является революционным, он стал обыденным проявлением общественной анархии. Средства борьбы, которые, по мнению левых, могли бы избавить общество от террора – это общественная самодеятельность, всеобщая амнистия, отмена смертной казни. Более того, они сомневались, что осуждение террора поможет его прекратить. [17, с. 1824–1831]. Заканчивая прения по вопросу о желательности законопроекта, Дума приняла формулу перехода к очередным делам, предложенную правыми. Формула осуждала террор, «препятствующий развитию страны», и передавала законопроект в комиссию по неприкосновенности личности [17, с. 1873–1874].

Комиссия по неприкосновенности личности избрала подкомиссию для рассмотрения предложения 177 членов Государственной Думы, которая в первый раз собралась 16 февраля 1908 г. В подко-

миссию вошли в основном октябристы и правые, от кадетов – лишь В.А. Маклаков, но он присутствовал только на 2-м заседании 8 марта 1908 г., а потом вышел из подкомиссии [16. Л. 2], так как кадеты не хотели участвовать в составлении этого закона. Председателем подкомиссии был избран депутат от национальной фракции А.А. Мотовилов, докладчиком – октябрист В.В. Тенишев [16. Л. 1]. В работе подкомиссии принимали участие товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, товарищ министра финансов М.В. Чистяков, директор департамента Государственного казначейства С.Ф. Вебер, член-консультант при Министерстве юстиции А.П. Вилинбахов и председатель Алексеевского Главного комитета П.П. Семенов Тянь-Шанский [16. Л. 2].

8 марта 1908 г. В.В. Тенишев сформулировал основные идеи закона и, в частности, преюв статьи, указывающей, какие действия революционных партий и лиц дадут пострадавшим право на вознаграждение на основании обсуждаемого законопроекта. Никто из присутствующих на заседании, включая В.В. Маклакова, никаких замечаний не сделал. Позже прения вызвала именно эта первая статья закона. Члены подкомиссии на трех заседаниях (13, 17 и 23 марта) обсуждали проблему, какие лица имеют право на вознаграждение. В конечном итоге они пришли к выводу, что вознаграждение могут получить все, пострадавшие от преступных деяний, совершенных с политической целью [16. Л. 3–6]. Спор вызвал также вопрос о том, какая организация должна назначать и выплачивать пособия. Член Алексеевского Главного комитета сенатор А.Ф. Трепов и депутат В.В. Шульгин считали, что следует создать особый комитет из лиц, назначенных высочайшей властью. Товарищ министра внутренних дел полагал, что лучше с этой задачей справится МВД. Депутат В.В. Тенишев настаивал, чтобы эти полномочия получил Алексеевский Главный комитет. Этот вопрос решили в двух заседаниях 23 и 26 марта в пользу МВД [16. Л. 7–8 об.]. Товарищ министра финансов возражал против ассигнования 100 тыс. руб. на выдачу пособий частным обществам, ссылаясь на то, что государство уже ассигнует деньги на выдачу подобных пособий, например, Алексеевскому Главному комитету [16. Л. 12 об.], но члены подкомиссии его не поддержали.

Законопроект, подготовленный в подкомиссии, поступил в комиссию по неприкосновенности личности 21 мая 1908 г. [16. Л. 35]. Комиссия, состоявшая в основном из правых и октябристов, признала его спешным, одобрила предложенную подкомиссией редакцию законопроекта. 7 июня 1908 г. председатель комиссии Я.Г. Гололобов заявил о готовности доклада В.В. Тенишева [16. Л. 71].

9 июня 1908 г. председатель комиссии о неприкосновенности личности внес в Думу разработанный проект закона. В докладе комиссии о неприкосновенности личности по поводу данного законопроекта говорилось, в частности, о том, с какими трудностями комиссия столкнулась при подготовке законопроекта. Так, в текст законопроекта комиссия не включила термин «террористический акт» из-за его «туманности», остановившись на термине «преступное деяние, совершенное с политической целью» [13, с. 861–863]. Пункт 9 комиссия выделила в особый законопроект об ассигновании на 1908 г. 100 тыс. руб. в распоряжение министра внутренних дел для выдачи пособий частным обществам, оказывающим благотворительную помощь жертвам террора и революционного разбоя, особенно сиротам. Комиссия заявила, что по ее данным подобные частные общества существуют в Санкт-Петербурге, Варшаве и Киеве. В Петербурге – это Комитет по призрению детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, учрежденный в феврале 1905 г., в котором содержится 57 сирот. Этот приют осматривали члены думы о. Евлогий, о. Митрофан, гр. В.А. Бобринский и др. Они подтвердили, что приют нуждается в помощи государства [13, с. 1499–1501].

Обсуждение законопроекта заняло два заседания Думы: 10 декабря 1908 г. и 22 января 1909 г. 10 декабря 1908 г. докладчик В.В. Тенишев, сославшись на то, что доклад уже был известен депутатам, сделал несколько замечаний к докладу и предложил перейти к прениям, в которые записалось 80 чел. Открыл прения левый депутат А.А. Булат, он повторил аргументы трудовиков в отношении законопроекта, высказанные ранее, и их отказ голосовать за него [20, с. 2454–2460]. Социал-демократическая фракция Думы поддержала трудовиков, подчеркнув, что сейчас в стране господствует лишь «белый террор» [20, с. 2492–2500].

От кадетской фракции выступил В.А. Маклаков. Он увидел в законопроекте две стороны: демонстративную – осуждение террора, и деловую – помощь жертвам террора. В.А. Маклаков подчеркнул, что депутаты Третьей думы исправили ошибки Первой и Второй Государственных дум и осудили террор в формуле перехода к очередным делам в прошлом году. Это, с его точки зрения, исчерпало первую цель предлагаемого законопроекта. А со второй целью – создание хорошего закона – комиссия не справилась, закон, подготовленный ею, непригоден, так как несправедлив. Оратор подверг критике первую статью законопроекта, звучавшую следующим образом: «Пенсии и пособия по настоящему закону назначаются вслед-

ствии лишения жизни или повреждения здоровья, последовавших от преступных деяний, совершенных с политической целью» [12, с. 875]. Закон, по мнению депутата, должен был исходить из идеи вознаграждения государством тех слуг, которые пострадали на этой службе, а в законе право на вознаграждение дает не служба государству, а мотивы, которыми руководствуется преступник [20, с. 2475–2485]. В.В. Тенишев возразил В.А. Маклакову, указав на то, что данный законопроект дополняет уже существующие законы от 20 мая 1905 и 22 марта 1906 гг., предусматривающие вознаграждение чинам полиции, независимо от того, какие преступления против них совершены [20, с. 2487–2490]. Следует сказать, что если бы В.А. Маклаков действительно хотел улучшить текст законопроекта, он бы высказал свои соображения на втором заседании подкомиссии, на котором он присутствовал и на котором обсуждалась как раз первая статья, но он не сделал этого, поскольку кадетам важно было не написание хорошего закона, а критика как действий правых, так и правительства. Неслучайно А.А. Мотовилов недоумевал – почему В.А. Маклаков свои возражения против законопроекта озвучил впервые на пленарном заседании Думы, а не в подкомиссии [20, с. 2491].

22 января 1909 г. началось постатейное голосование законопроекта. Кадеты использовали эту возможность, чтобы выступить с резкой критикой правительства, улучшение текста закона их не интересовало. Так? Ф.И. Родичев при обсуждении ст. 3 поддержал тезис В.А. Маклакова, хотя о мотивах преступлений говорилось в ст. 1, против которой Ф.И. Родичев не возражал, на что позже указал Я.Г. Гололобов [21, с. 179]. На самом деле смысл большой речи Ф.И. Родичева сводился к другому – к обличению власти, на которую он возложил всю вину за террор в России. Террор левых, по его мнению, всего лишь «месть за надругательство над человеческим достоинством и нравственностью», а русские администраторы – «отцы убийц» [21, с. 162–170]. Председатель Думы пытался вернуть Ф.И. Родичева к обсуждению статьи законопроекта, однако это ему не удалось. Речь кадетского депутата вызвала шумные протесты правых и ответные замечания левых и кадетов. Председатель октябрист Н.А. Хомяков, по характеристике А.В. Тырковой «умный, спокойный, с большим юмором» [25, с. 335], пытался поддержать порядок, удалив из зала кадета Н.К. Волкова. Е.П. Гегечкори в разгар «перебранки» хотел сделать заявление к порядку дня, председатель предложил отложить его до окончания речи Ф.И. Родичева. Социал-демократы расценили это как насилие и ушли с заседания

[21, с. 172], выразив таким образом свое отношение к законопроекту правых. Ф.И. Родичев, не успев закончить речь против законопроекта до перерыва, после перерыва не стал говорить по ст. 3, обвинил председателя в предвзятости, правых в том, что ему не дают говорить, хотя это уже было не так, порядок был восстановлен, и ушел с трибуны [21, с. 175]. Отрицательное отношение к этому законопроекту кадеты выражали и позже, как и ко всему, что исходило из лагеря правых [24]. Неслучайно П.Н. Милюков в «Воспоминаниях» писал, что «политика большинства Думы была отвратна» [8, с. 40].

Социал-демократическая печать также охарактеризовала обсуждение в Думе законопроекта о терроре, особенно со стороны правых, как «наглые речи черной сотни, танцевавшей дикий танец по поводу временного одоления врага», а принятый в результате закон как закон, занимающий «первое место по цинизму» [1, с. 65, 83]. Левая печать вообще осуждала позицию большинства Третьей думы по вопросам террора, полагая, что она поддерживает реакционную политику правительства, потакает провокациям [23, с. 33–34].

Несмотря на демонстрацию кадетов и левых законопроект был принят Думой в третьем чтении [21, с. 440]. Дума проголосовала и за ассигнование особого кредита в распоряжение Министра внутренних дел для выдачи пособий обществам, оказывающим помощь пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и их семьям, выделив это положение в отдельный законопроект [21, с. 403].

Кадеты, социал-демократы и трудовики восприняли этот законопроект как свое поражение и в 41 заседании Думы 28 января 1909 г. 103 её члена поставили в повестку дня обсуждение законодательного предложения об отмене смертной казни. Причем кадеты настаивали, чтобы его не сдавали в комиссию, а решили вопрос в пленарном заседании, так как вопрос несложный, поскольку речь идет не о написании закона, а о его принципиальной желательности, комиссия же может затянуть дело [21, с. 436]. Это предложение кадетов также было связано с проблемой террора. Его обсуждение вылилось в короткие, но бурные дебаты с взаимными оскорблениями правых и левых и повтором их аргументов в отношении террора. За передачу в комиссию проголосовало 179 депутатов, против – 133 [21, с. 439].

1 сентября 1911 г. был смертельно ранен П.А. Столыпин. В первом заседании пятой сессии Думы 15 октября 1911 г. председатель Думы сделал сообщение об этом террористическом акте. В том же заседании было внесено три запроса министру внутренних дел

по поводу убийства П.А. Столыпина: от октябристов, от русской национальной фракции и от социал-демократов [22, с. 25–31]. В первом и втором запросе прозвучали обвинения в адрес охранных отделений и конкретных лиц, виновных в гибели П.А. Столыпина, министру задавался вопрос: будут ли проведены реформы в этих отделах МВД. Социал-демократы ставили другой вопрос: намерено ли правительство уничтожить организацию политической охраны, реформировать ту систему управления, которая привела к террору [22, с. 25–31].

В дебатах по поводу этих запросов последний раз в Думе правые и левые бурно обсуждали проблему террора. И на этот раз они не смогли примириться и найти общий язык. Левые и кадеты объясняли террор действиями правительства, а П.А. Столыпин принял смерть, с их точки зрения, «от дел своих» [22, с. 53]. В.М. Пуришкевич предложил даже отклонить спешность запроса, чтобы только не быть солидарными с левыми, которые являются источником террора [22, с. 33–34]. В период работы Третьей думы В.М. Пуришкевич написал пьесу в стихах «Законодатели», в которой левые и кадеты даже внешне представлены уродцами, «живыми подтверждениями теории Дарвина о происхождении видов», одного из левых депутатов он наградил фамилией Бомботелян [14, с. 9–12]. Именно «Союз русского народа», по мнению автора, спас Россию от террора:

Но он Россию вам сберег!
Он спас ее от смерти и развала
В те дни, когда в Таврическом дворце
Бомбометатели кричали: «мало, мало!»
И крику дикому кругом рукоплескала
Толпа «избранников» с улыбкой на лице! [14, с. 138].

Таким образом, в Третьей думе проблема террора оставалась одной из самых значимых и обсуждаемых. Несмотря на то, что Думе наконец-то удалось осудить террор, единства в этом вопросе правые и левые достичь не смогли. Правые, оставаясь единственной политической силой российского общества, всегда последовательно осуждавшей террор, тем не менее отказывались видеть даже намек на вину власти в причинах террора. Они обсуждали проблемы России в терминах традиционного общества, им трудно было приспособиться к процессам модернизации политического строя страны. Неслучайно правый депутат Н.Е. Марков говорил о переоценке ценностей, происходящей в России, чуждой правым: «...целые катего-

рии лиц, для которых понятие о преступности, о том, что преступно, что нет, понятие о добре и зле уже не то, которое раньше считалось всеми абсолютно верным, теперь мало сказать, что этот человек убийца, а спросят, не убил ли он ради высокой, политической цели? Теперь уже недостаточно сказать, этот человек разбойник, а спросят, может быть это политический экспроприатор?» [18, с. 167]. Либералы и левые в борьбе за политическую власть также отказывались идти на любые компромиссы как с правительством, так и с правыми. С их точки зрения, власть оставалась единственной виновницей террора, а террористы – борцами за свободу. Успех модернизации России возможен был лишь при условии консолидации позиций правящего класса и либеральной интеллигенции [7, с. 19, 20]. В отечественной историографии принято винить традиционалистский авторитарный режим в неспособности овладеть процессом модернизации России. Но на примере дебатов по вопросу о терроре в Третьей думе видно, что либеральная интеллигенция также мало прилагала усилий к поискам путей консолидации с правящим классом.

Список литературы

1. Александров Н.А. Социал-демократическая фракция в III-й Государственной Думе. – Б.м., 1910.
2. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997.
3. Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – М., 2004. – Т. 2. – С. 139–342.
4. Демин В.А. Государственная Дума России: механизмы функционирования. – М., 1996.
5. Еропкин А.В. Что делала и что сделала Третья Государственная дума. (Ответ кадетам). – СПб., 1912.
6. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. – М., 1992. – Кн. 1.
7. Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Рос. история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.
8. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). – М., 1990. Т. 2.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 3-е изд. – СПб., 2003. – Т. 2.
10. Портнягина Н.А. Проблема амнистии, смертной казни и терроризма в I Государственной думе // Гуманитарно-пенитенциарный вестн.: науч.-публицист. альманах. Вып. № 4. – Рязань, 2009. – С. 85–89.
11. Портнягина Н.А. Осуждение терроризма во II Государственной думе как проблема построения правового государства // Гражданское общество в России. История и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., 8–9 окт. 2009 г. в ГПА. – СПб., 2009. – С. 123–136.
12. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908. (№1-350). – СПб., 1908. – Т. 1.

13. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сес. 1. 1907–1908. (№ 351-638). – СПб., 1908. – Т. 2.
14. Пуришкевич В.М. Законодатели: пьеса в стихах в 2-х картинах. 2-е изд., – СПб., 1909.
15. Пуришкевич В.М. Накануне (Политические партии в России перед третьей думой). – Харьков, 1907.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3504.
17. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1907–1908. Сес. 1. Ч. 1. – СПб., 1908.
18. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1907–1908. Сес. 1. Ч. 2. – СПб., 1908.
19. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1907–1908. Сес. 1. Ч. 3. – СПб., 1908.
20. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1908–1909. Сес. 2. Ч. 1. – СПб., 1908.
21. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1908–1909. Сес. 2. Ч. 2. – СПб., 1909.
22. Стенографические отчеты // Государственная дума. Третий созыв, 1911–1912. Сес. 5. Ч. 1. – СПб., 1911.
23. Третья Государственная дума. – СПб., 1912.
24. Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. – СПб., 1912.
25. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М., 2007.

А. А. Смирнова

Петроградская организация меньшевиков в сентябре–октябре 1917 г.

В статье рассматривается кризис петроградской организации меньшевиков осенью 1917 г., вызванный как резко ухудшившейся социально-экономической обстановкой в стране, так и продолжавшем развиваться кризисом в самой партии меньшевиков.

The article is devoted to the crisis of the Petrograd organization of the Mensheviks in 1917 which was caused by a rapid deteriorating socio-economic situation in the country and developing of the crisis in the party Mensheviks.

Ключевые слова: революция, Петроградская организация меньшевиков, кризис, политические партии, меньшевики.

Key words: Revolution, Petrograd organization of the Mensheviks, the crisis, the political parties, the Mensheviks.

Проявившиеся к осени 1917 г. самые различные факторы (социально-экономические и политические, революционные и контрреволюционные) способствовали распространению представлений о том, что «буржуазное общество зиждется на песке», что страна «накануне перехода к новому социальному строю» [8, с. 45; 11, с. 230]. И представления эти усиливались все расширяющимся опытом непосредственного вторжения рабочего класса в сферу производства. «Чем дальше, тем яснее становилось, что роль, сыгранная рабочими в революции, закрепила за ними доверие широких народных масс не только в тылу, но и на фронте, в солдатской среде, – писал впоследствии И.Г. Церетели. – И вот теперь, чувствуя себя физически сильнее буржуазии, пролетариат должен был оценить ее удельный вес на основании данных, которые не бросались в глаза и как бы были отодвинуты событиями революции на задний план: роли буржуазии в производстве, ее связи с технически образованными элементами, ее влияния на мелкую городскую и сельскую буржуазию. Имея возможность попытаться захватить власть, рабочий класс должен был удержаться от этого, понять, что экономическое состояние страны не давало ему возможности осуществить свое полное социальное освобождение» [12, с. 37]. Кажущееся неоспоримым это суждение (сделанное спустя несколько десятилетий) не учитывает накаленность обстановки осени 1917 г., непримиримость

социальных антагонизмов, которая зависела не только от «несознательности» рабочего класса, но и от благоразумия буржуазии. Наконец, многое зависело от политических партий, стоявших как у власти, так и в оппозиции к ней.

Все эти факторы, повлиявшие на новую политическую ориентацию рабочих Петрограда, самым негативным образом отразились на состоянии Петроградской организации меньшевиков, равно как и партии в целом. Признавая «несомненный факт полного краха меньшевистского крыла социал-демократии», газета «Новая жизнь», отражавшая точку зрения меньшевиков-интернационалистов, писала: «Кто знаком с положением в петроградской крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тыс. членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания проходят при ничтожном количестве в 20–25 человек. Членские взносы не поступают, тираж "Рабочей газеты" катастрофически падает» [3, 29 сент.]. ЦК меньшевистской партии, получая неутешительные сведения из своих районных организаций в Петрограде, не мог здесь ничего возразить: ведь в Василеостровской организации, насчитывавшей ранее 3 тыс. членов, теперь перерегистрировалось только 110, а остальные либо ушли к большевикам, либо просто выбыли, и потому в организации «настроение подавленное, равнодушное» [11, с. 217].

Петроградская организация меньшевиков, в которой ведущую роль играли интернационалисты, тщетно пыталась найти такую линию, которая могла бы сохранить ей лицо и рабочие массы одновременно. Показательно в этом отношении воззвание Комитета Петроградской организации меньшевиков в связи с перевыборами исполкома Петроградского Совета. В нем констатировался тот неприятный для меньшевиков факт, что «старое большинство Совета потеряло свое влияние в рабочих и солдатских массах Петрограда», что «даже без перевыборов Совет отверг его политику, политику коалиции с цензовыми слоями». В возвании акцентировалась мысль, нельзя сказать что новая, о том, что классовая линия пролетарской партии лежит между двумя флангами российской революции, против тех, кто проповедует коалицию с цензовыми элементами, поскольку власть должна принадлежать народу, и против тех, кто стремится к захвату власти Советами рабочих и солдатских депутатов. «Против большевиков, против оборонцев – за меньшевиков-интернационалистов», – призывало воззвание [3, 17 окт.]. 10 голосов, поданные за меньшевиков-интернационалистов, красноречиво говорят об их влиянии на рабочих депутатов Петроградского Совета.

23 сентября 1917 г. в помещении редакции «Новой жизни» состоялось собрание вышедших и намеревающихся выйти из партии меньшевиков-интернационалистов для обсуждения вопроса о создании «самостоятельного партийного центра», который объединил бы интернационалистское крыло социал-демократии. Выступивший с докладом Б.В. Авилон, указав на «глубокие принципиальные разногласия и расхождения с большевиками», высказался против вхождения в партию большевиков и за образование самостоятельной интернационалистской организации, стоящей на платформе «Новой жизни». Представители районных организаций поддержали это предложение, отметив при этом, что «сожитительство с оборонцами в пределах единого партийного центра окончательно приостановило работу на местах и фактически привело к развалу рабочих организаций». Но и здесь не было единства: некоторые из выступавших высказывались и «за организованное присоединение к большевикам» [7, 24 сент.].

27 сентября состоялось второе собрание меньшевиков-интернационалистов, на котором были заслушаны выступления активных работников районных организаций по вопросу о создании самостоятельной петербургской организации. Все они высказали твердое мнение, что дальнейшее пребывание «в лоне "объединенной", насквозь пропитанной оборончеством и духом соглашательства партии категорически отвергается интернационалистски настроенными рабочими». После обсуждения собрание высказалось за создание «организации объединенных социал-демократов интернационалистов пока в петербургском масштабе» и с этой целью образовало Организационное Бюро [7, 29 сент.]. В тот же день объединенное собрание меньшевиков-интернационалистов, членов ЦК, КПО, Предпарламента и других организаций, обсудив вопрос о политике ЦК РСДРП (объединенной), не стоящей на высоте понимания задач революции и интересов пролетариата, постановило отозвать меньшевиков-интернационалистов из ЦК партии [7, 29 сент.]. 28 сентября прошло расширенное собрание меньшевиков-интернационалистов с активными работниками всех районов по вопросу об отношении к РСДРП (объединенной). Некоторые выступавшие отмечали, что пребывание с оборонцами в одной партии и привело к крушению классовой политики пролетариата. Однако Ю.О. Мартов и А.С. Мартынов высказались за сохранение организационной связи с оборонцами в целях их «интернализации» [7, 30 сент.]. Но окончательно решение в очередной раз было отложено на потом.

В свою очередь оборонцы на своем собрании 26 сентября 1917 г. констатировали, что совместная работа с интернационали-

стами в рамках одной организации невозможна. В. Мирон утверждал, что «интернационалисты и оборонцы люди совершенно разные как по настроению, мировоззрению, так и по своим убеждениям». В.А. Маевский, отметив, что «линия интернационалистов почти сливается с линией большевиков», тем не менее предлагал «попытаться сговориться с интернационалистами в вопросе об Учредительном собрании и провести избирательную кампанию вместе». Против окончательного размежевания высказались и другие выступавшие, не без оснований полагавшие, что «при самостоятельных выступлениях при выборах оборонцы заранее обрекают себя на полную неудачу» [2, 28 сент.].

Серьезные разногласия выявились в ЦК РСДРП(о) в связи с так называемыми циркулярами министра внутренних дел А.М. Никитина, представлявшего в правительстве Керенского меньшевистскую партию. ЦК меньшевиков не мог уже не реагировать на распоряжения своего представителя в правительстве, объявлявшего всероссийскую забастовку железнодорожников противогосударственной и угрожавшего привлечь к судебной ответственности ее участников. На заседании ЦК РСДРП(о) 24 сентября 1917 г. целый ряд его членов поставили вопрос о том, чтобы потребовать от министра внутренних дел объяснений «по поводу вносимой дезорганизации в рабочее движение, провоцирующей на безнадежные и вообще ненужные революционные вспышки» [4, с. 294]. Ю.О. Мартов вообще предложил не считать Никитина официальным представителем партии и дать негативную оценку его «ряду действий», но это предложение не прошло [4, с. 296]. Тем не менее ЦК на этом заседании постановил «затребовать от Никитина объяснения по поводу изданных им циркуляров, чтобы в случае, если эти объяснения окажутся для ЦК неудовлетворительными, официально дезавуировать Никитина и предложить организации, к которой он принадлежит, решить вопрос о совместимости указанных действий т. Никитина с принадлежностью к партии» [4, с. 297]. Вопрос о Никитине еще дважды рассматривался на заседаниях ЦК меньшевиков 29 сентября и 2 октября 1917 г. Однако строптивый министр не захотел подчиниться своему ЦК, и 4 октября обратился в ЦК с письмом, в котором, заявив о своей отставке, снимал с себя ответственность за последствия своего демарша на правительственном уровне [6, с. 68].

Не было единства в меньшевистском руководстве и по вопросу о «конструкции правительства». Все его члены сошлись на заседании ЦК лишь в том, что принцип партийного формирования уже нарушен правительством, и, по мнению Мартова, он уже был «абсолютно не пригоден ни сам по себе, ни для членов Временного

правительства» [4, с. 286]. Но если Мартов предлагал выход членов меньшевистской партии из правительства, то Ф.И. Дан и другие продолжали настаивать на том, что партийное представительство все еще возможно [4, с. 295–296]. На состоявшемся на следующий день повторном обсуждении этого вопроса на заседании ЦК И.Г. Церетели высказался за то, что «избегнуть желательно участия во Временном правительстве, но позволить членам партии вступать в него в каждом случае с разрешения ЦК» [4, с. 301]. Мартов, напротив, настаивал на ответственности министров перед партией, их делегировавшей. В результате ЦК высказался за участие социал-демократов во Временном правительстве, но каждый раз они должны были входить в это правительство с разрешения ЦК [4, с. 302].

Оставалась еще надежда на Предпарламент, который, по мнению центрального органа меньшевиков «Рабочей газеты», должен был стать «новым крупным фактором в развитии нашей революции», «сыграть исключительно крупную политическую роль в деле создания революционной власти на демократической платформе» [9, 23 сент.]. Но это была всего лишь иллюзия, поскольку и сама партия меньшевиков пришла в Предпарламент разобщенной и расколотой.

Руководство меньшевистской фракции во Временном демократическом Совете республики, состоявшее исключительно из центристов и правых оборонцев – Ф.И. Дан (председатель), С.Л. Вайнштейн, Ф.А. Череванин, А.Н. Потресов, С.М. Зарецкая, М.И. Шергов – попыталось обеспечить сплочение разнородных отрядов партии дисциплинарным путем [1, с. 61]. Впервые был принят специальный регламент, запрещающий любым группам и фракциям партии выставлять своих отдельных от утвержденных руководством докладчиков и ораторов. Однако это тут же возымело обратный эффект. Меньшевики-интернационалисты, против активности которых (недаром им не предоставили ни одного места в Бюро фракции) и принимался в основном упомянутый выше регламент, немедленно заявили о выходе из состава общепартийной фракции и создании собственной. Остановить их не смогло и решение ЦК РСДРП(о), заявившего 10 октября о том, что признает «представляющей партию только фракцию РСДРП (объединенной)» [4, с. 337]. В принятой резолюции ЦК образование интернационалистами своей фракции называлось «актом явного раскола» [4, с. 334]. Впрочем, это не было неожиданностью. В стремлении отмежеваться от губительной, по их мнению, в условиях нарастающего общенационального кризиса политики ЦК меньшевики-интернационалисты заняли самостоятельную позицию не только в Совете Республики, но и во Всероссийском ЦИК Советов и Петросовете [3, 10 окт.; 9, 13 окт.]. Во всех

этих представительных органах они, как правило, не только воздерживались при голосовании партийных резолюций, но нередко и открыто выступали против, внося либо свои проекты, либо поддерживая проекты большевиков или левых эсеров. Тем не менее лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов в письме Н.С. Кристи от 9 октября 1917 г. признавал, что «солидной силы мы собой не представляем», что «массы не склонны нас поддерживать, а предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу – к большевикам...» [4, с. 401–402].

Последовательно отстаивая свое официально конституированное согласно решениям августовского Объединительного съезда право иметь особое мнение, оставаясь внутри партии, меньшевики-интернационалисты в то же время отказывали в этом тем, кто в свою очередь оказался в меньшинстве в организациях, находящихся под их контролем. Так, имея гарантированное большинство в Комитете Петроградской организации (КПО), они жестко требовали от оборонческого меньшинства, представлявшего в ту пору добрую половину организованных рабочих-партийцев Питера, неукоснительного соблюдения принципов централизма. Дан публично охарактеризовал эту политику интернационалистского КПО как «политику ленинских комитетов доброго старого времени, для которых пресловутое "Что делать?" служило *Евангелием* и пророками» [9, 13 окт.].

Заявление меньшевиков-интернационалистов с обоснованием решения принять самостоятельное участие в работе Совета Республики выглядело как декларация об окончательном разрыве отношений с официальным партийным руководством. Без прямого указания адресата именно ему ставилась в вину вся сумма семимесячных поражений и ошибок. В первую очередь речь шла о банкротстве коалиционной политики, которая позволила цензовым кругам «во имя своекорыстных классовых интересов» проводить внутри правительства и в стране в целом «планомерный саботаж», пытаясь «затягиванием войны и срывом всякой творческой работы задержать развитие и укрепление революции и отбросить ее назад». «Большинство организованной демократии» критиковалось и за отсутствие решимости взять власть в свои руки и «повести страну по пути коренных революционных преобразований и ликвидации войны на основе общего демократического мира». Результат «этой капитуляции большинства организованной демократии» не мог быть оценен иначе, чем воссоздание изжившей себя коалиции «на началах фактического возобладания контрреволюционных кадетско-корниловских элементов» [5, с. 132].

Вся тональность этого заявления и характеристика Предпарламента как «ублюдочно-законосовещательного» мало чем отлича-

лись от большевистских. Но если для большевиков все это органично служило обоснованием решения покинуть Совет Республики, то у меньшевиков-интернационалистов призвано было доказать диаметрально противоположное – необходимость остаться, чтобы иметь возможность «бороться за интересы революции против цензовых элементов» на одной «из арен открытой классовой борьбы». Здесь предстояло разоблачать и «контрреволюционный характер всего режима коалиции», и политику «саботажа революции», и «провокации гражданской войны», исповедуемые цензовиками, и «капитуляцию перед ними социалистического большинства». Здесь же надлежало «отрывать отсталые слои демократии от коалиции» [5, с. 132]. После оглашения этого заявления член бюро меньшевистской фракции Предпарламента С.Л. Вайнштейн (Звездин) в интервью газете «День» расценил его как шаг на пути к внутрипартийному расколу [2, 11 окт.].

Ю.О. Мартов полагал, что в столь критический для страны момент меньшевики-интернационалисты не имеют права отказываться от самостоятельных выступлений, ибо только подобным образом могут еще спасти престиж меньшевистской партии, так страшно скомпрометированной ошибками оборонческих лидеров. Спасаящие престиж партии, естественно, не думали о ее расколе. Вот почему, беседуя с тем же корреспондентом, что и Вайнштейн (их интервью публиковались в «Дне» одновременно), Мартов заявил: «Я полагаю, что образование двух фракций не может отразиться на положении нашей партии, так как мы там, как и раньше, имея право меньшинства выступать самостоятельно, не имеем никаких поводов для того, чтобы организовывать свою партию» [2, 11 окт.].

В противоположном лагере общего мнения по данному вопросу не было. Ф.И. Дан весьма критически относился к «автономизму» интернационалистов, очень близкому, по его мнению, к «федерализму», т. е. существованию своего рода партии в партии [9, 13 окт.]. Не без основания полагая, что всякие действия подобного рода вызывают непременно противодействие, он подчеркивал, что прямым следствием их стало появление на другом крыле партии – оборонческом – «людей и вождей», которые все свои силы употребили не на завоевание партийной организации путем работы внутри нее, не на мобилизацию пролетариев – членов партии ... для поддержки ЦК в его усилиях охранить единство партии ценою компромиссов и взаимных уступок», а на организационное оформление торжества «застарелой кружковщины» [9, 13 окт.].

Серьезным поводом к расколу стал конфликт между интернационалистским руководством КПО и ее оборонческой частью во главе с А.Н. Потресовым. Особую остроту приобрел вопрос о вы-

ставлении кандидатур Церетели и Чхеидзе в одном из столичных списков кандидатов в Учредительное собрание [7, 6 окт.]. Испытывая определенную неловкость от того, что питерская партийная организация, находящаяся под контролем интернационалистов, демонстративно игнорировала лидеров партии, ЦК понимал нецелесообразность появления этих имен именно в списках по Петрограду. Хотя формальной мотивировкой отказа являлось то, что и Церетели, и Чхеидзе зарегистрированы уже в пяти других округах, реально все ощущали, что этот акт имеет политическую подоплеку.

18–21 октября в Петрограде прошла конференция организаций объединенных интернационалистов, которая выступила с осуждением мартовцев за то, что те «в разрез с собственными взглядами не порвали с оборонцами, на которых сами же обрушиваются с уничтожающей критикой» [5, с. 209]. Конференция была откровенно малочисленна и представляла в основном либо так называемую Московскую организацию объединенных социал-демократов, где ведущую роль играли малоизвестные тогда В.П. Волгин и Р.П. Катанян, либо сотрудников газеты «Новая жизнь» (В.А. Базаров, Г.Д. Линдов, Б.В. Авилов и другие, тяготевшие к большевизму). Именно новожиженцы, инициировавшие данное действие, и составили большинство Центрального бюро этой организации.

Несколько ранее, 2 октября, одно из многочисленных в те дни собраний питерских оборонцев решило выставить свой самостоятельный список по шестому Петроградскому избирательному округу с включением в него и Церетели, и Чхеидз, без каких-либо предварительных переговоров с ЦК и независимо от их исхода, если они состоятся. Было образовано независимое Временное бюро избирательного комитета меньшевиков-оборонцев. 10 октября три его члена – А. Владимиров, С.М. Шварц и Ф.А. Юдин (последний был избран на августовском съезде членом ЦК по списку большинства) – выступили с заявлением об ошибочности данного решения [5, с. 210–211]. Но конфликт нарастал столь стремительно, что вскоре тот же Юдин оказался членом постоянного оборонческого избирательного Комитета, в состав которого входили также такие видные деятели партии, как кандидат в члены ЦК И.Н. Дементьев (Кубиков), ставший председателем Избиркома, Г.Е. Брейдо, В.О. Левицкий (Цедербаум), Евг. Маевский (Гутовский), Н.А. Чернов и др. [10].

Это было уже реальным шагом к расколу. И тут определенным амортизатором стала принципиальная позиция Церетели, который, переступив через личные амбиции и обиды, отверг публично от имени Чхеидзе и себя предложение оборонцев, понимая, что даже косвенное указание на причастность к ним ведущих деятелей партии и Советов явится серьезным фактором в утверждении тенден-

ций к сепаратизму. Признав за ЦК исключительное право на решение вопроса о составлении всех списков партийных кандидатов в Учредительное собрание, Церетели внес весомый вклад в усилия центристов обеспечить пусть временное, пусть непрочное, но все же единение партийных рядов.

Список литературы

1. Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса: Первая декада окт. – конец дек.: док.-ист. очерк // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. – М., 1997. С. 59–122.
2. *День*. – 1917.
3. *Искра*. – 1917.
4. *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября). – М., 1996.
5. *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. – М., 1997.
6. Ненароков А.П. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1. – М., 1996. – С. 13–71.
7. *Новая жизнь*. – 1917.
8. *Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов*. Ч. 2. – М., 1927.
9. *Рабочая газета*. – 1917.
10. РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 150. Л. 4 об.
11. Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. – СПб., 1993.
12. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. – Париж, 1963.

К проблеме трансформации политической власти в советской России (1917–1991 гг.)

В статье рассмотрена проблема эволюции политической системы Советского государства в течение всего периода его существования – от Сталина до Горбачева. Рассматривается трансформация таких важных категорий власти как идеология и бюрократия. Особое внимание уделяется проблеме трансформации института политического лидерства. Показано ослабление влияния политического лидера и коммунистической идеологии в послесталинский период. Анализируются причины усиления влияния бюрократии, ее превращение в независимую политическую структуру.

The article is devoted for the problem of evolution political system of the Soviet state within its existence – from Stalin to Gorbachov. Transformation of important categories of power as ideology and bureaucracy is under consideration. Special attention is devoted for the problem of transformation of the political leadership as the institution of power. Weakening influence of political leader and communist ideology in post Stalin period are shown. Reasons for the grow influence of bureaucracy and its transformation to independent political structure are analyzed.

Ключевые слова: политическая система, идеология, бюрократия, политический лидер, «перестройка», харизматичность, политическая эволюция.

Key words: political system, ideology, bureaucracy, political leader, «perestroika», charismatic, political evolution.

Во всех сферах жизни современной России сказывается влияние принципов организации власти, сформированных в период существования СССР. Современными учеными немало сделано для исследования проблем организации и функционирования политической системы в СССР на отдельных этапах истории [4; 10; 12]. Однако осмысление проблемы трансформации политической власти в СССР в целом еще далеко от своего завершения. Поэтому тема настоящей статьи имеет особую актуальность.

Главным в деятельности власти является обозначение целей, ради достижения которых власть существует. «Понимание сущности режима невозможно без выявления целей, ради которых он был создан» [9, с. 64]. Рассмотрим проблему сочетания двух методов реализации этих целей – насильственного и ненасильственного, ценностного. С одной стороны, насилие необходимо для противостояния таким неизбежным спутникам любого государства, как пре-

ступность, политический экстремизм. С другой стороны, власть не может функционировать, опираясь исключительно на насилие, потому что «насилловать и угнетать можно лишь до того предела, когда насилуемый и угнетаемый гибнет и тем самым устраняет властное воздействие на себя» [11, с. 9]. Абсолютизация насилия приводит к полному исчезновению самого предмета насилия – общества, что не может устроить сам источник насилия – властные структуры. Очевидно, что необходимы добровольные, ценностные мотивы подчинения власти.

Важным является и то, что власть не сводится лишь к видимым проявлениям. Ее следует отождествлять не столько с ее конкретной реализацией, сколько с возможностью этой реализации, скрытым потенциалом: «В основе власти лежит идея способности, возможности; власть характеризует то, что может произойти или произойдет, а не то, что происходило или происходит» [7, с. 265].

Таким образом, власть – это не столько конкретные меры, предпринимаемые властными структурами, сколько способность реализовать эти меры на практике. В реальной жизни часто приходится сталкиваться с ситуацией бессилия власти: зачастую принимаемые законы не реализуются на практике, власть не всегда проявляет способность добиться реализации принятых решений. Потенциал как раз и есть главное содержание власти, поскольку реализация принятого решения в случае наличия потенциала осуществляется без особых проблем, а при его отсутствии не может быть осуществлена вовсе.

Таким образом, необходимо нахождение оптимального соотношения насильственных и ненасильственных методов ее реализации. Разрешить проблему соотношения позволяет идеология, т. е. «теоретическое обоснование» власти, являющееся основанием для использования как силовых, так и ценностных мотивов подчинения. В самом деле, граждане готовы добровольно подчиняться власти лишь в том случае, если они убеждены в ее необходимости. А это возможно лишь в случае существования некоей фундаментальной идеи, завладевшей умами граждан. Идеология же и есть фундаментальная теория, обосновывающая политические и экономические принципы, положенные в основу существования той или иной государственно-политической модели.

При этом следует отметить, что силовые методы реализации власти также нуждаются в идеологическом обосновании. Так, массовый террор в СССР периода 30-х гг. XX в. имел достаточно четкое идеологическое обоснование, сущность которого сводилось к тому, что достижение главной цели существования СССР – построение коммунистического общества – встречает ожесточенное сопротив-

ление внутренних и внешних врагов и потому нуждается в применении силовых методов.

Рассмотрим с учетом сказанного выше основные этапы эволюции власти в период существования советского государства. Сразу после октябрьской революции 1917 г. пришедшая к власти партия большевиков попыталась выйти из заданной «системы координат». Большевикское правительство определило свои цели как построение в России государства, основанного на принципах равенства и справедливости. Был взят курс на реализацию одной из базовых идей марксистской идеологии – идеи «отмирания государства», что автоматически означало и исчезновение традиционных властных структур – бюрократического аппарата, полиции, армии и т. д. Высшим управленческим органом должны были стать Советы – органы самоуправления трудящихся [13, с. 77]. Именно Советами должен был быть заменен старый государственно-бюрократический аппарат. Силовые структуры – армия и полиция – должны были быть заменены вооруженными отрядами трудящихся, сформированными на добровольной основе.

В сущности, имела место попытка реализации власти исключительно за счет ненасильственных, ценностных величин – классовой сознательности трудящихся, их преданности делу революции и т. д. Попытка реализации этих планов на практике была в очень скором времени прекращена. Уже в первые месяцы нахождения у власти большевики вынуждены были брать на вооружение традиционные, силовые методы управления. На смену добровольности комплектования Красной армии пришел принцип принудительных мобилизаций. В скором времени стал возрождаться и традиционный бюрократический аппарат в виде назначаемых сверху чиновников, появления огромного числа различных управленческих структур [12, с. 237–358]. Возникшая система вернулась к традиционной форме власти, невозможной без насильственных методов управления.

Следует выделить еще один важнейший аспект проблемы формирования системы политической власти в Советском государстве – политическое лидерство. Фигура лидера всегда имела особое значение именно в России. Для России была характерна фигура харизматического лидера, т. е. лидера, наделенного в глазах общества выдающимися качествами и способностями. Фигура конкретного человека – царя, генерального секретаря или президента – являлась символом и средоточием власти.

Посмотрим, как эволюционировал институт харизматического лидерства в Советской России. Прежде всего, харизматическое лидерство неоднородно. Можно выделить три типа харизматических лидеров.

Первый тип – диктатура харизматического лидера, т. е. ситуация, когда лидер практически единолично контролирует политическую систему государства и единолично же принимает все важнейшие решения, используя в широких масштабах силовые меры для удержания власти. Второй тип – патерналистский вариант харизматического лидерства, т. е. ситуация, когда лидер контролирует политическую систему, единолично принимает все важнейшие решения, но при этом избегает использования, во всяком случае в массовых масштабах, механизма террора и репрессий. Наконец, третий вариант харизматического лидерства – лидерство внеинституциональное. Лидер выводит себя за рамки текущего политического процесса, являясь своего рода символом [14].

В первый период существования Советского государства доминирующим был тип диктатуры харизматического лидера, сочетающего все три типа. И.В. Сталин был харизматическим лидером, использующим методы жесткого контроля над существующей политической системой, единоличного принятия важнейших решений, использования в массовых масштабах механизма террора. С другой стороны, огромное значение имел и авторитет И.В. Сталина. Наконец, он использовал и внеинституциональный аспект. Для миллионов людей И.В. Сталин превратился из реального человека в символ.

Существенные изменения в эпоху И.В. Сталина произошли и с базовыми идеологическими принципами. Основой существования Советского государства являлась идеология марксизма, идея построения общества равенства и справедливости. Суть трансформации заключалась в своего рода персонификации идеологии, монополии И.В. Сталина на трактовку базовых положений марксистской доктрины. Идеология в СССР в период 30-х гг. сводилась к тому, «как, по мнению Генерального секретаря, ее определяли Маркс и Энгельс» [1, с. 526].

В целом первый период существования Советского государства можно охарактеризовать как период наибольшей эффективности власти с точки зрения ее внутреннего потенциала. Грандиозные перемены 30-х гг. XX в. – коллективизация, индустриализация, а затем победа в Великой Отечественной войне – могли быть достигнуты лишь при наличии огромного внутреннего потенциала власти. Упрощенными представляются утверждения о том, что успехи Советского государства в период 30-х – 40-х гг. были достигнуты исключительно за счет использования механизма репрессий. Даже то, что общество фактически безропотно принимало репрессии, воспринимало их как должное, свидетельствует о значительном несиловом, ненасильственном потенциале власти. Решающую роль

играла вера миллионов людей в коммунистическую идеологию, безграничный авторитет И.В. Сталина.

Рассмотрим теперь основные проблемы эволюции государственно-политической власти Советского государства в эпоху 50-х – начала 90-х гг. XX в.

Главной тенденцией в этот период стало изменение характера политического лидерства – института политической власти, ключевого для России. М. Вебер выделял три типа лидерства – традиционное, рационально-правовое и харизматическое. Смысл традиционного лидерства состоит в передаче власти в силу сложившейся традиции. Рационально-правовое лидерство подразумевает власть, основанную на законе, строгой регламентации полномочий. Наконец, харизматическое лидерство подразумевает власть, основанную на присущих лидеру выдающихся качествах [2, с. 139–147]. Как отмечалось выше, система власти Советского государства в 30-х–начале 50-х гг. базировалась на принципе харизматичности, ассоциировалась с фигурой И.В. Сталина, после смерти которого проблема лидерства предельно обострилась.

Проблема была в том, что человек, пришедший к власти после И.В. Сталина, не мог претендовать на тот же уровень харизматичности. Данная проблема является общей для всех тоталитарных государств. После смерти харизматического лидера возникает то, что можно назвать «кризисом преемственности». Человек, сменивший лидера, всегда будет выглядеть на его фоне лишь бледной тенью и никогда не сможет претендовать на тот же уровень харизматичности, власти и влияния. Именно это и происходило в рассматриваемый период в Советском государстве. Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев, безусловно, претендовали на статус лидеров харизматических. Известны попытки создания культа Брежнева, награждение его многочисленными орденами, провозглашение «гениальным писателем», «великим полководцем» и т. д. Все эти попытки, однако, успеха не имели. Налицо был кризис института харизматического лидерства.

Выходом из ситуации мог бы стать переход от лидерства харизматического к лидерству рациональному. Определенные шаги в этом направлении были сделаны. Появился термин «коллективное руководство», подразумевающий принятие важнейших решений не только лидером партии, но всеми членами Политбюро ЦК КПСС. Однако не были разработаны механизмы смещения лидера с занимаемой должности, цивилизованной передачи власти. Иными словами, институт политического лидерства перестал быть харизматическим, но при этом не стал рациональным. Подобная ситуация не замедлила сказаться роковым образом на судьбе Советского государства. В первую очередь, обострилась главная

проблема тоталитарного государства – проблема бюрократического аппарата.

Суть проблемы бюрократии при тоталитаризме сформулирована М. Вебером. Тоталитарная бюрократия стремится к присвоению должностей, к тому, чтобы занимаемая должность была закреплена за чиновником пожизненно, чтобы чиновник мог по своему усмотрению распоряжаться благами, которые дает эта должность. Однако подобные претензии чиновников в корне противоречат сути тоталитарного государства, согласно которой чиновник – лишь послушное орудие в руках лидера партии и государства [8, с. 14–15].

И.В. Сталин решал проблему за счет сосредоточения в своих руках безграничной власти. Опираясь на нее, он проводил практически непрерывные чистки бюрократического аппарата, главная цель которых заключалась в том, чтобы не позволить бюрократии превратиться в независимую социально-политическую группу.

В последующем лидеры партии и государства Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев не могли и не хотели решать проблему бюрократии прежними насильственными методами. Решение проблемы могло быть найдено на путях развития институтов гражданского общества, независимых от государства общественных и общественно-политических структур, контролирующей деятельность бюрократии. Однако о гражданском обществе в СССР 50-х – начала 80-х гг. XX в. говорить не приходилось. Бюрократия оказалась неуязвима. С ней было уже невозможно бороться тоталитарными методами – террором и репрессиями, но еще невозможно бороться методами цивилизованными – с помощью институтов гражданского общества. Произошла трансформация от системы принятия решений в закрытом режиме внутри «высших партийных инстанций без учета интересов и допуска к данному процессу каких-либо социально-политических групп...» к системе «выработки политических решений в процессе консультаций высших партийных органов с ведущими социально-политическими группами на основе согласования интересов» [9, с. 93].

В эпоху Хрущева и Брежнева происходят важные изменения и в идеологии. Вектор идеологического развития общества был обозначен Н.С. Хрущевым в его знаменитом докладе на XX съезде КПСС «О культе личности...». Формально отступления от идеологических доктрин не произошло. Н.С. Хрущев четко обозначил границы либерализации – отказ от террора и репрессий. Основные принципы – диктатура пролетариата, классовая борьба – остались неизменными. Однако идеологические новации даже в ограниченном виде привели к серьезным последствиям.

Исчезает монолитность идеологии сталинской эпохи. После XX съезда советское общество в политическом отношении становится заметно более дифференцированным. Одна часть искренне поверила Н.С. Хрущеву, идее возвращения к «ленинским нормам» и «подлинному социализму». Другая же часть не менее искренне считала именно И.В. Сталина проводником «подлинного социализма» и осуждала политику десталинизации.

Кроме того, в СССР появляются идеологические направления, не принимающие советскую систему в принципе. Речь идет о диссидентском движении. Диссиденты-«западники» видели свою задачу в свержении советского строя и в создании государства западно-либерального типа. На другом полюсе – ультранационалистические диссидентские организации, критикующие советскую систему уже не с западно-либеральных, а с великодержавных позиций.

Все эти идеологические изменения приводят к тому, что к началу 80-х гг. дискредитированными оказываются базовые ценности коммунистической идеологии. Это становится одним из важнейших факторов начала «перестройки» – последней попытки реформирования советской системы. Годы «перестройки» характеризовались крайней невразумительностью в определении целей развития. Всего сменилось три идеологических доктрины.

В 1985–1987 гг. была официально принята концепция «ускорения» и «гласности», предусматривающая улучшение существующей модели путем возвращения к «ленинским нормам» и «подлинному социализму» [9, с. 95–120]. В экономике главная задача была определена как «интенсификация и ускорение научно технического прогресса, перестройка управления и планирования, структурной и инвестиционной политики» [3, с. 155]. Говорилось о необходимости перехода «к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность» [3, с. 156]. То есть экономические преобразования, по замыслу Горбачева, не должны были выходить за рамки существовавшей в стране экономической модели.

Во второй период – 1987–1989 гг. – наблюдалась ограниченная трансформация основ советского строя. В экономике – дополнение плановой экономики элементами рынка (кооперативное движение). В политике – демократизация отдельных элементов политической системы (усиление роли Советов, появление фракций внутри КПСС).

Наконец, третий этап (1990–1991 гг.) отмечен попыткой замены существующей системы на принципиально иную – политическую и экономическую модель. Произошло фактическое оформление ин-

ститута частной собственности в экономике и многопартийности в политике [9, с. 95–120].

Одной из главных проблем эпохи «перестройки» стала проблема политического лидерства. М.С. Горбачев, имевший достаточно высокий уровень авторитета в обществе в начале «перестройки», окончательно утрачивает его к концу 80-х гг. С другой стороны, появляется фигура альтернативного политического лидера – Б.Н. Ельцин – явление принципиально новое. До сих пор советская система базировалась на принципе безальтернативности лидера, на сосредоточении в его руках всей полноты власти. Разумеется, борьба за власть велась и раньше. Однако ранее эта борьба носила скрытый характер, протекала в виде закулисных интриг. Б.Н. Ельцин перевел борьбу за лидерство в плоскость открытого противостояния с М.С. Горбачевым, широко освещаемую в СМИ, обсуждаемую в обществе.

К концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. Б.Н. Ельцин стал харизматическим лидером, надеждой многих россиян на выход из политического и экономического кризиса. Б.Н. Ельцин стал первым после И.В. Сталина по-настоящему харизматическим лидером. Россия вернулась к традиционной для нее модели – лидерству харизматического типа. Принципиально важным при этом стало то, что Б.Н. Ельцин стал лидером, критикующим советскую систему и коммунистическую идеологию, ставящим своей целью ликвидацию советского строя. Именно появление лидера харизматического типа с антикоммунистической идеологией в значительной мере предопределило крах советского государства в начале 90-х гг.

Подведем краткий итог развития советской государственно-политической модели. Постепенное, но неуклонное снижение роли и значения политического лидера, дискредитация идеологии и усиление роли бюрократии привело к неизбежному ослаблению того стержня, на котором держалась система. Своего апогея этот процесс достиг в годы «перестройки», итоги которой хорошо известны – глубочайший политический и экономический кризис, распад СССР.

Кризис коснулся не только внутри-, но внешнеполитической ситуации. Провозглашенная М.С. Горбачевым внешнеполитическая доктрина «общечеловеческих ценностей» привела к полной утрате СССР сфер влияния в мире, фактическому ее превращению во второразрядную державу.

Весьма примечательным при этом является то обстоятельство, что страны Запада, в первую очередь США, в годы «перестройки» по отношению к СССР, так же как и позже – в отношении России руководствовались исключительно своими национальными и блоковыми интересами, а вовсе не общечеловеческими ценностями. «К

нашей большой беде "новое мышление" в редакции Горбачева – Шеварднадзе...чем дальше тем больше превращалось в нечто, лишённое всякой логики, а практически – в фактическое предательство государственных интересов Советского Союза... Выдавая желаемое за действительное, они повели себя так, как будто весь мир за исключением нас живет уже по общечеловеческим законам» [6, с. 374]. Горбачеву фактически не удалось завершить холодную войну «достойным образом, на основе равенства, без победителей и побежденных» [4].

Российской Федерации, ставшей и фактически и формально наследницей СССР, досталось, таким образом, тяжелое наследство – находившаяся в состоянии кризиса и разрушения экономическая и политическая система, крайне тяжелая ситуация в сфере внешней политики. Однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки статьи и является предметом самостоятельного исследования.

Список литературы

1. Булок А. Гитлер и Сталин. Сравнительное жизнеописание: в 2 т. Т. 1. – Смоленск, 1994.
2. Вебер М. Хозяйство и общество. Ч. 1. Гл. 3 // Социологические исследования. – 1988. – № 5.
3. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. – М., 1987.
4. Златопольский Д.Л. Разрушение СССР: Размышление о проблеме. – М., 1998.
5. Корниенко Г.М. Закончилась ли холодная война? // Независимая газета. – 1994. – 16 авг.
6. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельства ее участника. – М., 2001.
7. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М., 2001.
8. Масловский М.В. Теория Макса Вебера и современная политическая социология. – Н. Новгород, 1997.
9. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. – СПб., 2008.
10. Представительная власть в России: История и современность / под общ. ред. Л.К. Слиски. – М., 2004.
11. Сапронов П.А. Власть: прошлое и будущее. – М., 2008.
12. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). – СПб., 2011.
13. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. – М., 2002.
14. Шутов А.Ю. Политический процесс. – М., 1994.

М. Н. Веселова, А. М. Судариков

Влияние терроризма на современные культурные процессы*

В современном мире проблема насилия и терроризма возникает не только перед отдельными социальными группами или странами, но и перед всем международным сообществом. В статье рассматриваются вопросы духовной деградации и разрушения ценностной системы общества, нарастания культурной дезинтеграции и межэтнических конфликтов, культурного истощения и подрыва национального самосознания. Особое внимание уделяется отображению терроризма в современном искусстве. Через художественную интерпретацию действительности демонстрируется протест против насилия и жестокости.

In the modern world the problem of violence and terrorism faces not only some particular social groups or countries, but the whole international community. The negative influence of terrorism on cultural processes is of special significance. The article considers the questions of spiritual degradation and destruction of the value system of society, increasing of cultural disintegration and ethnic conflicts, cultural exhaustion and undermining national identity. The role of terrorism in contemporary art is given special attention. The protest against violence and inhumanity is demonstrated through artistic interpretation of reality.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, культурный процесс, культурная интеграция, культурная идентификация, национальное самосознание, толерантность, гуманизм, межкультурное взаимодействие, культурное истощение.

Key words: terrorism, terrorist act, cultural process, cultural integration, cultural identity, national identity, tolerance, humanism, cross-cultural interaction, cultural exhaustion.

В настоящее время проблема терроризма приобрела глобальные масштабы. В средствах массовой информации постоянно сообщается о террористических актах, которые приводят к многочисленным человеческим жертвам и разрушениям, нагнетают в обществе чувство страха и беспомощности, зарождают вражду между национальными группами и государствами. Свидетельствами этого служат взрывы в международных аэропортах Франкфурта, Рима и Вены 1984–1985 гг., во Всемирном торговом центре Нью-Йорка (февраль 1993), серии терактов в Сирии, Нигерии (2011–

© Веселова М. Н., Судариков А. М., 2013

* Научное исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России. Соглашение № 14.В37.21.0952 от 07.09.12 по теме: «Российская общественность и власть в начале XX в.: реакция на революционный террор».

2012), в аэропорте «Домодедово», на московских станциях «Лубянка» и «Парк Культуры» (2011), в Днепропетровске (апрель 2012) и др.

Терроризм представляет одно из самых опасных явлений для человечества и культуры. Истоки этого явления уходят в глубокую древность. Предположительно, первая террористическая группировка появилась уже I в. н. э. в Иудее. Это была секта сикариев («кинжальщиков»), практиковавшая убийства представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами и отступавших от национальных интересов. В XI в. на Востоке широкую известность получили ассасины во главе с Хасан ибн Саббахом. За период своего существования они посеяли ужас среди представителей власти Сирии, убили сотни халифов и султанов, военачальников и членов официального духовенства.

Мощным толчком для развития терроризма стала Великая Французская революция. В 1792 г. оказавшиеся у власти якобинцы провозгласили лозунг «Да будет день подчинен террору!». Со второй половины XIX в. террористические акции в Европе приобрели систематический характер. В России террористические идеи распространяли члены революционно-демократических партий «Народная воля» (1879–1887) и «Социалисты-революционеры» (1901–1921). Дальнейшее развитие насилия в нашей стране приобрело массовый характер.

Современный терроризм стал угрозой не только для отдельных политических или общественных деятелей, организаций или государств, но и всего человечества в целом.

Несмотря на длительную историю существования, до сих пор феномен терроризма окончательно не определен. Как правило, он рассматривается в политическом, экономическом, социальном и других аспектах. В правовых документах РФ терроризм определяется как идеология насилия и практики воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, посредством устрашения населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [3].

В законодательстве западных стран данный феномен рассматривается как «предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами, обычно с целью повлиять на настроение общества» [5].

В научной литературе можно встретить определение терроризма как «применение насилия по политическим мотивам», как «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения по-

литических целей, ... периодическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества» [2].

Обобщая известные дефиниции, можно сделать вывод, что терроризм – это социально негативное насильственное явление, представляющее собой совокупность преступлений против людей, совершенных на территории данной страны за тот ли иной период времени. Безусловно, терроризм – это не только практика насилия, но и продуманная идеология, проявляющаяся в различных формах: шовинистической, фанатической, мистической, фашистской и др. В связи с этим принято выделять следующие виды терроризма:

▲ политический, ставящий задачу коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны и привлечения внимания общества к какой-либо острой социальной проблеме;

▲ религиозный, направленный на подрыв авторитета светской власти и установление определенных религиозных ценностей;

▲ националистический, преследующий сепаратистские цели, провозглашающий уникальность своего народа и разжигающий вражду между государствами.

В условиях рыночной экономики и потребительского общества постоянно возрастает негативное влияние различных видов терроризма на культурные процессы. При этом на первый план выходит его воздействие на морально-нормативную составляющую социума. Ведь в основе любой разновидности терроризма лежит нравственный нигилизм – отказ от фундаментальной системы этических ценностей. Террористы посягают на свободу и жизнь человека, его собственность, право выбора и ответственности, религиозную идеологию, что в свою очередь направлено на моральное и духовное разложение общества. Любая форма террора противоречит гуманизму – главному принципу культурного существования общества. Рост насилия провоцирует возрастание социальной вражды и агрессивности, а также преступлений, связанных с насилием против личности.

В последнее время особую опасность для общества представляют приверженцы исламистского терроризма. Среди них такие преступные группировки, как Аль-Каида, Хезболла, Талибан, ХАМАС и др. Ради достижения своих целей они призывают к убийству мирных жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Согласно оценкам специалистов, за последние 25 лет участники этих организаций совершили большинство убийств, захватов заложников и взрывов [1]. Исламисты оправдывают свои насильственные действия опорой на религию. Они ссылаются на необходимость вести джихад (священную войну против неверных) в соответствии с кано-

нами мусульманства. Исповедуемая ими в качестве особой идеологии религия, доведенная до крайнего фанатизма, становится благотворным полем для размножения экстремистских движений.

Немалую роль в продвижении идей терроризма играют средства массовой информации. Они представляют собой мощный источник воздействия на широкую аудиторию. Именно поэтому телевидение и Интернет так часто используются преступниками для нагнетания напряжения и страха, дестабилизации общества. Так, к примеру, Уасма бен Ладен, используя собственную телестудию, приложил немало усилий, чтобы в эфире появились его угрожающие заявления по поводу терактов в Америке. В условиях террористической напряженности человек теряет жизненные ориентиры, что часто делает его удобной мишенью разного рода экстремистов. Они легко вовлекают в свои организации морально незрелую молодежь, которая легко принимает радикальные национальные, социальные или религиозные идеи.

Можно констатировать, что терроризм расширяет влияние на все сферы культуры. Он прямо или косвенно способствует криминализации общества. Это влечет за собой деградацию духовной жизни, разрушение исторических, культурных, нравственных традиций и гуманистических ценностей.

Террористические действия не только подрывают стабильное существование общества, но и нарушают процессы культурной интеграции. Нередко экстремистская идеология строится на превосходстве одной этнической группы над другими, претендует на «спасение» своего народа. В ней проводится четкое разграничение на «мы» и «они», утверждается культ индивидуализма и эгоизма, формируется безразличие к судьбе других народов. Это искажает представление о самобытности культуры, подрывает национальное самосознание и культурную идентификацию.

Яркими примерами терроризма, имеющего этническую окраску, являются баскская организация «ЭТА», сложившаяся в 1959 г., Ирландская республиканская армия (ИРА), сформированная в 1916 г., армянская секретная армия освобождения Армении (АСАЛА), основанная в 1975 г. Из-за этнических распрей, провоцируемых этими террористическими организациями, страдает в первую очередь гражданское население. В результате насильственных действий в нем зарождается негативное отношение ко всей культуре народа, от которого исходит угроза. В угнетенном сознании мирного населения постепенно складывается стереотип «террористической культуры-завоевательницы», которая, однако, перестает вызвать доверие со стороны мирового сообщества. Так, в отношении армян, чеченцев, басков все чаще наблюдаются случаи провокации беспочвенной

межэтнической и межконфессиональной вражды, в то время как их традиции, обычаи, ценности, менталитет имеют свои исторические особенности и заслуживают уважения.

Одновременно страдает и страна, в которой осуществляются теракты. В ней наносится ущерб не только экономике или политике, но и туристической индустрии, которая приобщает к культурным ценностям своего народа. Так, после серии терактов в Кении страна столкнулась с оттоком туристов. Убытки туристической индустрии в ней составили 1 млн долларов в сутки. Аналогичные процессы были отмечены в Индонезии после теракта на острове Бали в 2002 г. [4].

Терроризм оказывает губительное воздействие не только на культурные процессы внутри страны, но и на межкультурные взаимоотношения. Например, после теракта в Дели в 2008 г., в результате которого погибли 12 чел., резко обострилась напряженность между Индией и Пакистаном (второй был обвинен в поддержке мусульманских боевиков). Отношения между Сирией и Ираком ухудшились после взрывов в Багдаде 19 августа 2009 г., которые унесли жизни около сотни человек. Иракское правительство посчитало, что теракты были организованы активистами запрещенной в стране партии «Баас», скрывавшимися в Сирии. В результате подрыва автобуса в Бургасе 18 июля 2012 г., унесшего жизни 7 чел., руководство Израиля поспешило возложить вину за инцидент на Иран, что существенно обострило отношения между странами. В последнее время терроризм все чаще провоцирует серьезную угрозу международных военных конфликтов.

Негативным последствием данного феномена является также культурное истощение. В результате терактов страдают материальные и духовные ценности народа. Яркими примерами является взрыв памятника Николаю II в Мытищах (1997), минирование памятника Петру I в Москве (1998), ночной взрыв у приемной ФСБ в Москве (1999), подрыв храма Святителя Николая Мирликийского на юге Москвы (2008), нападение на католические церкви в кенийском городе Гарисса (2012). Вместе с уничтожением памятников культурного наследия террористы наносят ущерб исторической памяти народа, разрушают связь традиций, осложняют восприятие опыта прошлых поколений. Это в свою очередь подрывает национальное самосознание и духовное единство страны.

Наиболее ярко проблема негативного влияния терроризма на культурные процессы и общество отражается в современном искусстве: художественной литературе, кинематографии, живописи, фотоискусстве.

Например, в романе А. Проханова «Господин Гексаген» (2002) осуждаются события 1999 г., в частности, серия взрывов жилых до-

мов в российских городах (Буйнакске, Москве и Волгодонске). Автор показывает неизбежное нарастание террористической угрозы, а также провоцирует недоверие граждан к органам национальной безопасности, которые, по сути, способствуют развитию терроризма. Неприятие и аморальность насилия прослеживается и в «Романе о любви и терроре» Э. Тополя (2007). Автор детально описывает захват террористами заложников в здании Дома культуры на Дубровке в 2002 г. Он передает эмоции главных героев, находящихся перед лицом смерти, и демонстрирует идею слабости человека перед террором. В качестве антитезы насилию Э. Тополь противопоставляет в романе тему любви. Однако выводы автора пессимистичны. Он говорит о том, что мы постепенно превращаемся в нацию, которой чуждо сострадание.

Американский писатель Джон Апдайк в романе «Террорист» (2009) показывает озабоченность судьбой своей страны, которая окунулась в среду насилия после событий 2001 г. На примере главного героя 18-летнего сына египтянина и ирландки Ахмада Маллой Ашмави – жителя городка Нью-Проспект в Нью-Джерси, он пытается проследить, как формируется мировоззрение террориста, куда заводит его фанатичная вера. Финал романа – неудавшийся теракт, в котором подросток должен был взорвать бомбу в туннеле, свидетельствует о том, что западная культура еще способна избежать морального разложения общества при условии борьбы с насилием.

Не менее яростное отношение к терроризму встречается и в кинематографе. Так, в документальном фильме Ю. Зайцева «Лубянка. Обыкновенный терроризм» (2004 г.) на основе архивных материалов исследуются истоки появления в Чечне профессиональных террористов. Откровенные сцены захвата боевиками северокавказского города Буденовска в июне 1995 г., больницы в Кизляре и села Первомайское в январе 1996 г., театрального центра в Москве на Дубровке 23 октября 2003 г. проливают свет на события минувших лет, вызывают неприятие злобы и насилия.

Аналогичное отношение к терроризму можно встретить в западной художественной интерпретации трагедии в США 11 сентября 2001 г., унесшей жизни более 2000 чел. Это фильм «Башни-близнецы» (2005) известного американского режиссера Оливера Стоуна. В нем повествуется о судьбе двух полицейских из Портового управления – Уилла Джимено и Джона Маклафлина, по счастливой случайности спасшихся после крушения в результате теракта зданий Мирового торгового центра. Фильм заставляет проникнуться эмоциями, которые пережили участники этой трагедии мирового масштаба. Здесь налицо проблема насилия, в результате которого страдают тысячи невинных людей. Согласно мнению автора филь-

ма, главная задача каждого, оказавшегося перед лицом террора, оставаться Человеком, верить в себя, дружбу и любовь. Только гуманные качества способны уберечь общество от плачевных последствий жестокости.

Антитеррористические тенденции можно проследить и в современной живописи и фотоискусстве. Через визуальные эффекты авторы пытаются не воссоздать какой-либо теракт, а вызвать отвращение к кровавым сценам насилия, пробудить сострадание к невинным жертвам.

Так, в 2005 г. в берлинской галерее «Кунстверке» прошла выставка картин, фото- и кинодокументов, посвященная деятельности террористической организации РАФ (немецкой леворадикальной организации городских партизан 1968–1998 гг.) и ее жертвам. Пятьдесят разных художников (Ханс-Петер Фельдман, Герхард Рихтер, Мартин Киппенбергер, Зигмар Польке, Клаус Штаек, Йорг Иммендорфф и др.) представили свое видение кровавого деспотизма «красноармейцев». А в июле 2008 г. в Москве в рамках биеналле концептуального искусства «Стой! Кто идет?» была организована фотовыставка «ПРО ЭТО», в которой особого внимания заслужила экспозиция, посвященная последствиям терроризма. Авторы проекта постарались в образах передать беспомощность человека перед насилием и равнодушием.

Глубокий художественный анализ сущности терроризма представила Вера Мажирина через фотографии лиц детей, искаженных ужасом и страданием. Она их глазами посмотрела на трагедию в Беслане в 2004 г., когда боевики захватили здание обычной средней школы и погубили более 330 чел. Зверское отношение к невинным жертвам вызывает у зрителя трезвое ощущение реальности, заставляет задуматься о своем будущем, о судьбе своих детей и страны в целом.

Таким образом, терроризм превратился сегодня в серьезную проблему для культурных процессов во всем мире. Он подрывает систему моральных и правовых ценностей, обостряет международные отношения, губительно действует на национальное самосознание, материальное и духовное достояние народа. В результате все более актуализируется задача усиления противодействия всего общества этому негативному явлению, использования не только экономических, социально-политических, воспитательных, правоохранительных, но и социально-культурных мер в целях решительного перелома террористической ситуации. Очевидно, что в борьбе с терроризмом важно понимать причины и условия его появления. И здесь необходимо уделить особое внимание вопросам предотвращения кризисных явлений в духовно-нравственной сфе-

ре, создания в обществе условий для формирования культуры взаимного доверия и любви, процессов взаимовыгодного культурного диалога.

Список литературы

1. Жданов И. Террор – значит страх // Зеркало недели. – 2001. – № 30.
2. Попович А. Определение понятия терроризм. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fmp-gugn.narod.ru/pop3.html> (дата обращения: 24.10.2012).
3. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 21.10.2012).
4. Экономический ущерб от терроризма. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agentura.ru/terrorism/economics/> (дата обращения: 24.10.2012).
5. The United States Code, Title 22, Chapter 38, § 2656: Management of Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. – URL: <http://uscodebeta.house.gov/view.xhtml?eq=22+2656&f=&fq=true&num=0&hl=true> (дата обращения: 21.10.2012).

УДК 94(47).081/083:37

М. Д. Масанова

Подготовка народных учителей в России во второй половине XIX в.

Задачи подготовки народных учителей обусловили необходимость открытия в России во второй половине XIX в. учительских семинарий. Для повышения квалификации учителей и распространения среди них передовых педагогических идей проходили учительские съезды и проводились специальные педагогические курсы.

The preparation of the people's teachers necessary due to the opening of the teachers seminaries in the second half of the XIX century in Russia. To improve the skills and the dissemination of advanced pedagogical ideas were teachers conferents and conducted special education courses.

Ключевые слова: Россия, народное образование, народные школы, учителя, учительские семинарии, педагогические курсы, учительские съезды.

Key words: Russia, public education, public schools, teachers, teachers' seminaries, educational courses, teachers' conferences.

Подготовка учителей всегда была проблемой для любого государства, особенно в XIX в. В сельских начальных училищах роль учителей выполняли обычно священники, однако занятые своими многочисленными обязанностями по приходу, они не могли посвятить себя этому делу целиком. Начав подготовку писарей и низших чиновников и открыв начальные сельские училища, Министерство государственных имуществ (МГИ) приняло решение о подготовке учителей, но реализовать его не смогло. Только подготовка писарей и низших чиновников поручалась специалистам. В 1844 г. было открыто специальное писарское училище, и через несколько месяцев были утверждены правила школы писарей, которая должна была готовить специалистов в департаменты и канцелярии МГИ [9. Ст. 18597].

С введением земств вопрос о народном образовании стал предметом заботы этих учреждений. Первоначально в 1867 г. содержание сельских училищ во всех земских губерниях на основании решения Государственного совета было передано в ведение уездных земств с участием в содержании губернских земств. Занимаясь обеспечением начальной школы всем необходимым, земские собрания вынуждены были решать и проблему недостатка подготовленных учителей для народных школ, вопрос о подготовке и повышении квалификации преподавателей [7, с. 95]. Земству принадлежит заслуга в привлечении в школу женщин, и в 1870 г. был решен вопрос о допуске женщин к преподаванию в народных школах [15. Оп. 170. Д. 480. Л. 1–7].

Министерство народного просвещения также не осталось в стороне от решения проблемы голода преподавательских кадров в провинции. В 1872 г. им было издано Положение об учительских институтах. Параллельно происходило и учреждение самих учебных заведений. Учительские институты были открыты в 1870 г. в Тамбове, в 1872 г. в Санкт-Петербурге и Москве, в 1876 г. в Казани и Белгороде [6, с. 438–494].

Чтобы решить вопрос подготовки и повышения квалификации учителей и учительниц начальных школ и улучшить материальное положение учителей, губернские земства считали необходимым:

- открывать земские учительские семинарии и школы;
- обращаться в Министерство о выделении специального финансирования на открытие учительских семинарий;
- выделять специальные средства для поддержания учительских семинарий Министерства народного просвещения и педагогических классов при женских гимназиях Министерства народного просвещения;
- выплачивать стипендии учащимся учительских семинарий;
- преступить к организации педагогических курсов и начать проводить учительские съезды;
- открывать специальные учительские библиотеки или при школьных библиотеках специальные отделы для учителей.

Желая подготовить педагогов для начальной земской школы, земства наряду с Министерством народного просвещения начали открывать учительские семинарии и школы (таблица).

Открытие учительских семинарий и учительских школ губернскими земствами в период с 1869 по 1879 г.

Губернии	Годы открытия	Примечание
Рязанская	1869	
Казанская	1871	
Костромская	1871	
Курская	1873	
Пензенская	1873,	
Вологодская, г. Тотьма	1875	Учительская семинария
Новгородская	1869	
Санкт-Петербургская, г. Гатчина	1871	
Симбирская, с. Порецкое	1875	Учительская семинария
Самарская, г. Самаре	1871	
Уфимская, с. Елизаветино	1875	Подготовка учителей для русских народных школ
Смоленская, с. Алферов	1875	Учительская семинария
Тверская, г. Торжок	1875	Преобразование Новоторжокской школы в учительскую семинарию
Ярославская, с. Новое	1871	

С первых дней своей деятельности и Новгородское губернское земское собрание приступило к подготовке учителей для начальных школ. Для этого в 1869 г. им были выделены средства на открытие учительской школы в четырех верстах от г. Новгорода, первый выпуск которой состоялся в 1872 г. В 1870 г. земством была организована учительская женская школа в г. Новгороде, а в 1875 г. учительская мужская семинария в г. Череповце [2. Оп. 1. Д. 188. Лл. 1–8 об.].

В 1869 г. Рязанское земство открыло Александровскую учительскую семинарию [17. Оп. 27. Д. 818. Л. 109]. В 1871 г. Казанское земство последовало его примеру и открыло женскую учительскую школу в специально купленном просторном доме, выделяя ежегодно на ее содержание от 13 до 15 тыс. руб. Для закрепления кадров собрание установило для выпускников учительской школы обязательность работы в течение двух лет [17. Оп. 27. Д. 1033. Л. 12].

Санкт-Петербургское губернское земское собрание с первых дней своей деятельности приступило к организации подготовки учителей и в 1871 г. по согласованию с Министерством народного просвещения выделило средства в Гатчинскую учительскую семинарию Министерства народного просвещения на преобразование существовавших учительских курсов. Однако одно это решение не удовлетворило губернское собрание, и оно открыло в 1872 г. земскую учительскую школу. Но так как Министерство народного просвеще-

ния запретило обучать в ней одновременно и мужчин, и женщин, то в 1873 г. при школе было открыто особое женское отделение [7, с. 31–32].

В 1871 г. Государственный совет по представлению МНП предложил открыть вместо существовавших педагогических курсов при училищах пять учительских семинарий в пяти учебных округах по одной в каждом. Были выбраны предполагаемые места открытия учительских семинарий в Санкт-Петербургском (г. Гатчина Санкт-Петербургской губернии), Московском (с. Григорьевском Ярославской губернии), Казанском (г. Самаре Самарской губернии), Харьковском и Одесском (Днепропетровском уезде Таврической губернии) [12. Ст. 49656]. Новые учительские семинарии должны были открыться в следующих округах: Санкт-Петербургском (в г. Тотье Вологодской губернии), Московском (г. Александрове Владимирской губернии), Казанском (Сердобском уезде Саратовской губернии), Харьковском (г. Карачи Таврической губернии) и Одесском (местечке Байрамчи Бессарабской области) округах [12. Ст. 50279].

Согласовав места открытия учительских семинарий, Министерство народного просвещения с 1873 г. должно было предусмотреть уже их финансирование [14. Ст. 54354]. Однако в связи со сложностью подыскания помещений процесс их открытия затянулся до 1875 г. (см. таблицу).

Самым серьезным мероприятием Самарского губернского земства в деле народного образования было открытие в 1871 г. земской школы по подготовке сельских учительниц. В Тверской губернии земство с 1872 г. начало активно заниматься подготовкой учителей, открыв в этом же году учительскую женскую школу в Твери, а в 1873 г. учительскую мужскую школу в г. Торжке [1. Оп. 1. Д. 7451. Л. 15]. Деятельность Смоленского губернского собрания по подготовке учителей выразилась только в выделении единовременного пособия Вяземскому уездному земству на открытие учительской семинарии [7, с. 14–15].

Иногда земства не находили общего языка с Министерством народного просвещения, и в таких случаях учительские семинарии даже закрывались. Так, Черниговское губернное собрание уже в 1865 г. решило открыть педагогическую школу при мужской гимназии, но Министерство народного просвещения отклонило это предложение. Тогда земство выделило средства на открытие учительской семинарии и даже предложило передать ее Министерству народного просвещения. Однако Министерство не согласилось на предложенные условия, и семинария в 1879 г. закрылась, просуществовав 10 лет [7, с. 16–17].

Одной из форм подготовки учителей было открытие педагогических курсов при существовавших учебных заведениях. Необходимо отметить, что вопрос об открытии педагогических курсов был поднят еще в 1859 г. в ходе обсуждения проблемы недостатка специально подготовленных учителей для воскресных школ.

Министерство народного просвещения в 1860 г. приняло решение об открытии педагогических курсов при университетах в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани [4] и подготовило Положение о педагогических курсах [8]. Это положение расширяло перечень учебных заведений, при которых могли быть открыты педагогические курсы.

В этой связи у земств была возможность выделить средства на открытие педагогических классов при женских гимназиях и уездных училищах Министерства народного просвещения [15. Оп. 91. Д. 112. Л. 28]. Это мероприятие было осуществлено в Вологодской, Вятской, Костромской, Курской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Псковской, Таврической и других губерниях. Так, Вятское губернское собрание в целях подготовки народного учителя для начальных школ уже в 1867 г. на экстренном заседании приняло решение об открытии педагогического класса при женской гимназии. Аналогичное решение было принято в 1870 г. Вологодским земским губернским собранием. Однако для губернии этого было недостаточно, а средств у земства не было. И поэтому в 1879 г. земское собрание ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об открытии в г. Тотьме учительской мужской семинарии, которая была открыта в этом же году [7, с. 61–62].

Министерство народного просвещения открывало педагогические курсы при уездных училищах для подготовки учителей народных училищ [15. Оп. 170. Д. 140. Л. 323]. И одновременно земские собрания выделяли средства на стипендии учащимся на этих курсах. Так, земское собрание Полтавской губернии приняло решение, что ввиду недостатка учителей начальных школ в уезде, ходатайствовать об открытии педагогических классов при уездных училищах с полным содержанием воспитанников за счет земства [15. Оп. 170. Д. 140. Л. 26–32 об.]. Аналогичное решение приняло и Пермское земское собрание [3].

Симбирское земское собрание с 1869 г. финансировало чувашскую учительскую школу, в которой учились ее стипендиаты. Владимирское земство выделяло средства на содержание 20 стипендиатов в учительской семинарии Министерства народного просвещения с 1873 г. Тамбовское земство с 1872 г. учредило стипендии для подготовки учителей земских школ при учительском институте Министерства народного просвещения. Так же поступило и

Уфимское земство, начиная с 1876 г. выделять средства на стипендии в учительской семинарии Министерства народного просвещения.

Губернские земства поддерживали уездные в вопросе подготовки учителей и также считали, что сколько бы школ ни открывалось, как бы хороши они ни были, но пока не будет в школах опытных учителей, школа не даст хороших результатов.

Для повышения квалификации учителей и распространения среди них передовых педагогических идей практически все земства устраивали учительские съезды и проводили специальные педагогические курсы в соответствии с порядком созыва учительских съездов учителей народных училищ [16. Оп. 92. Д. 58. Л. 247]. Причем губернские земства брали на себя либо все расходы по их организации, либо большую их часть. Первыми начали проводить летние учительские курсы в 1870 г. Петербургская, Новгородская, Херсонская губернии, на следующий год к ним присоединилась Костромская, а еще через год Черниговская, Казанская, Саратовская и другие губернии [7, с. 43].

Первый съезд народных учителей был проведен в Серпухове в 1872 г. Съезд показал, насколько были заинтересованы сами устроители и учителя, получившие возможность прослушать лекции видных педагогов и обменяться мнениями о практике обучения в сельских народных школах [18, с. 20–42]. В 1872 г. было проведено 47 съездов, а в 1873 г. – 63. Министр народного просвещения в своем отчете за 1872 г. писал, «такое значительное собрание людей, заинтересованных одним и тем же делом, не может остаться в будущем без доброго влияния на училища. То, что выяснилось практикой одних, послужило уроком для других и сделалось общим достоянием, и многие после съезда вернулись не только с запасом новых задач для своей деятельности, но с новыми средствами их выполнения» [15. Оп. 193. Д. 591. Л. 80–81].

Кроме организации подготовки учителей, земства активно занимались вопросом материального обеспечения учителей. Земства выделяли дополнительные средства на доплату к жалованию, организовывали пенсионные кассы, поддерживали общественные организации, помогающие учителям.

К 1880 г. в сельских школах работало более 14 тыс. преподавателей, в том числе, 10 226 учителей и 3 873 учительниц, т. е. уже 27,5 % учителей составляли женщины. Анализ материалов, приведенных в статистическом Временнике Российской Империи 1880 г., показывают увеличение количества учителей, имевших специальную подготовку, что, несомненно, являлось результатом деятельности земских учреждений по подготовке учителей.

Список литературы

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 800.
2. Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ). Ф. 24.
3. Об открытии педагогических курсов при Пермском уездном училище // Нар. шк. – 1873. – № 5.
4. Об учреждении педагогических курсов при Императорских университетах в Санкт–Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани // Журн. Мин-ва нар. просвещения. Ч. CVI. – СПб., 1860. – С. 27–29.
5. Об учреждении приходских училищ в селениях ведомства Министерства государственных имуществ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. – СПб., 1864. – С. 246–247.
6. Об учительских институтах по Положению 1872 года / Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по народному образованию. – СПб., 1904. С. 438–494.
7. Очерки деятельности губернских земств по народному образованию. – Псков, 1898.
8. Положение о педагогических курсах // Журн. Мин-ва нар. просвещения. Ч. CVI. – СПб., 1860.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. – 2. Т. XIX.
10. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXII.
11. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXX.
12. ПСЗ. Собр. 2. Т. LI.
13. ПСЗ. Собр. 2. Т. LII.
14. ПСЗ. Собр. 2. Т. LV.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733.
16. РГИА. Ф. 1284.
17. РГИА. Ф. 1287.
18. Тихомиров Д. Первый съезд народных учителей в Серпухове // Нар. шк. – 1873. – № 9. – С. 20–42.
19. Учительские семинарии Министерства народного просвещения. / Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по народному образованию. – СПб., 1904. – С. 494–548.

В. А. Веременко

Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье анализируются изменения, произошедшие в составе прислуги во второй половине XIX – начале XX в. В результате серьезных социально-экономических преобразований, ставших следствием отмены крепостного права, дворянства как особый феномен, включавший большое число лиц как мужского, так и женского пола, занимавшихся специализированным трудом, прекратила свое существование. Новые требования к прислуге предполагали дешевизну и отсутствие специализации, что и привело к превращению данной работы практически в исключительно женскую.

This article analyzes the changes in the composition of the servants in the second half of XIX – early XX century. As a result of serious socio-economic changes brought on by the abolition of serfdom, the servants as a special phenomenon, which included a large number of people, both male and female, engaged in specialized work, ceased to exist. New requirements for the servants supposed cheapness and lack of specialization, which led to the transformation of this work practically in the exclusively female.

Ключевые слова: Россия, вторая половина XIX – начало XX в., Великие реформы, дворянство, дворянство, домашняя прислуга, женская прислуга, горничная, няня, кухарка.

Key words: Russia, the second half of XIX – early XX century, the Great Reforms, the nobility, servants, domestic servants, female servants, maid, nanny, cook.

Классики детективного жанра А. Конан Дойл и Г.К. Честертон обратили внимание на удивительный психологический феномен: существуют категории населения, целые группы людей, которые до такой степени срастаются со своей функцией, что теряют самостоятельность, превращаясь в одушевленные механизмы. Яркими представителями данной категории населения была разного рода прислуга, как мужская, так и особенно, женская. Недаром тот факт, что присутствие этих людей обычно никто не замечает, часто использовался авторами в фабуле детективов.

Удивительно, но эта психологическая характеристика распространилась и на мир отечественной истории. За последние годы, казалось бы, все сколько-нибудь значимые в истории социальные группы подверглись самому пристальному изучению. Выходят работы о крестьянах и казаках, купцах и других городских слоях, дворя-

нах и духовенстве. Тщательно исследуются отдельные профессиональные группы: офицеры, рабочие, врачи, учителя, земские статистики и др. Нашли свое место в историографии даже представители «социального дна», и только «лица, занятые в услужении», так и не попали на страницы научных книг. Предлагаемая статья, конечно, не может целиком заполнить этот пробел и является лишь приглашением к разговору о месте домашней прислуги в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в.

Перепись населения России 1897 г. содержит официальные данные о составе группы лиц, работавших в услужении в учреждениях и на дому. Прежде чем перейти к анализу конкретных цифр, необходимо сразу оговориться, что показатели эти сильно занижены, так как многие из служивших по домашнему найму, не являясь по официальной терминологии «самостоятельными», не показывались в переписи как работавшие. На этот факт обратили внимание сами составители сборника статистических данных: «В это число вошли только те лица, которые службу и работу по найму показали как свое главное занятие. Кроме этих лиц, несомненно, немало и таких, для которых услужение и работа по найму представляется побочным заработком, в особенности это относится к крестьянам, занимающимся сельским хозяйством» [17, с. V].

Всего к прислуге было отнесено 2 113 121 чел., из них подавляющее большинство составляли женщины – 1 336 322 (63,3 %), мужчин же было 766 799 (36,7 %). Характерно, что работавшие в услужении давали 41 % всех «самостоятельных» женщин. Таким образом, работа в качестве прислуги традиционно являлась основным женским заработком [17, с. VI–VII]. Еще более впечатляющим выглядит соотношение полов в группе домашней прислуги. Из 1 556 987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось 1 288 797 чел., или на 100 работавших мужчин приходилось 480,5 женщин [17, с. VII].

Такой гендерный состав домашней прислуги, несомненно, отражал изменения, произошедшие к концу XIX столетия в социальном и материальном положении хозяев-нанимателей.

В середине XIX в. дворня как обязательный элемент крепостного хозяйства была довольно многочисленной, особенно в деревне. Важно отметить два характерных обстоятельства. Во-первых, чем обеспеченнее семья, тем больше у нее среди слуг было мужчин, и во-вторых, среди прислуги присутствовала специализация, функции каждого были строго определены и ограничены. Мужская прислуга была представлена: поваром (в богатых семьях – это не крепостной, а наемный, подчас иностранец); швейцаром; кучером (кучерами), лакеем (лакеями), у военных последние замещались денщиками;

«мальчиками-на-посылках», а также значительной группой лиц, занятой хозяйственными работами по дому и в усадьбе (дворники, топники и др.). В число женской прислуги входили: кухарка (ее статус был ниже повара); кормилицы и няни; горничные; «девочки», выполнявшие мелкую подсобную работу и, опять-таки, группа чернорабочих-женщин (прачки, уборщицы, подсобницы и т. д.).

Численность прислуги могла варьироваться от 3–4 до нескольких десятков человек. Так, в доме князей Кропоткиных, где большая часть дворни рекрутировалась из крепостных, было три кучера, повару помогали два поваренка, каждый из княжичей помимо нянь/гувернеров имел своих «девочек» или «мальчиков», в зависимости от пола, и, наконец, на стол к чаю накрывали экономка и сразу две горничные [11. Д. 1196]. В значительно более бедной семье Второвых, вообще не имевшей крепостных, тем не менее, к каждому из детей брали няню, в семье служили еще кухарка и горничная. Только экстраординарные обстоятельства (болезнь, смерть или неожиданное увольнение одной из работниц) могли вызвать временное (!), до «приискания» нового человека, переложение ее обязанностей на других лиц. Такое положение всеми, прежде всего хозяевами, признавалось ненормальным. Недаром уже упомянутый Н.И. Второв, подытоживая в дневнике описание недели, проведенной без кухарки, обязанности которой исполняла няня, заключил: «...по истине это было время тяжелых для нас испытаний» [10. Д. 84. Л. 32–32 об.].

Как видим, для правильного функционирования дворянской семьи как хозяйственной единицы представлялось необходимым наличие как минимум трех слуг. В задачу кухарки входило: утром поставить самовар (за час до пробуждения членов семьи) и приготовить чай; к полудню полагалось подавать холодный завтрак, состоявший, как правило, из остатков вчерашнего обеда и свежих (либо соленых) овощей; затопить печь (если этим не занимался топник); до и (или) после этого, получив от хозяйки (реже хозяина) меню на обед, кухарка должна была сходить на рынок и в лавку, закупив необходимые продукты (если семья жила в городе); приготовить обед, периодически мыть и убирать посуду (если в доме не было «судомойки»), постоянно держать горячим самовар, сервировать чай и кофе по первому зову хозяйки [12. Д. 2. Л. 78–78 об.; 5, с. 9–12]. Обязанности кухарки значительно усложнялись на праздники, когда надо было готовить особые – пасхальный, рождественский и т. д. – столы и если в дом приглашалось более чем пять гостей. В этих случаях на помощь кухарке приходила сама хозяйка или, наоборот, нанимался повар, которому уже помогала кухарка [10. Д. 84].

Функции горничной были более размыты, но, как правило, включали следующий набор дел: «убирать 5–6 комнат, перечистить платье и обувь нескольким членам семьи, в продолжении целого дня бегать в булочную и лавку, иногда с пятого этажа, до 2 часов ночи отворять и затворять двери, и лишь в 3 часа утра отправиться спать» [15, с. 4]. Помимо указанного списка, в задачи горничной входили: помощь хозяйке и другим женщинам семьи в умывании (мытьё), одевании и раздевании, а также сервировка и уборка стола к каждому приему пищи.

Няня/бонна занималась уходом за маленькими детьми, осуществляя все необходимые процедуры – питание, одевание, купание, прогулки, игры и в целом, говоря словами современников, жила их «неразумной жизнью» [15, с. 7; 3].

Характеризуя крепостную дворню как особый социальный феномен, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств. Прежде всего, важно отметить, что практически в каждом барском доме были свои «столбовые крепостные», «рыцари без страха и упрека, исполненные преданности к господам до самозабвения» [21, с. 199]. Прожив всю жизнь рядом со своими хозяевами, воспринимая их заботы и проблемы как свои, они подчас любили господ больше, чем родную семью и не хотели никакой «свободы», которая означала бы для них разрыв с привычным укладом. Многие «старые слуги», получив вольную, отказывались покидать «родной дом», пользуясь особым расположением, ворча на хозяев и тщательно контролируя работу остальной прислуги. В глубокой старости, потеряв возможность трудиться, они оставались в господской семье «на покое», доживая свой век в окружении барских отроков, любящих послушать их сказки и истории из «старины глубокой». Именно такое положение занимала в доме Пушкиных знаменитая няня Арина Родионовна, и то, что никого в окружении поэта не удивляла его глубокая привязанность к старушке-няне, лишней раз подчеркивает обыденность подобной ситуации. Идеал семейно-родственных отношений между хозяевами и прислугой перенесли дворяне и в новую эпоху «Великих реформ».

Рядом с «преданными слугами» в подавляющей массе дворянских домов находилось место и совершенно другой крепостной дворне, пытавшейся как можно меньше работать и как можно больше украсть у хозяев. Большой штат прислуги давал возможность части из них уклониться от выполнения своих обязанностей, а привычка русских помещиков «хорошо покушать» делала мелкое воровство продуктов практически ненаказуемым. Недаром одной из задач хозяйки дома, в чем ведении традиционно находилась домашняя жизнь, являлась борьба с «ворами и мошенниками», из ко-

торых, как считали многие дворяне, например А. Кропоткин, и состояла «вся его прислуга». Нельзя сказать, чтобы князь был совершенно не прав. Вот как вспоминала о своем опыте по контролю над домашним столом дочь А. Кропоткина Е.А. Кравченко, которую по приезду из института пытались подготовить к самостоятельной семейной жизни и приставили наблюдать за прислугой: «Когда у нас бывали гости, заставляли меня смотреть за Уленькой (экономкой) как она чай наливает. И я торчала тут и сама видела как Уленька клала сахар в карман свой, как Алыев с подноса брал сухари, прибавляя: «а это вот нужно девчонки от нужды... Глянька, барышня, ведь не обеднеешь...» А я все молчала, мачеха говорила: «как много вышло сахару, то я думаю клали себе в карман эти лиходеи»... Я же говорила, что глядела и что никто не посмел бы при мне таскать. В сущности я решила так, что отец и мачеха не обеднеют от этого, а что этот несчастный народ, где им взять, тоже люди и чаю им хочется. Да и не стоили мои родичи моей помощи, не лучше ли помочь прислуге, чем им таким жадным и бессердечным» [11. Д. 1196. Л. 44–45].

Проблема «лодырей» и «воров» традиционно решалась в крепостном хозяйстве использованием разного рода физических наказаний от правильно организованной еженедельной порки до избиений в «порыве гнева», «чем под руку подвернется». С другой стороны, крепостных слуг было принято одаривать вещами и даже деньгами на крупные праздники и по случаю важных семейных событий (свадьба, крестины и т. д.) [11. Д. 1196. Л. 95–98].

Весь этот набор отношений, норм и взглядов после 1861 г. должен был приспособиться к новым пореформенным реалиям. Произошедшее в результате отмены крепостного права кардинальное изменение материального положения дворянских семей и одновременно происходивший рост числа чиновничье-мещанских семей среднего достатка [4, с. 55–63] предъявили новые требования к ныне свободным лицам, работавшим по найму. Главными из них стали дешевизна и отсутствие специализации. Под сокращение попала, прежде всего, более дорогая и специализированная мужская прислуга. С отказом от собственного выезда из семьи уходил кучер, с переездом в съемную квартиру – дворник и швейцар. Присутствие в семье повара стало редчайшим случаем, символизирующим «невероятное» богатство его хозяев. Так, среди сотен представителей вполне обеспеченной, по общему мнению, семьи дворян-коммерсантов Яфа в 1880-х гг. только в одном доме – А.Ф. Александровой-Дольник – был повар-француз, занимавшийся кулинарными экспериментами совместно с хозяйкой и ее друзьями [10. Д. 313. Л. 71–73].

В более выгодном положении оказывались офицеры, имевшие возможность пользоваться бесплатной работой солдат-денщиков. Современники с возмущением отмечали, как призывников низводили до статуса лакеев, поваров, а иногда и нянек [14]. В жандармских кругах в прислугу мог обратиться уже не только солдат-срочник, но и унтер-офицер [18. Оп. 1. Д. 225. Л. 232].

Следующим этапом перехода к новой эпохе стало понимание хозяевами невозможности содержать в господском доме старых, преданных слуг «на покое». Наибольшие проблемы создавали эти лица дворянским семьям в 70–80-е гг. XIX в., когда достигли очень преклонных лет те представители крепостной дворни, которые в довольно массовом порядке отказались покидать хозяйские дома после отмены крепостного права. Редко кто из дворянских детей мог теперь поделиться со сверстниками рассказами, почерпнутыми от дряхлой няни, «помнившей еще Наполеона». Такие старые слуги, как например, няня Катя (1805–1888 гг.) из все той же очень богатой московской семьи А.Ф. Александровой-Дольник, были предметом гордости, так же как и повар-француз, символизировавшие «полную чашу», их показывали менее удачливым соседям, родственникам, гостям. Последние же и спустя полвека с восторгом вспоминали эти невероятные встречи, как будто возвращавшие дворян в ушедшую эпоху: «Она почти целыми днями сидела, с вязанием в руках, в кресле у окна гостиной, приостанавливая непрерывное движение спиц лишь для того, чтобы понюхать табуку из серебрянной с чернью табакерки, которую всегда имела при себе в кармане. Чистенькая, тщательно одетая, в белоснежном наплюенном кисейном чепце и в белых манжетах, она производила привлекательное впечатление, и мы с Олей вечно возились около нее» [10. Д. 313. Л. 67].

Намного чаще теперь происходило другое – преданных слуг пытались «сбагрить» в деревню в их «родные семьи», а если это совершенно невозможно было устроить, то помещали в богадельни, в редких случаях милостиво разрешая им посещать своих господ в выходные и праздничные дни [10. Д. 313. Л. 18–18 об.]. Последнее обстоятельство не могло не повлиять на отношение даже самой «лучшей» прислуги к своим хозяевам. Домашние работники должны были понимать, что как бы долго они ни служили в семье, наступит день, когда они будут выкинуты за порог, и смогут рассчитывать лишь на те сбережения, которые смогли скопить на службе.

Оплата труда прислуги довольно сильно варьировалась как в своих частях – натуральной и денежной, так и в сроках ее предоставления. Как правило, слуг полагалось кормить: либо они получали право на остатки хозяйского обеда, либо им выделялся скромный набор продуктов из семейных запасов (картофель, каша, чай), из ко-

того они уже сами должны были себе что-то готовить [6, с. 6]. Вместе с тем бывали семьи, в которых прислуга бралась «без стола», что предполагало наличие у нее собственного набора, купленных на свои средства или полученных от родных из деревни продуктов [5, с. 6–7].

Следующей натуральной частью оплаты был «угол». Домашняя прислуга, рабочий день которой начинался с самого раннего утра, а заканчивался поздней ночью, да и в обязанности которой входило «постоянно быть под рукой», должна была жить в одной квартире с хозяевами. Время существования «людской» как отдельного помещения для слуг ушло вместе с отменой крепостного права, подобные комнаты остались лишь в очень богатых домах, в которых было не менее 4–5 слуг. Теперь при наличии в доме нескольких домашних работниц каждая из них получала свой «угол» в зависимости от статуса. Няня – в детской (на отдельной кровати, кресле, кушетке, или даже на полу), рядом со своим питомцем, кухарка – «на кухне, по соседству с печкой или же плитой, а часто даже, чтобы выгадать место», на «нечто вроде деревенских палатей, под самым потолком возле плиты», горничная – в прихожей, на сундуке, переносной кушетке или опять таки на полу [6, с. 6; 8, с. 4]. Такие условия делали практически невозможным ни дневной отдых прислуги, ни прием ею гостей в доме у хозяев.

Размер денежной оплаты труда зависел также от многих факторов. Во-первых, от вида и месторасположения населенного пункта – стоимость домашнего труда в провинции была более чем в два раза ниже, чем в столицах. Во-вторых, как мы уже отмечали, от пола – мужская прислуга как значительно более дорогая (в среднем в два раза дороже аналогичной женской), встречалась в конце XIX – начале XX в. (как подтверждают уже приведенные мною данные переписи) крайне редко. Недаром современник, посвятившей положению домашних слуг целую брошюру, о мужской прислуге отметил лишь следующее: «О мужской прислуге я много сказать не могу, ибо большинство хозяев в Петербурге имеет женскую прислугу» [15, с. 14]. В-третьих, от опыта работы и уровня специализации, ничего не умевшая сельская девушка, как правило, была готова трудиться и в столице за 4–5 руб. в месяц, хорошая кухарка требовала за свой труд не менее 12 р. [15; 13. Д. 71а].

Заработанные прислугой деньги традиционно выдавались двумя способами. Первый способ был наиболее распространён, особенно во второй половине XIX в. Он предполагал, что ежемесячно работница получала лишь часть причитавшейся ей суммы, те средства, которые были ей необходимы на ежедневные нужды (на покупку одежды, отсылку домой и т. д.). А все остальное как бы

оставалось на сохранении у хозяев и должно было быть выдано прислуге в случае расчета, болезни или вообще по первому требованию служанки. (Последней вариант, правда, пресекался традиционной фразой хозяйки: «А на что тебе?») [7, с. 40–41]. Таким образом, работница, служившая в одном доме несколько лет и при своей высокой занятости мало куда ходившая, и мало тратившая, могла при уходе с работы потребовать с хозяев довольно крупную сумму в 50–100 руб., которые складывались из невыплаченного за предшествовавшие годы жалованья. Для фиксации порядка оплаты прислуга должна была иметь расчетную книжку, но на деле подобные документы встречались крайне редко. В результате судьба невыданной суммы оказывалась предоставлена порядочности обеих сторон или справедливости мирового суда, если работница (что случалось крайне редко) обращалась туда с иском [15, с. 5–6].

Второй способ оплаты, очевидно, более выгодный для прислуги – ежемесячное полное жалованье, выдаваемое в строго определенный день, распространялся очень медленно из-за стойкого сопротивления хозяев. Нерастроченные деньги работница могла положить в банк или сберкасса. Такое накопление, иногда достигавшее очень приличной суммы в несколько сотен рублей, могло стать для женщины приданным или пенсией в старости или по болезни [7, с. 40–41].

Для женской прислуги выдвигаемые хозяевами требования экономии обернулись желанием иметь за небольшие деньги (6–8 р. в месяц) ОДНУ прислугу, справляющуюся со всем комплексом дел по дому: и за горничную, и за кухарку, и за няню к детям. Демонстрацией востребованности именно таких лиц служит то, что в многочисленных объявлениях о найме, печатавшихся в ежедневных и части еженедельных газетах (напр., в «Новом времени» этому разделу был выделен целый разворот), под заголовком «требуются» на разные лады шел перепев одного и того же текста: о том, что в семью требуется прислуга, которая будет работать «одна». Вместе с тем было очевидно, что те женщины, которые готовы были работать «одни», да еще за небольшие деньги, ничего толком не умели, да им и не под силу было выполнять все домашние работы сразу.

Вот, например, какой «фронт работ» возложила на свою единственную прислугу хозяйка, жившая за счет сдачи комнат в петербургском пригороде: «в третьем часу выпустить корову в стадо, вычистить коровник, сходить в лавку за провизией, убрать комнаты, поставить самовар, вычистить платье хозяев и квартирантов, готовить завтрак и обед и стирать белье». Неудивительно, что после лета бесконечного труда 20-летняя девушка попросила расчет и, «нарумянив щеки», вышла на Невский проспект [15, с. 10–11].

Действительно, значительную часть проституток составляли бывшие горничные и другие служанки. Так, по опубликованным в 1890 г. данным специально проведенной переписи среди официально зарегистрированных в стране проституток оказалось 45 % девушек, начавших свою трудовую карьеру в качестве прислуги [16, с. XXXIII]. И виной этому, очевидно, был целый комплекс причин. Помимо уже упомянутых факторов – сильной загруженности и нередкого обсчета и обмана со стороны хозяев, что ставило вопрос о бессмысленности труда, за который могли и не заплатить, важную роль в превращении служанки в проститутку играли довольно распространённые случаи сексуального посягательства мужчин-хозяев на прислугу. Такие посягательства, особенно в случае беременности, осложняли пребывание девушек в доме, подрывая при этом моральные нормы служанок. Недаром борцы с безнравственностью в качестве одного из средств сокращения разврата предлагали «вместо устройства собраний по вопросу уничтожения проституции ... по-человечески отнестись к тем женщинам, которые находятся в экономической зависимости от нас» [15, с. 8].

Конечно, далеко не все служанки молча страдали от несправедливых хозяйских притеснений. Многие из них использовали средства борьбы, традиционно применяемые в «домашних войнах»: мелкое воровство продуктов, сокрытие части денег при покупке товаров в лавке, плохое исполнение своих обязанностей, грубость, пьянство и т. д. (описание многочисленных недостатков прислуги занимает значительное место в дневниках русских дворян и, особенно, дворянок второй половины XIX – начала XX в.). Настоящая филиппика, под которой, несомненно, подписались бы тысячи хозяев, содержится в дневнике известного общественного и государственного деятеля, что характерно, бывшего крепостного, ставшего тайным советником А.В. Никитенко: «Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничем: ни ласкою, ни жалованьем порядочным нельзя ее привлечь к исполнению того, что она должна делать по условию. И это повсеместное у нас зло. Третьего дня я должен был отправиться к мировому судье, чтобы спросить у него: нет ли каких средств против невыносимого самоуправства, беспечности и пьянства этих людей? ... Он сказал мне, что практика судейская одну истину сделала для него очевидной – что эти люди недоступны никаким внушениям своих обязанностей. Никакая кротость, никакое терпение тех, кто должны, к несчастью иметь с ними дело, тут не помогают. И вот с такими людьми, однако, мы принуждены жить и разделять наш хлеб и деньги» [9, с. 354–355].

Этот общепринятый взгляд на прислугу редко подвергался корректировке, даже в самых «интеллигентных семьях». Только экстраординарные обстоятельства могли вызывать понимание хозяевами проблем домашних работниц. Недаром О.В. Яфа (Синакевич) впервые задумалась о тяжести жизни своей прислуги, «которая предлагает нам свой труд за 8 рублей в месяц и которую мы обвиняем в бог знает каком нахальстве, когда в минуту раздражения она нам объявляет "Очень я нуждаюсь в Ваших восьми рублях"», только после того, как сама подверглась унижению, став гувернанткой в семье принцесс Сакен-Альтенбургских [10. Д. 310. Л. 23–24].

Итак, экономная хозяйка, не имевшая возможности содержать необходимый штат прислуги, а вынужденная ограничиться ОДНОЙ, после смены целой серии «вариантов» в поисках «хорошего», которые на деле оборачивались появлением в доме очередной «дуры» или «лентяйки», вынуждена была выбирать один из двух возможных исходов. Либо принималось решение взять «специализированную» прислугу, чаще всего кухарку или няню, либо, хотя находящаяся в услужении женщина и значилась как «одна», но на деле она выполняла не всю домашнюю работу, а лишь часть ее, заранее оговоренную с «хозяйкой». Всё, что не делалось прислугой, должно было выполняться самой матерью семейства, вынужденной брать на себя тот или иной вид домашнего труда и, выбрав то, что ее более устраивало, самой ухаживать за детьми, убирать комнаты, стоять у плиты, закупать продукты и даже дрова, а тем более полностью обшивать домашних. Все эти работы проходят перед нами своей чередой в дневниках российских дворянок второй половины XIX – начала XX в. Но даже если бы мы не имели подобных источников о степени вовлеченности хозяек в домашний труд, нам бы о том свидетельствовала невероятная популярность и многократное переиздание в эти годы всевозможных пособий по кулинарии, уходу за маленькими детьми и шитью, текст которых, очевидно, был рассчитан на широко образованную дворянку, а не малограмотную прислугу [1; 2; 3; 19]. Интересно, что в предисловии авторы, как правило, так и писали, что их труд предназначен для того, чтобы «помочь хозяйкам», которые должны были использовать книгу либо для самостоятельной деятельности, либо для более профессионального надзора за прислугой [20, с. 3–4].

Таким образом, к началу XX в. понятие «прислуга» превратилось из обобщающего, включавшего большое число лиц, как мужчин, так и женщин, имевших разнообразную специализацию и выполнявших четко определенные обязанности, каким оно было в середине XIX столетия, в самое что ни на есть конкретное. И, говоря о своей «прислуге», хозяева имели уже в виду ту единственную

женщину, и только женщину, которая, будучи «одна в доме», должна была решать хозяйственные проблемы семьи, много работать, ничего не требовать и все терпеть...

Список литературы

1. Вереме́нко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд. – СПб., 2009.
2. Вереме́нко В.А. Дворяне-супруги во второй половине XIX – начале XX в.: внутрисемейное распределение обязанностей // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI в.: матер. Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 нояб. 2012 г. / отв. ред. И.А. Тропов. – СПб., 2012. – С. 109–116.
3. Вереме́нко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. 2012. № 3 (Т. 4). С. 18–31.
4. Вереме́нко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. // отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.
5. Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень. – М., 1866.
6. Де-Турже-Туржанская Е. Белые невольники (Домашняя прислуга в России). – Смоленск, 1906.
7. Зеткина И.А., Николаева Е.А. Новые профессии в зеркале истории и литературы: няни, бонны, гувернантки. – Саранск, 2008.
8. Невский В.Л. Домашняя прислуга. – Пг., 1917.
9. Никитенко А.В. Записки и дневники: в 3 т. Т. 3. – М., 2005.
10. Отдел рукописей (ОР) РНБ. Ф. 163.
11. ОР РНБ. Ф. 601.
12. ОР РНБ. Ф. 698.
13. ОР РНБ. Ф. 1362.
14. Пельмен (Завьялов А.) Среди военных (Дневник). – СПб., 1907.
15. Попов Н.А. Хозяева и прислуга. – СПб., 1907.
16. Проституция по обследованию 1 августа 1889 года // Статистика Российской империи. Т. XIII / под ред. А. Дубровского. – СПб., 1890.
17. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 янв. 1897 г. / [с предисл. Н. Троицкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. – СПб., 1905. С. V.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 265.
19. Уход за грудными детьми. – Рига, 1913.
20. Хмелевская М. Экономная кухарка. – Полтава, 1903.
21. Филин М. Апология русской няни // Апология русской няни. К 250-летию Арины Родионовны. – М., 2009.

**Сравнение реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих Европейской России в 1900 и 1908 гг.
(по данным промышленных переписей)**

В статье на основании анализа промышленных переписей 1900 и 1908 гг. показаны обобщенные по губерниям данные номинальной заработной платы фабрично-заводских рабочих Европейской России. Составление продовольственной потребительской корзины по всем губерниям позволило выяснить реальную заработную плату в них. Сравнение полученных данных дало возможность увидеть динамику покупательной способности фабрично-заводских рабочих.

The article shows the data summarizing the real wage indexes for factory workers of the European Russia and indicating the Russian provinces, based on an analysis made into industrial polls performed in the years 1900 and 1908. The consumers' food basket compiled in covering all the provinces has enabled to identify the real wages in those provinces. The comparison of the data acquired has enabled to see the dynamics of purchasing power of the factory workers.

Ключевые слова: номинальная и реальная заработная плата, фабрично-заводские рабочие, потребительская корзина.

Key words: nominal and real wages, factory workers, consumer basket.

Важной составляющей в изучении российского рынка труда начала XX в. является выяснение его стоимостно-ценового фактора. Это обуславливается не только институтом рынка как таковым, но и особым характером товара «рабочая сила». Потребляя различные необходимые для жизни блага, рабочий восстанавливает свою рабочую силу, затраченную в процессе труда. Следовательно, стоимость товара «рабочая сила» есть, по существу, стоимость тех средств существования, которые нужны для жизнедеятельности носителя рабочей силы – рабочего, продающего капиталисту свою способность к труду. Превращенной формой стоимости и цены рабочей силы является заработная плата. Поэтому в нашем исследовании было важно выяснить и номинальную заработную плату фабрично-заводских рабочих, т. е. денежную сумму, получаемую ими за определенную единицу времени (в нашем случае за год), и их реальную заработную плату, понимаемую как покупательная способность номинальной заработной платы.

На основании данных, собранных в ходе промышленной переписи и зафиксированных в наиболее полном и надежном источнике дореволюционной России по рассматриваемой проблеме – «Статистических сведениях по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год» [3], а также в «Статистических сведениях о фабриках и заводах по производствам необложенным акцизом за 1900 год» [4], удалось выяснить *среднюю цену рабочей силы* по каждой группе (отрасли) и разряду промышленного производства (направлению специализации в рамках группы). Для этого было произведено деление общей суммы «рабочей платы, полученной рабочими при заведении (деньгами и натурой)», на общее число рабочих при заведении.

После этого, опираясь на «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» [2, с. 378–397], а также на сборник «1900 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев» [5, с. 2–8, 22–28], была определена рыночная потребительская корзина для каждой губернии и экономического района [1, с. 193–199]. Она носит, к сожалению, лишь продовольственный характер, так как автору не удалось найти сопоставимые сведения по ценам на промышленные товары и жилье по всем губерниям.

Полученные сведения о номинальной зарплате во всех группах и разрядах фабрично-заводской промышленности и продовольственной потребительской корзине во всех губерниях и районах позволили получить *относительную реальную заработную плату* как отношение номинальной заработной платы к цене потребительской корзины также во всех группах и разрядах по всем губерниям и районам за 1900 и 1908 годы [1, с. 193–199].

Для выяснения динамики реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих мы сравнили данные покупательной способности номинальной заработной платы по губерниям и разрядам промышленных заведений (табл. 1, 2). При этом учитывались как значения средних показателей по всем разрядам, имевшихся в губернии, так и значения сопоставимых разрядов, т. е. тех, которые были в наличии в губернии и в 1900 г., и в 1908 г.

В результате общее падение реальной заработной платы составило 13,36 % в сопоставимых разрядах и 15,08 % во всех разрядах. Однако в этой динамике обнаруживается значительная дифференциация по губерниям и районам. По наиболее встречающимся величинам все данные в сопоставимых разрядах можно разбить на четыре группы: а) падение реальной заработной платы до 15 % (5 районов и 20 губерний); б) падение – выше 15 % (3 района и

21 губерния); в) рост – до 10 % (6 губерний); г) отсутствие движения – (2 губернии).

Наиболее сильное падение покупательной способности номинальной зарплаты наблюдалось в Восточном и Южном районах, в Новгородской, Олонецкой, Вятской, Пермской, Самарской, Петербургской, Смоленской, Воронежской, Саратовской, Тульской, Тамбовской, Могилевской, Волынской, Херсонской губерниях и в Донской области.

Особое место в этой динамике занимает Северо-западный район. Он в отличие от других районов дал падение лишь в 1 %, и при этом в большинстве губерний этого района наблюдался пусть и небольшой, но рост реальной заработной платы рабочих.

Таким образом, из данных промышленных переписей 1900 и 1908 гг. видно, что в этом временном интервале в целом происходило падение покупательной способности фабрично-заводских рабочих Европейской России, что, однако, не мешало некоторому локальному росту данного показателя.

Таблица 1

Сравнение значений реальной заработной платы за 1900 и 1908 гг.
(по всем разрядам промышленных заведений)

Районы и губернии	НЗП	Цена ППК	Покуп. спос-ть НЗП 1900	Районы и губернии	НЗП	Цена ППК	Покуп. спос-ть НЗП 1908	Падение РЗП, в %
Новгородская	196,94	50,3	3,91	Новгородская	180,4	66,8	2,7	45
Архангельская	159,31	50,3	3,42	Архангельская	225,1	63,2	3,6	Рост 5 %
Олонецкая	168,02	48	3,50	Олонецкая	152,8	67,05	2,3	52
Вологодская	118,82	42,1	2,82	Вологодская	174,4	62,1	2,8	1
Псковская	125,94	46,5	2,71	Псковская	167,7	61,7	2,7	0
Северный	145,47	47,41	3,07	Северный	180,5	63,92	2,8	10
Вятская	129,14	33,4	3,87	Вятская	160,3	49,4	3,2	21
Казанская	154,82	37,7	4,11	Казанская	195,8	53,75	3,6	14
Пермская	155,39	30,95	5,02	Пермская	197,1	49,3	4,0	25
Уфимская	156,19	38,7	4,03	Уфимская	200,0	52	3,8	6
Самарская	162,36	38,75	4,19	Самарская	183,9	56	3,3	27
Уральская обл.				Уральская обл.	218,7	56,95	3,8	11
Оренбургская	155,77	33,3	4,68	Оренбургская	224,6	53,55	4,2	21
Восточный	150,49	35,49	4,24	Восточный	184,0	52,98	3,5	30
С.Петербург.	288,46	46,08	6,26	С.Петербург.	334,0	69,7	4,8	14
Курляндская	250,59	49,7	5,04	Курляндская	273,2	62,35	4,4	17
Лифляндская	275,29	49,9	5,52	Лифляндская	300,0	62,5	4,7	15
Эстляндская	264,51	52,1	5,08	Эстляндская	290,9	66,3	4,4	18
Прибалтийский	280,85	49,73	5,65	Прибалтийский	316,7	65,2	4,8	8
Владимирская	135,81	48,2	2,82	Владимирская	170,9	66,45	2,6	13
Калужская	141,53	48,05	2,94	Калужская	174,0	67,55	2,6	5
Костромская	146,58	43,45	3,37	Костромская	201,9	62,55	3,2	15
Московская	223,68	52,45	4,26	Московская	266,5	72,1	3,7	9

Продолжение табл. 1

Нижегородская	166,94	39,4	4,24	Нижегородская	207,5	53,75	3,9	14
Смоленская	146,26	47,35	3,09	Смоленская	171,0	62,3	2,7	Рост 3 %
Тверская	168,40	46,7	3,6	Тверская	235,5	64,15	3,7	6
Ярославская	165,32	51,95	3,18	Ярославская	192,7	64	3,0	13
ЦПР	191,71	47,19	4,06	ЦПР	230,8	64,09	3,6	36
Воронежская	157,8	39,95	3,95	Воронежская	164,9	55,75	2,9	11
Курская	129,38	41,6	3,11	Курская	156,6	56,05	2,8	26
Орловская	147,42	43,4	3,4	Орловская	163,2	59,55	2,7	Рост 3 %
Пензенская	115,02	38,7	2,97	Пензенская	157,0	51,45	3,0	3
Полтавская	150,43	38,4	3,92	Полтавская	195,3	51,4	3,8	29
Рязанская	146,76	43,8	3,35	Рязанская	165,8	62,65	2,6	37
Саратовская	185,11	39,7	4,66	Саратовская	200,8	57,45	3,4	17
Симбирская	140,55	38,75	3,63	Симбирская	170,5	54,05	3,1	24
Тамбовская	134,75	40,25	3,35	Тамбовская	161,9	60,15	2,7	36
Тульская	170,56	46,3	3,68	Тульская	170	62,7	2,7	16
Черниговская	143,04	39,85	3,59	Черниговская	169,8	54	3,1	24
Харьковская	192,16	40,75	4,71	Харьковская	231,28	59,95	3,8	16
ЦЧР	156,32	40,89	3,82	ЦЧР	193,5	58,27	3,3	5
Виленская	193,46	48,45	3,99	Виленская	223,2	58,85	3,8	Рост 9 %
Витебская	141,96	47,05	3,02	Витебская	186,1	56,05	3,3	Рост 8 %
Гродненская	167,37	50,2	3,33	Гродненская	209,1	57,5	3,6	1
Ковенская	172,99	48,8	3,54	Ковенская	202,7	57,35	3,5	Рост 5 %
Минская	152,58	47	3,25	Минская	189,9	55,6	3,4	6
Могилевская	131,73	45,85	2,87	Могилевская	153,5	56,29	2,7	Рост 5 %
СЗР	158,69	47,88	3,32	СЗР	196,9	56,91	3,5	32
Волынская	165,58	40,6	4,08	Волынская	164,2	52,5	3,1	30
Киевская	228,32	40,8	5,6	Киевская	230,7	53,15	4,3	Рост 7 %
Подольская	115,53	44	2,62	Подольская	149,5	53,85	2,8	20
ЮЗР	185,55	41,82	4,44	ЮЗР	195,1	53,16	3,7	11
Астраханская	198,84	43,7	4,55	Астраханская	246,9	60,3	4,1	10
Бессарабская	204,27	41,35	4,94	Бессарабская	237,1	52,9	4,5	24
Донская обл.	252,36	43,4	5,81	Донская обл.	301,1	63,35	4,7	11
Екатериносл.	253,95	41,6	6,1	Екатериносл.	311,7	56,8	5,5	17
Таврическая	251,96	47,9	5,26	Таврическая	301,7	67,25	4,5	29
Херсонская	254,94	43,8	5,82	Херсонская	268,5	59,35	4,5	26
Южный	253,69	43,56	5,82	Южный	276,5	59,98	4,6	16
Среднее значение	177,20	43,88	4,05	Среднее значение	210,0	59,08	3,5	15,7

Источник: Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб., 1912; Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам необложенным акцизом за 1900 год. – СПб., 1903; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. СПб., 1910. С. 378–397; 1900 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Вып. 1. СПб., 1900. С. 2–8, 22–28.

Таблица 2

Сравнение значений реальной заработной платы за 1900 и 1908 гг.
(А – падение в сопоставимых разрядах, В – падение во всех разрядах)

Районы и губернии	Покуп. сп. НЗП 1900	Покуп. сп. НЗП 1908	Падение РЗП, %
Новгородская А	3,87	2,88	34
Новгородская Б	3,91	2,7	45
Архангельская А	2,88	3,18	Рост 10 %
Архангельская Б	3,42	3,6	Рост 5 %
Олонецкая А	3,79	2,51	51
Олонецкая Б	3,50	2,3	52
Вологодская А	3,1	2,7	15
Вологодская Б	2,82	2,8	0
Псковская А	2,84	2,89	0
Псковская Б	2,71	2,7	0
Северный А	3,26	2,92	12
Северный Б	3,07	2,8	9
Вятская А	3,60	2,98	21
Вятская Б	3,87	3,2	21
Казанская А	4,18	3,7	13
Казанская Б	4,11	3,6	14
Пермская А	5,08	4,09	24
Пермская Б	5,02	4,0	25
Уфимская А	3,67	3,23	13
Уфимская Б	4,03	3,8	6
Самарская А	4,26	3,42	24
Самарская Б	4,19	3,3	27
Оренбургская А	4,72	4,12	14
Оренбургская Б	4,68	4,2	11
Восточный А	4,28	3,32	29
Восточный Б	4,24	3,5	21
С.Петербург. А	6,32	4,8	32
С.Петербург. Б	6,26	4,8	30
Курляндская А	5,12	5,04	1
Курляндская Б	5,04	4,4	14
Лифляндская А	5,56	4,98	12
Лифляндская Б	5,52	4,7	17
Эстляндская А	5,08	4,85	5
Эстляндская Б	5,08	4,4	15
Прибалтийский А	5,63	4,93	14
Прибалтийский Б	5,65	4,8	18
Владимирская А	2,85	2,66	7
Владимирская Б	2,82	2,6	8
Калужская А	2,98	2,5	19
Калужская Б	2,94	2,6	13
Костромская А	3,44	3,25	6
Костромская Б	3,37	3,2	5
Московская А	4,26	3,6	18
Московская Б	4,26	3,7	15
Нижегородская А	4,8	4,07	18
Нижегородская Б	4,24	3,9	8
Смоленская А	3,06	2,5	22
Смоленская Б	3,09	2,7	14
Тверская А	3,62	3,2	13

Продолжение табл. 2

Тверская Б	3,6	3,7	Рост 3 %
Ярославская А	3,12	2,97	5
Ярославская Б	3,18	3,0	6
ЦПР А	4,00	3,49	14
ЦПР Б	4,06	3,6	13
Воронежская А	3,95	3,07	29
Воронежская Б	3,95	2,9	36
Курская А	3,11	2,9	7
Курская Б	3,11	2,8	11
Орловская А	3,2	2,75	16
Орловская Б	3,4	2,7	26
Пензенская А	2,94	3,26	Рост 10 %
Пензенская Б	2,97	3,0	Рост 1 %
Полтавская А	4,1	4,1	0
Полтавская Б	3,92	3,8	3
Рязанская А	3,24	2,99	8
Рязанская Б	3,35	2,6	29
Саратовская А	4,96	4,08	21
Саратовская Б	4,66	3,4	37
Симбирская А	3,64	3,37	8
Симбирская Б	3,63	3,1	17
Тамбовская А	3,61	2,82	28
Тамбовская Б	3,35	2,7	24
Тульская А	3,79	2,92	30
Тульская Б	3,68	2,7	36
Черниговская А	3,77	3,28	15
Черниговская Б	3,59	3,1	16
Харьковская А	4,7	3,99	18
Харьковская Б	4,71	3,8	24
ЦЧР А	3,9	3,34	17
ЦЧР Б	3,82	3,3	16
Виленская А	3,98	3,75	6
Виленская Б	3,99	3,8	5
Витебская А	3,29	3,53	Рост 7 %
Витебская Б	3,02	3,3	Рост 9 %
Гродненская А	3,4	3,67	Рост 7 %
Гродненская Б	3,33	3,6	Рост 8 %
Ковенская А	3,6	3,79	Рост 5 %
Ковенская Б	3,54	3,5	1
Минская А	3,18	3,44	Рост 8 %
Минская Б	3,25	3,4	Рост 5 %
Могилевская А	3,07	2,46	25
Могилевская Б	2,87	2,7	6
СЗР А	3,37	3,37	1
СЗР Б	3,32	3,5	Рост 5 %
Волынская А	4,26	3,53	21
Волынская Б	4,08	3,1	32
Киевская А	5,39	4,7	15
Киевская Б	5,6	4,3	30
Подольская А	2,95	3,05	Рост 3 %
Подольская Б	2,62	2,8	Рост 7 %
ЮЗР А	4,56	4,28	6
ЮЗР Б	4,44	3,7	20
Астраханская А	4,38	3,86	13
Астраханская Б	4,55	4,1	11

Продолжение табл. 2

Бессарабская А	4,91	4,4	11
Бессарабская Б	4,94	4,5	10
Донская обл. А	5,88	4,68	26
Донская обл. Б	5,81	4,7	24
Екатериносл. А	6,38	5,7	12
Екатериносл. Б	6,1	5,5	11
Таврическая А	5,7	4,92	16
Таврическая Б	5,26	4,5	17
Херсонская А	5,69	4,5	26
Херсонская Б	5,82	4,5	29
Южный А	5,7	4,67	22
Южный Б	5,82	4,6	26
Среднее значение: падение в сопоставимых разрядах			13,36
Среднее значение: падение во всех разрядах			15,08

Источник: табл. 1.

Список литературы

1. Волков В.В. Относительная реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих Европейской России в 1908 г.: региональный аспект // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2012.
2. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. – СПб., 1910.
3. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. – СПб., 1912.
4. Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 год. – СПб., 1903.
5. 1900 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Вып. 1. – СПб., 1900.

Реквизиция Петроградской Синодальной типографии в январе 1918 г.

В статье рассмотрена реквизиция Петроградской Синодальной типографии в Петрограде в январе 1918 г. Это событие стало первым практическим шагом Советского руководства по отделению церкви от государства и изъятию церковного имущества. Статья вводит в научный оборот ранее неизвестные документы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов (Москва) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

The article is devoted to confiscation of the printing house of the Holy Synod in Petrograd in January 1918. This event was the first practical step of the Soviet Authorities towards disestablishment and confiscation of church property. The article introduced the previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of the Ancient Documents (Moscow) and the Russian State Historical Archive (St. Petersburg).

Ключевые слова: Святейший синод, типография, Совет народных комиссаров, рабочий контроль.

Key words: Holy Synod, printing house, Council of People's Commissars, workers' control.

Реквизиция Синодальной типографии в Петрограде в начале января 1918 г. стала первым практическим шагом Советского правительства по изъятию церковных имуществ и отделению церкви от государства. События развернулись ещё до принятия одноимённого декрета и вызвали активный протест православного духовенства и верующих мирян. И хотя об этом «захвате» уже неоднократно писали историки [4, с. 91–99; 23], все они опирались главным образом на опубликованные церковные источники, прежде всего на доклад прот. П.Н. Лахостского Поместному собору 22 января 1918 г. [15, с. 29]. При этом неосвещённым осталось видение произошедшего с точки зрения самих рабочих (в лице избранного ими Комитета старост), а также позиция чиновников типографии, оставшихся верными Святейшему Синоду. Кроме того, за рамками внимания исследователей остались судьба книжного склада и синодальной книжной лавки, составлявшие с типографией единый комплекс.

Синодальная типография, расположенная в Петрограде по адресу ул. Кабинетская (ныне ул. Правды), д. 15, являлась до 1917 г. крупнейшей в ведомстве православного исповедания. Число трудящихся в типографии рабочих и «вольных мастеровых» в 1917 г. составляло около 350 чел. [6. Л. 1–31]. Здесь печатались главные синодальные издания: журнал «Церковные ведомости» и газета «Всероссийский церковно-общественный вестник».

После Февральской революции среди рабочих стало проявляться стремление к более активному участию в управлении типографией. Церковное руководство пошло им навстречу и ввело в действие так называемые «Автономные правила», выработанные Комитетом связи рабочих казённых типографий [13. Л. 1–14]. В соответствии с этим документом для защиты прав рабочих при типографии образовался Комитет старост. Однако указанная уступка только дезорганизовала производственный процесс. Комитет старост вместо отведённых ему функций профсоюзной организации тут же «заявил притязание на контроль над производством и хозяйничанье в типографии» [12. Л. 13].

Для выяснения ситуации 4 августа 1917 г. по распоряжению обер-прокурора Синода А.В. Карташёва образовалась комиссия во главе с прот. А.П. Рождественским. Последний докладывал, что в рабочую среду проник «новый, анархически настроенный элемент», которому чужда идейная сторона деятельности типографии [4, с. 99]. Размолвка между рабочими в лице Комитета старост и правлением типографии дошли до того, что прежний управляющий, В.А. Тернавцев, оказался вынужденным покинуть свой пост. В соответствии с «Автономными правилами» на его место рабочие избрали Ивана Николаевича Михайлова.

Свержение Временного правительства и переход власти к советам придали событиям в типографии ещё большее ускорение. 14 ноября 1917 г. ВЦИК принял положение, согласно которому под контроль выборных рабочих органов переходили не только производство, но и финансовая сторона предприятий [3, с. 83]. Однако новый управляющий, несмотря на своё демократическое избрание, оказался верным духовному начальству. Он подготовил для Синода специальный доклад «о ненормальностях» в работе типографии, в котором отмечалось следующее: ежедневно вместо работы рабочие отвлекаются на некие «заседания» от 12 человек и более; старосты не вводят выработанную союзом печатников норму, не приучают рабочих к порядку, а занимаются «пустыми разговорами»; старосты выносят разные требования и «хулиганские постановления», которые печатают, используя мощности и материалы типографии, отвлекая для этого наборщиков; в частности, издано постановление о

захвате квартир у чиновников или обложении их арендной платой; старосты испортили «множество механизмов» и пытаются влезть в отношения типографии с заказчиками. Михайлов предлагал или упразднить Комитет старост вместе с существовавшим при нем Хозяйственным комитетом, или вообще временно закрыть типографию, «дабы весь худший элемент вновь в случае открытия не мог попасть» в неё [12, с. 29–29 об.].

Однако ситуация складывалась не в пользу Синода. Вдохновлённый постановлением о рабочем контроле и политическими переменами в стране обновлённый состав Комитета старост развернул бурную деятельность. Новым председателем Комитета стал наборщик Евлампий Карлуков, секретарём – метранпаж Иван Брысов. Кроме них в комитете состояли рабочие: Ратаев (от переплетного отделения), Семёнов и Пашкин (от машинного отделения), Комиссаров (от наборного отделения), Трукан (от стереотипного отделения), Волосевич (от механико-подъёмного отделения и склада), Матулис (от экспедиции), Тимофеева (от брошюрного отделения), Пушкин (от ночного наблюдательного отделения, без права решающего голоса). Обновлённый Хозяйственный комитет составили председатель – экспедитор Александр Волосевич и рабочий М. Чуменков [17, с. 5]. С конца ноября 1917 г. старосты начали активно издавать собственные распоряжения по типографии. Так, 15 декабря Комитет разрешил предоставить кладовщику Володину отпуск 10 дней и передал заведование столовой непосредственно повару, установив ему зарплату 265 руб. Кроме того, старосты приняли постановление о том, что все не подчиняющиеся Комитету чиновники будут немедленно увольняться от должности [17, с. 5].

Надо отметить, что не все рабочие признавали авторитет Комитета. Например, кладовщик печатного отделения Тишков назвал его членов «бараньими головами» и «сволочами», за что 15 декабря его постановили уволить. На следующий день Тишков объявил, что осознал свою вину и раскаялся, и наказание заменили на строгое предупреждение [17, с. 5–6]. Тогда же, 15 декабря 1917 г., старосты рассмотрели обстоятельства драки между чернорабочими Филоновым и Борисовой, выяснив, что первым нанёс оскорбление именно Филонов. Когда же последнего пригласили в Комитет для «разбора полётов», он ответил: «ну вас всех к... и с комитетом старост». Филонова также решили уволить [17, с. 5].

18 декабря Комитет постановил начать выпуск собственного журнала под редакцией М. Чуменкова, разумеется, силами и средствами типографии. Первый номер этого издания, названного «Трудовым еженедельником», увидел свет 1 января 1918 г. При этом 19 декабря старосты объявили о прекращении печатания газеты

«Всероссийский церковно-общественный вестник» «ввиду большой задолженности и не уплаты денег за работы» [17, с. 6].

Комитет старост поддерживал активные связи с Комитетом связи казённых типографий. 16 декабря последний выработал проект декрета по управлению государственными типографиями, который передали в Наркомат просвещения. Кроме того, к народному комиссару внутренних дел Г.Л. Петровскому были направлены делегаты для обсуждения вопроса о единовременной праздничной премии рабочим. 19 декабря член Комитета связи Середницкий объявил, что этот вопрос «комиссарами удовлетворён» и нужно составлять списки работников [17, с. 6–7]. Судя по протоколам Совета народных комиссаров (далее – СНК), Петровский действительно попросил выделить сверхсрочный кредит «на выплату пособий к рождеству служащим государственной, сенатской и синодальной типографий», однако 21 декабря 1917 советское правительство постановило в этом вопросе отказать [5, с. 150].

В ноябре 1917 г. старосты возбудили перед церковным руководством вопрос о необходимости выдачи работающим в Петроградской синодальной типографии пособий к Рождеству. Именно это, по мнению управляющего И.Н. Михайлова, стало отправной точкой в последовавшем «бунте» «небольшой, но влиятельной части рабочих» [12. Л. 13 об.]. Согласно составленной ими ведомости общая сумма премий составляла 115 305 руб. [6. Л. 1–31]. Синод отказал в выдаче требуемого рабочими праздничного пособия, обосновав мотивированно это тем, что оно не предусмотрено «Автономными правилами» [12. Л. 13 об.]. После этого старосты решили обратиться к советскому руководству. В своём заявлении от 7 декабря 1917 г. на имя управляющего делами СНК они объявили, что приняли на себя управление типографией, но просят сообщить, будет ли она признана государственной собственностью или останется у церкви (Синода). Последнее, по мнению авторов послания, нежелательно и неудобно, так как «по существующему состоянию» все действия старост подлежат рассмотрению «Святейшего Собора», который далеко в Москве и «иногда совсем не считается с мнением рабочих и не удовлетворяет требований Рабочего контроля». Старосты выразили желание получить в своё распоряжение все имеющиеся у типографии средства, а также занять квартиры чиновников духовного ведомства. Бумагу подписали председатель Комитета старост Е. Карлуков, председатель Хозяйственного комитета А. Волосевич и секретарь И. Брысов [12. Л. 28–28 об.].

На оригинальном документе, хранящемся в фонде управляющего делами СНК, стоит резолюция «исследовать... (далее неразборчиво – А.С.)» и в конце имеются интересные пометы от руки:

«1. Выяснить, чья будет типография. 2. На средства типографии выстроены дома. 3. На какие средства будет существовать типография. 4. Нужны средства и нужно уплатить. 5. Дополнительные одновременные пособия, на уплату жалования 115–120 тыс. руб. Тернавцев. Чиновн. особ. поруч., служит в Ак... (далее неразборчиво – А.С.)» [1. Л. 1–2]. Думается, эти записи были сделаны кем-то из аппарата СНК во время беседы с представителями Комитета старост. Вероятно, Тернавцев упоминается в связи с желанием рабочих занять его казённую квартиру. Так, 11 декабря 1917 г. Комитет старост даже постановил потребовать телеграммой от В.А. Тернавцева к 1 января освободить квартиру, иначе комитет угрожал распорядиться его личными вещами «по своему усмотрению» [17, с. 5]. Судя по всему, рабочие получили обещания поддержки, но никаких реальных шагов со стороны народных комиссаров в тот момент не последовало. 18 декабря А. Волосевич доложил Комитету о ещё одной поездке к комиссару внутренних дел Г.Л. Петровскому [17, с. 6].

Находившееся в Москве церковное руководство реагировало на события в Петроградской синодальной типографии со значительным опозданием. Только 16 декабря 1917 г. Соборный совет постановил немедленно учредить особую комиссию в составе настоятеля Александро-Невской лавры епископа Прокопия (Титова), редактора «Церковных ведомостей» прот. П.Н. Лахосткого и проф. В.Н. Бенешевича. Комиссии предписывалось к 20 января 1918 г. представить Соборному совету отчёт о ситуации в типографии, после чего Собор должен был рассмотреть вопрос о необходимости её ревизии [12. Л. 10]. Синод подтвердил постановление Соборного совета своим определением [21, с. 5–6].

В ходе своего визита в типографию 19 декабря 1917 года член Соборной комиссии прот. П.Н. Лахостский выяснил, что требования большинства рабочих ограничивались получением надбавок к жалованию, в то время как старосты проводили линию на переход типографии под управление СНК. Лахостский попросил вынести этот вопрос на обсуждение общего собрания рабочих, что и было сделано 21 декабря. Вопреки желаниям Комитета старост рабочие тогда сошлись на том, что статус типографии менять не нужно, и они будут довольны, если Синод назначит им денежные прибавки «наравне с Московской синодальной типографией». Об этом составили соответствующую резолюцию, которую направили патриарху [15, с. 29]. Отметим, что в тот момент старостам действительно ещё нечего было предложить рабочим. На состоявшемся тогда же 21 декабря заседании Комитета И. Брысов доложил о результатах своего визита в Народный комиссариат внутренних дел. Из доклада стало

известно, что «получение единовременного пособия к празднику Советом народных комиссаров выяснится только 22 декабря» [17, с. 6].

Видимо, получив сообщение от прот. Лахостского о случившемся, 3 января 1918 г. Синод поручил Соборной комиссии изучить вопрос о «якобы неравномерной» оплате труда в типографиях в Петрограде и Москве [12. Л. 12]. Отметим, что из зарплатных ведомостей сотрудников Московской синодальной типографии следует, что никаких дополнительных надбавок в конце 1917 г. по отношению к марту того же года они не получали [7. Л. 24–25 об., 102].

Принимаемые меры уже не могли помочь церкви удержать контроль над петроградской типографией. 2 января 1918 г. СНК назначил правительственным комиссаром при Наркомпросе П.И. Лебедева-Полянского [3, с. 587], который в тот же день направил управляющему Синодальной типографией И.Н. Михайлову своё официальное отношение. В нём объявлялось, что типография «с 1 января» переходит в ведение Технического Совета по управлению Государственными типографиями при Комиссариате по Народному просвещению». Михайлову предписывалось не выполнять никаких заказов без ведома Хозяйственной комиссии при этом совете, а помещение и инвентарь типографии «впредь до перехода их в ведение самого Совета» передать для охраны Комитету старост [15, с. 25].

И.Н. Михайлов незамедлительно проинформировал о полученной бумаге Соборную комиссию, которая решила действовать по ранее опробованной схеме. Прибыв утром 3 января в помещение типографии, они, несмотря на противодействие старост, созвали общее собрание рабочих. На нём члены комиссии объявили, что «Синодальная типография – не государственная, а церковная», и распоряжение советского комиссара её не касается. Они добавили, что в случае реквизиции Синод не сможет печатать в типографии духовные книги, и она останется без заказов. Большинство рабочих согласилось с точкой зрения духовных властей, но старосты объявили, что в 4 часа состоится новое собрание, на котором будут «окончательно решены вопросы» зарплат. Днём член Соборной комиссии прот. П.Н. Лахостский посетил самого П.И. Лебедева-Полянского и выразил протест против вчерашнего извещения. В ответ комиссар заявил, что «всё уже решено» и типография переходит «к народу» [15, с. 25–26].

Основные события развернулись на вечернем общем собрании рабочих типографии 3 января, на котором присутствовал и правительственный комиссар Лебедев-Полянский, и представители Соборной комиссии. Согласно краткой сводке, опубликованной в «Трудовом еженедельнике», сначала член Комитета старост Чума-

ков объявил о предстоящей выплате единовременного пособия, согласованного Наркомпросом и Министерством труда, зачитав документ за подписью наркома труда. Далее А. Волосевич сообщил о переходе типографии с 1 января 1918 г. в ведение Министерства народного просвещения, откуда впредь рабочие и будут получать жалование. После этого состоялись выборы Хозяйственной исполнительской комиссии [18, с. 5].

По информации членов Соборной комиссии собрание прошло не так гладко, как это хотели преподнести старосты. Лебедев-Полянский выступил перед рабочими с полуторачасовой речью, направленной против «попов» и Синода. В заключение комиссар пообещал всем работникам выдать по 300 руб. наградных и заверил, что СНК уже утвердил зарплатную смету для них на три месяца вперёд, и жалование будет выдано, даже если в типографии не будет никакой работы. Когда некоторые рабочие всё-таки начали возражать, комиссар вызвал красногвардейцев, ожидавших где-то поблизости. На этом собрание закончилось [15, с. 30]. Комитет старост вооружили винтовками, а ночью в типографских помещениях было устроено праздничное застолье [15, с. 26]. С 4 января 1918 г. учреждение фактически перешло в руки Комитета старост. Управляющему И.Н. Михайлову предложили остаться в составе технического комитета с правом совещательного голоса, но он отказался [15, с. 26]. Вместе с тем на собрании 4 января чиновники правления постановили пока не прекращать работ до выяснения ситуации [19, с. 3].

Выразив свой протест комиссару, Соборная комиссия поручила Михайлову составить опись «захваченного» имущества типографии [15, с. 27], а также обратилась в Синод с ходатайством о прекращении выплаты жалования рабочим [15, с. 27]. 7 января комиссия порекомендовала И.Н. Михайлову «установить распорядок занятий служащих в типографии, получать за исполненные заказы деньги, и за продаваемые книги производить расчет с покупателями». Оговаривалось, что из получаемых средств Михайлов может выплачивать жалование чиновникам правления [19, с. 3]. 10 января 1918 г. Синод постановил приостановить оплату счетов и выдачу содержания рабочим и служащим типографии, а определением от 11-15 января объявил, что «произведённый насильственный захват церковного достояния нарушает Божеские и человеческие законы и приносит неисчислимый вред всему православному русскому народу» [15, с. 28].

11 января собрание приходских советов Петрограда приняло резолюцию, протестующую против реквизиции. С этой бумагой прот. П.Н. Лахостский попытался добиться аудиенции А.В. Луначарского,

но тот не захотел разговаривать с «попом» и несколько раз «высылал» вместо себя П.И. Лебедева-Полянского. По словам протоиерея, этот комиссар обращался с ним «презрительно и грубо», а на просьбу передать наркому резолюцию приходских советов, Лебедев-Полянский ответил: «Хоть к чёрту посылайте эти бумаги!» [15, с. 31].

Параллельно шла борьба вокруг книжного склада при типографии, где хранились уже напечатанные книги на общую сумму в 1 400 000 руб. [15, с. 27]. Ещё 4 января 1918 г. П.И. Лебедев-Полянский заявил прот. П.Н. Лахосткому, что склад будет оставлен Синоду. На следующий день комиссар предписал Комитету старост «временно» оставить книжный склад в «прежнем ведении» [12. Л. 14–14 об.]. Однако вечером 5 января рабочие, применив угрозы, забрали у заведующего складом Н.Н. Байбородина ключи и получили доступ в помещение [15, с. 27]. Узнав об этом, правительственный комиссар прислал 7 января в Комитет старост предписание возвратить ключи и «склада и книжной лавки не трогать» [15, с. 27]. 10 января Лебедев-Полянский официальным отношением сообщил И.Н. Михайлову, что все книги на складе богословские, священного и религиозного содержания «подлежат свободной выдаче» [12. Л. 14–14 об.]. Однако забрать какие-либо печатные материалы представителям Синода так и не удалось.

8 января старосты обнаружили, что, несмотря на их декабрьское предписание переводить все поступающие от выполнения заказов деньги на типографский счёт в Московском купеческом банке, управляющий И.Н. Михайлов и его помощник В.К. Тернблом 30 декабря 1917 г. сдали в Синодальное казначейство значительную сумму в размере 70 957,97 руб. В связи с этим старосты постановили Михайлова и Тернблома уволить, а от всех чиновников, занимающих казённые квартиры, потребовали в недельный срок их освободить. По настоянию комитета Михайлов сдал оставшиеся у него типографские деньги в размере 2 101,04 руб. [18, с. 3], которых, конечно же, было явно недостаточно для выплаты рабочим жалования. При этом в Наркомпросе тоже возникла заминка. Ранее Лебедев-Полянский заверил рабочих, что деньги им будут выданы в среду, 10 января 1918 г. Но когда представители Комитета старост в этот день прибыли в Наркомат за зарплатой, им объявили, что «в кассе денег нет» и выплата возможна не ранее субботы [18, с. 3].

10 января 1918 г. согласно предписанию Соборной комиссии второе общее собрание чиновников правления объявило, что они уходят из типографии [19, с. 3–4]. В своём прощальном письме к рабочим служащие писали, что не винят их всех в «отобрании» и верят, что «Господь, устрояющий всё во благо, возвратит и нашу

типографию к прежнему ея деланию во славу Божию» [22, с. 23]. Комитету старост пришлось в спешном порядке самим организовывать всё администрирование и бухгалтерию. Тем не менее 18(5) февраля Комитет постановил, что «за неимением места и ввиду явной нежелательности работать» старый состав конторских служащих «ни в коем случае на службу принят быть не может» [19, с. 12].

Дальнейшая судьба книжного склада и находящихся в нём печатных материалов оставалась неясной. По сообщению И.Н. Михайлова, рабочие в лице Комитета старост стали сами распродавать оттуда книги. При этом они заявили П.И. Лебедеву-Полянскому, что у церковного руководства перед ними имеется задолженность. После этого комиссар в личном свидании с И.Н. Михайловым потребовал в недельный срок погасить долг, «иначе всё имущество Типографии вместе с книжным складом, матрицами и пр. поступит в собственность Государства». Михайлов проинформировал об этом требовании епископа Прокопия и вице-директора Хозяйственного управления Синода, после чего запросил у Лебедева-Полянского пропуск в помещение типографии «для ликвидации» долга. Комиссар обещал выдать необходимую бумагу, но вскоре уехал в Москву [12. Л. 14 об.].

Сменивший Лебедева-Полянского комиссар Белопольский, по словам И.Н. Михайлова, проявил «в неоднократных разговорах... доброе отношение к Церкви» и даже «допустил мысль о возможности и своевременности возвращения в ведение церкви всей типографии, тем более Синодального книжного склада» [12. Л. 14 об.]. Соборная комиссия, вдохновлённая такими рассуждениями, обратилась к А.В. Луначарскому с просьбой вернуть книжный склад церкви, так как в Синодальном книжном магазине «уже всё распродано» и нужно «успокоить возмущённое чувство православного народа» [12. Л. 14 об.]. Реакции со стороны наркома просвещения не последовало. Весной 1918 г. И.Н. Михайлов докладывал в Москву, что с конца 1917 г. он «постоянно ездит, хлопочет», бывает «у комиссаров, в помещении Смольного, в Министерстве просвещения, в Рабочем комитете и т. п.». По его словам, о возвращении типографии Синоду пока говорить преждевременно, но «могут вернуть» книжный склад: отношение к этому со стороны комиссаров «более или менее благоприятное», а со стороны рабочих – «захватное» [12. Л. 13 об.]. В конце марта о своих притязаниях на типографский склад и синодальную книжную лавку объявил занявший здание Синода литературно-издательский отдел Наркомюста [2. Л. 1, 6].

Тем не менее до мая 1918 г. церковное руководство не оставляло надежда на благополучное решение вопроса о типографии. Так, 8 марта (23 февраля) 1918 г. Высшее церковное управление

(ВЦУ) слушало доклад А.П. Рождественского о мероприятиях, подлежащих проведению в жизнь в случае возвращения типографии церкви. Постановили «иметь в виду при возвращении типографии в распоряжение церковной власти» [9. Л. 15 об.]. Возможно, предполагалось преобразовать типографию из «Синодальной» в «Патриаршую» [12. Л. 16–18].

Вероятно, надежды духовенства подпитывались и сведениями о растущем недовольстве рабочих старым составом Комитета старост, что окончилось 12 апреля их переизбранием. 25 апреля 1918 г. по итогам ревизии их деятельности общее собрание рабочих констатировало, что Комитет старост «не будучи подготовлен технически к аппарату управления типографией после ухода администрации, оказался беспомощен заменить её» [19, с. 10–11]. Тем не менее вопрос о возможности возвращения типографии в ведение церкви рабочими даже не поднимался.

Вместе с тем необходимо отметить, что вопреки звучавшим на Поместном соборе утверждениям рабочие вовсе не являлись «большевиками». Например, 23 февраля 1918 г. общее собрание рабочих в связи с наступлением немцев на Петроград приняло резолюцию, объявляющую необходимым «немедленное прекращение гражданской войны, созыв Учредительного собрания и передачу ему всей полноты власти, свободу печати, оставляя Совет рабочих и солдатских депутатов, как политическую организацию пролетариата, стоящего на страже русской революции» [19, с. 9]. Общее собрание 14 мая 1918 г. приняло высказанное рабочим Ф. Юнкеровым заявление об «отрицательном настроении всех рабочих масс к советскому правительству» и о «полной непригодности всех начинающей большевистской власти как в области политической, так и в экономической жизни страны» [19, с. 11]. 20 сентября 1918 г. в нарушение циркуляра Отдела управления Государственными типографиями общее собрание рабочих объявило день Рождества Пресвятой Богородицы выходным [20, с. 6].

К маю 1918 г. церковному руководству стало очевидно, что ситуация с типографией в ближайшее время не изменится. Ввиду этого 17 (4) мая 1918 г. ВЦУ постановило оповестить православное духовенство и мирян, что печатаемая в типографии духовная литература лишена благословения церковной власти и «не может заслуживать доверия» [10. Л. 16]. После реквизиции типографии ВЦУ более не делало там заказов, а в 1919 г. церковь печатала свои материалы в Петрограде в 17-й Государственной типографии (ул. 7-я рота, 26) [12. Л. 32–37]. Бывшая Петроградская синодальная типография (3-я Государственная) и книжный склад при ней перешли в конце 1918 г. в ведение Отдела печати Петроградского совета ра-

бочих и крестьянских депутатов [14, с. 304], а в прежних квартирах чиновников типографии по адресам Кабинетская ул., 17 и Звенигородская ул., 12 разместились типографские рабочие [11. Л. 37–37 об.].

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 101.
2. ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 196.
3. Декреты Советской власти. Т. I. – М., 1957.
4. Кашеваров А.Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917 – 1922). – М., 2005.
5. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. – М., 2006.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1184. Оп. 3. Ч. 4. 1917. Д. 104.
7. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Ч. 4. 1917. Д. 115.
8. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Ч. 4. 1918. Д. 2.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 3.
10. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27.
11. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28.
12. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47.
13. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 49.
14. Сборник декретов и распоряжений по Союзу коммун Северной области. Вып. I. Ч. 1. – Пг., 1919.
15. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. – М., 1918.
16. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Т. 10. Деяния 137–151. – М., 2000.
17. Трудовой еженедельник. – 1918. – № 1.
18. Трудовой еженедельник. – 1918. – № 3.
19. Трудовой еженедельник. – 1918. – № 5.
20. Трудовой еженедельник. – 1918. – № 10.
21. Церковные ведомости. – 1918. – № 1.
22. Церковные ведомости. – 1918. – №1. Прибавления.
23. Шкаровский М.В. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917–1918 гг. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр. – СПб., 2011. С. 269–287.

А. Ю. Давыдов

Адаптационный синдром: взаимоприспособление нелегального рынка и новой экономической политики

В статье исследуется взаимовлияние «мешочничества» и новой экономической политики, осуществлявшейся большевиками в первой половине 20-х гг. XX в. Обращается внимание на значительную роль мешочников среди первых нэпманов. Это способствовало тому, что свойственное мешочникам отношение к жизни и власти определили характер новых частных капиталистов, в большинстве своем не веривших в долговременный характер новой политики и живших одним днем.

The article examines the interaction between «private speculation» and new economic policy adopted by the Bolsheviks in the first half of the 1920's. The author draws attention to the significant role of speculators among the first Nepmen. This contributed to the fact that speculators' peculiar attitude to life and power determined the character of the new private capitalists, most of them did not believe in the long-term nature of the new policy and lived for a moment.

Ключевые слова: Советская Россия, новая экономическая политика (нэп), «военный коммунизм», мешочничество, мешочники, снабжение, нэпман, продовольствие.

Key words: Soviet Russia, the New Economic Policy (NEP), the «military communism», private speculation, profiteers, supply, Nepman, food.

Политика Советского государства – особенно на ранних этапах – испытывала мощное адаптировавшее ее воздействие со стороны широких слоев населения. В известном смысле речь идет о своеобразном адаптационном синдроме, о создании народом защитных механизмов, которые приспособляли прожектерские планы к реальной жизни. Применительно к военному коммунизму одним из центральных таких механизмов стало общенародное мешочническое движение, основательному изучению которого посвящен ряд работ [4; 5; 21]. Вместе с тем нередко оно оказывало влияние и на эволюцию новой экономической политики. Как представляется, за некоторыми исключениями эта последняя проблема не получила должного осмысления [15, с. 150]. Определению значения нелегального рынка для адаптации новой экономической политики, приближению ее прожектерски настроенных творцов к реальности и будет уделено внимание в данной работе. При этом не следует за-

бывать, что нэп развивался под воздействием политических тенденций и традиций, сложившихся при военном коммунизме. Поэтому мы остановимся и на вопросе о преемственности между мешочниками Гражданской войны и нэпманами.

Новая экономическая политика отнюдь не стала решительным поворотом в сторону свободы рыночных отношений. До её введения российская экономика стала мешочнической; поскольку функции организации такой экономики были распределены между миллионами граждан, то и общество условно можно назвать мешочническим [18, с. 116]. На первых порах нэп представлял попытку использовать те теневые процессы, которые большевики безуспешно пытались подавить. Вот что писал по этому поводу современник изучаемых событий Л. Крицман: «Не нэп породила рынок, а загнанный в подполье в эпоху гражданской войны рынок породил и подталкивал дальше нэп» [11, с. 246].

Между тем экономическая политика первых месяцев после X съезда РКП(б) представляется утопической, ибо по существу легализация рынка не состоялась. Дело в том, что с марта по осень 1921 г. становилась свободной лишь торговля в рамках «местного хозяйственного оборота» и серьёзного значения для налаживания товарообменных операций между хлебопотребляющими и плодородными регионами она не могла иметь. В самом деле крестьянин одной деревни ничего не мог продать крестьянину соседнего села. Стало быть, в первый период нэпа ситуация на рынке не претерпела кардинальных изменений. Сохранились в большинстве местностей и заградительные отряды, и реквизиции. Эволюция осуществилась лишь под давлением дельцов нелегального снабжения.

В начале нэпа сложились условия для невиданного подъёма нелегального мешочнического снабжения. Одна группа населения за другой снималась с государственного снабжения и, соответственно, новые десятки тысяч россиян пополняли армию нелегальных снабженцев. При этом жизнь мешочников сильно облегчало начавшееся в отдельных губерниях свёртывание заградительных отрядов. Стало проще передвигаться на дальние расстояния, в то время как еще недавно любой пассажир должен был располагать внушительным мандатом.

Между тем отход от «военно-коммунистических» позиций затягивался. В 1921 г. при введении продналога советское государство ещё раз попыталось, не допуская свободной торговли, развернуть товарообмен с помощью огосударствлённых кооперативных органов. Деревенским потребительским обществам поручалось собирать крестьянские излишки и распределять полученные из городов промышленные изделия. Были составлены районные и сезонные

эквивалентные таблицы, изобретено множество счётных единиц – в одном месте счётной единицей становился один пуд коры, в другом один аршин ситца и т. д. Видному финансисту Л.Н. Юровскому пришло в голову удачное сравнение с договором царя Соломона с царём Хирамом об обмене кедрового и кипарисового леса на пшеницу и кипарисовое масло, изложенным в третьей книге царств [29, с. 132].

К тому же заранее определялось неравноправное положение крестьянской стороны. В среднем на одну единицу промышленной продукции приходилось три сельскохозяйственной. Только оторвавшиеся от действительности идеалисты и не понимавшие положения на нелегальном рынке «кремлёвские мечтатели» могли всерьёз поверить, что народ будет жить по выдуманной ими новой товарообменной схеме. Большевистские власти упорно забывали, что миллионы простых людей в то время имели запасной выход – мешочничество, нелегальный рынок.

Крестьяне предпочли обменивать продукты не в огосударствлённых потребительских лавках, а у мешочников. Один из руководителей кооперации М. Хейсин писал в 1921 г.: «Мешочник – хозяин своего товара, он его менял, перепродавал, комбинировал и вовремя, с необходимыми товарами являлся владельцу хлебных излишков. И пока кооперация пыжится над одной какой-нибудь товарной ценностью вроде мануфактуры, вольный добытчик хлеба переделывает в товар, который находил применение в данном месте. Худо, что всё прикрывается кооперацией» [24, с. 20].

По данным Наркомпрода, среди субъектов народного хозяйства самыми активными участниками товарооборота стали «мешочники, главным образом мешочники-спекулянты» [23, с. 62]. Толпы нелегальных снабженцев двинулись в Челябинскую губернию, в Сибирь, в Ташкент. В Совнарком одна за другой поступали телеграммы с сообщениями о новом массовом подъёме «ходаческой опасности» (ходаками называли мешочников) из продовольственных комитетов: Оренбургского (19 апреля 1921 г.), Екатеринбургского (5 мая), Харьковского (19 и 30 мая), Ростовского-на-Дону (3 и 19 июля), Тюменского (1 июля) и т. д. [6, с. 56–57].

Поскольку центральные власти делали акцент на ограничение рынка, региональные работники Наркомпрода по привычке восприняли новую экономическую политику как кратковременную либерализацию (так называемое «льготничество» периодически вводилось и в период военного коммунизма). Вскоре они решили, что пришло время качнуть продовольственный маятник в другую сторону. В итоге районы Сибири, Украины, Северного Кавказа, Туркестана уже в начале лета были объявлены «забронированными». Там снова за-

крывались местные рынки, вводились запреты на передвижения на дальние расстояния, государственным органам запрещалось выдавать любые разрешения на поездки в указанные регионы. Борьбу с мешочниками на железных дорогах возглавил сам Ф.Э. Дзержинский, ставший весной 1921 г. наркомом путей сообщения (оставаясь руководителем ВЧК и НКВД). Воссоздавались заградотряды [6, с. 57–59; 22, с. 306; 19, с. 346–347].

Нелегальный рынок приспособлялся следующим образом. После Кронштадтского мятежа и массовых забастовок Советское государство вынуждено было идти на уступки труженикам заводов. Рабочим и служащим разрешили создавать добровольные потребительские общества (ДПО). Представители этих самостоятельных кооперативов получили право обменивать в деревнях «натурализованную» зарплату – сапоги, галоши, ситец – на муку. В Москве было официально зарегистрировано 420 ДПО, в Петрограде – 500, на деле их имелось гораздо больше. По сути дела, под прикрытием этих обществ мешочники-профессионалы получили свободу действий. Членов ДПО называли «организованными» мешочниками в отличие от «неорганизованных» или «индивидуальных». И те, и другие не обращали внимания на товарообмен с его таблицами эквивалентов. Их товарные и денежные запасы в несколько раз превышали резервы руководившего официальной кооперацией Центросоюза, и потому они целиком преобладали на рынке [6, с. 59–60; 22, с. 306; 19, с. 346–347].

Власти ничего не оставалось, как сдаться и согласиться с существованием свободной торговли. Тем более что именно ограничения, создаваемые государством на пути развития рыночных отношений, представляли питательную среду для мешочничества. После введения осенью 1921 г. свободы торговли, вольной купли-продажи зерна и изготовленных из него продуктов нелегальные снабженцы переключились на торговлю спичками и солью. Хотя эти последние довольно долго оставались монополизированными товарами, государственные органы торговли не смогли обеспечить ими население. «Торжествующий частный рынок вступал в свои права», – писал в декабре 1921 г. тульский «Продовольственно-кооперативный и сельскохозяйственный вестник». Постепенно по мере легализации товарно-денежного хозяйства потребность в нелегальном снабжении отпадала. В большинстве районов активизировалась работа коммерческих и получивших хозяйственную самостоятельность кооперативных снабженческих и торговых организаций. Уже в 1921 г. перевозка продовольственных грузов по железным дорогам увеличилась более чем вдвое [17, № 10, с. 14; 27, с. 186].

Между тем ещё в 1922–1923 гг. нелегальное снабжение и торговля получали широкое распространение в тех районах, в которых крестьяне не выполняли продналога. В частности, в этот период сибирских крестьян обложили весьма обременительным налогом; в итоге, чтобы иметь хоть какой-то доход от собранного урожая, они продавали продукты мешочникам. В ответ на это Совнарком в августе 1922 г. распорядился «закрыть рынки» и выставить заградительные отряды в тех местах, где не удавалось собрать налог. Недоимщиков подвергали репрессиям: революционные трибуналы работали с большой нагрузкой [16, с. 134]. Сибирь вернулась к временам военного коммунизма. Нелегальный рынок незамедлительно отреагировал на это, и регион снова стал местом мешочничества.

На Северо-Западе мешочничество временно модифицировалось в контрабанду – через эстонскую границу контрабандисты тайно провозили спирт, чай, какао. По железнодорожным путям Бологое – Псков и Псков – Петроград они доставляли запрещённые крепкие спиртные напитки в специальных плоских бидонах, жестяных поясах, особых бандажах и корсетах [25, с. 33–34]. К середине 1920-х гг. по мере укрепления государственной границы контрабанда почти сошла на нет.

Середина нэповского десятилетия ознаменовалась легализацией в целом рыночных отношений, установлением нормального товарооборота между городом и деревней, налаживанием снабженческих и распределительных структур. Необходимость в мешочничестве отпала, и оно было изжито. К тому времени 20 % перевозимых по железной дороге хлебных грузов, 22 % всего оптового товарооборота и более 60 % розничного приходилось на долю частных предпринимателей, выступавших в роли конкурентов государственных и кооперативных хозяйственных органов [30, с. 50].

Как складывались судьбы нелегальных снабженцев в 1920-е гг.?

С введением нэпа произошло резкое расслоение слоя мешочников и их пути разошлись. Многие мешочники во время своих тяжелых и опасных экспедиций за хлебом теряли здоровье и становились инвалидами [2, с. 83]. Другие пополнили армию безработных, были и те, кто вернулся к станкам или к крестьянскому труду.

Вместе с тем в период военного коммунизма определилась тенденция концентрации капиталов в руках некоторых мешочников-спекулянтов. Этот процесс очевидцы и исследователи называли «первоначальным накоплением» [10, с. 38]. И даже пророчили нелегальным снабженцам большое будущее. «Сухаревка завоёвывает Красную площадь во имя превращения всей Москвы в Нью-Йорк

или Чикаго», – такие перспективы, явно сгущая краски, рисовал в начале 1920-х гг. экономист В.В. Шер [28, с. 11]. Он был прав лишь в том отношении, что спекулятивное мешочничество периода военного коммунизма выступало объективной основой возникновения нового, нэпманского предпринимательского слоя. В годы «военного коммунизма» за счёт мешочничества и спекулятивных операций было обеспечено «буржуазное накопление» в размере 150 млн руб. [20, с. 55]. Уже первые месяцы нэпа обнаружили наличие в стране сильного частноторгового капитала. Это мы наблюдали при рассмотрении причин провала товарообмена 1921 г.: размеры частного капитала были по крайней мере в 7–8 раз больше капиталов Центросоюза [17, № 8–9, с. 4; 6, с. 59–60].

К оставшимся на рынке крупным мешочникам нэп предъявил особые требования. Надо было не только располагать деньгами, но хорошо изучить конъюнктуру и уметь приспособиться к постоянным и резким валютным колебаниям. «С введением свободной торговли мешочничество численно сократилось, приобретая характер частной торговли», – читаем в отчёте о деятельности Владимирского губернского экономического совещания за 1921 г. В отчёте Самарского губэконосо обнаруживаем такую чёткую формулировку: «Качественно остались наиболее квалифицированные мешочники» [6, с. 131]. Под этими последними понимались опытные дореволюционные торговцы, профессионально занимавшиеся в годы Гражданской войны спекулятивным нелегальным снабжением. Думается, именно их капиталы выделялись своими размерами в первые годы нэпа. Они в первую очередь образовали основу, из которой выросли 450 млн руб., составившие в 1924 г. – по данным Наркомата внутренней торговли – весь частный торговый капитал страны [13, с. 59]. Согласимся с видным экономистом М. Жирмунским, который в своих вышедших в свет в 1924 и 1927 гг. исследованиях проводил такую мысль: торговля при нэпе в основном представляла легализованное мешочничество [7, с. 7].

Нелегальное снабжение «военного коммунизма» эволюционировало поэтапно. В первые месяцы новой экономической политики мешочники–спекулянты легализовали свой «бизнес» посредством покупок патентов и на первых порах становились бродячими корабейниками или разносчиками товаров. Затем они регистрировали мелкие предприятия. Удачливые деревенские мешочники вкладывали деньги в хлеботорговлю [8, с. 50; 9, с. 662; 12, с. 202]. Гонимые в прошлом мешочники становились комиссионерами, а также владельцами лавок, мастерских, магазинчиков.

Процесс эволюции мешочничества в легальную частную торговлю протекал довольно быстро. Примечательно, что уже к концу

1921 г. Петроград, который несколько месяцев тому назад являл собой ряд пустых улиц с заколоченными досками витринами и закрытыми дверями магазинов, ожил. На каждом углу открывались лавки, везде запестрели вывески. Такое оживление предпринимательской активности стало возможным в результате накопления спекулянтами более или менее значительных (для своего времени) товарных и денежных запасов. Достаточно было их только с соизволения власти легализовать.

Особенности социального облика новой (нэпманской) буржуазии во многом объясняются её родословной – генетической связью с мешочничеством. Предприниматели постоянно осознавали неустойчивость своего положения, отсюда – их крайняя осторожность и сильное стремление утаить истоки и размеры заработков. Наверняка, официальные данные характеризуют лишь малую легализованную часть нэпманских богатств. Кроме того, полученный при военном коммунизме опыт научил российских буржуа 1920-х гг. концентрировать силы, прежде всего, на налаживании отношений с большевистскими властями; в таком свете перспективные хозяйственные достижения выглядели вторичными.

Знаток русской жизни, публицист А. Большаков в 1927 г. выразил широко распространенное мнение о частных предпринимателях в таких словах: «Некоторые ловкие люди, не боявшиеся рискованных приключений или же умевшие "ладить" с начальством, здорово разжились в эти времена» [1, с. 121]. Нэпманам вряд ли стоило завидовать. Они не питали иллюзий насчёт долговременности установления в стране капиталистических порядков и, можно сказать, жили на бочке с порохом. Накопления потому использовали в целях приобретения валюты, краткосрочных займов. Солидно поставленные частные предприятия были редчайшим исключением [26, с. 7].

Сами деятели нелегального рынка по «мешочнической» привычке считали введение новой экономической политики очередным этапом дарования властью «льготничества». И все время ожидали, когда же льготу отберут. В годы Гражданской войны у них выработалось что-то вроде «синдрома нелегала». По большому счёту, на протяжении ряда лет от чрезвычайно настороженного отношения к рыночным вольностям российские буржуа так и не избавились. Они повлияли на эволюцию нэпа, особенно на ранней его стадии; но и нэп целиком определил их своеобразный облик и специфическое поведение.

Список литературы

1. Большаков А.М. Деревня. 1917–1927 гг. – М., 1927.
2. Григорьев Л. Очерки современной деревни. Кн. 1. – М., 1924.

3. Германов Л. (Фрумкин М.) Товарообмен, кооперация и торговля. – М., 1921.
4. Давыдов А.Ю. Мешочничество и диктатура в России. – СПб., 2007.
5. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. Мешочники. 1917–1921 гг. – СПб., 2002.
6. Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. – М., 1971.
7. Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. – М., 1924.
8. Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. – М., 1927.
9. Карр Э. История советской России. – М., 1990.
10. Колокольников П. Экономическое обозрение // Союз потребителей. – 1919. – № 1–2. – 20 янв.
11. Крицман Л. Героический период великой русской революции. – М.; Л., 1926.
12. Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. – М., 1925.
13. Ларин Ю. Советская деревня. – М., 1925.
14. Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. – М., 1969.
15. Орлов И.Б. Проблемы единой экономики // Россия нэповская. Исследования. – М., 2002.
16. Петрова Е.Г. Роль Сибири в снабжении Советской республики продовольственной в 1920–1922 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. – Томск, 1965.
17. Продовольственно-кооперативный и сельскохозяйственный вестник. 1921. – № 8–9. – 30 нояб.; № 10. – 15 дек.
18. Развитие советской экономики. – М., 1940.
19. Сибирский революционный комитет (Сибревком). – Новосибирск, 1959.
20. Суворова Л.Н. За фасадом «военного коммунизма»: Политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – 1993. – № 4.
21. Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним в пролетарском государстве // Историк – марксист. – 1940. – № 9.
22. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. 3-е изд. – М., 1986.
23. Фрумкин М. Товарообмен в период военного коммунизма // Вопр. торговли. – 1929. – № 11.
24. Хейсин М. Отклики кооператора // Производсоюз. – 1921. – № 20–24.
25. Чадаев В. В гуще повседневности. – Л., 1924.
26. Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ / под ред. А.М. Гинзбурга. – М.-Л., 1927.
27. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. – М., 1922.
28. Шер В.В. Социалистический Компрод и индивидуалист-мешочник // Вестн. Моск. обл. союза кооперативных объединений. – 1919. – № 3–4. – 8 мая.
29. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти. – М., 1928.
30. 4-й съезд Советов. Стенографический отчет. – М., 1927.

Сведения об авторах

Белов Михаил Юрьевич – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: belovpeterburg@yandex.ru

Большакова Галина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общие и технологические дисциплины сферы обслуживания, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Выборгский филиал; e-mail: galina.ist54@mail.ru

Веременко Валентина Александровна – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Веселова Мария Николаевна – кандидат культурологии, ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Государственная полярная академия; e-mail: ashamy@mail.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры морально-психологического обеспечения, Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия»; e-mail: agnee@yandex.ru

Гусева Наталия Сергеевна – аспирант кафедры истории и социально-гуманитарных наук, Ишимский государственный педагогический институт имени П.П. Ершова; e-mail: tasha_rus_90@mail.ru

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: blummer@mail.ru

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: davydov.au@mail.ru

Зеленов Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: mvzelenov@gmail.com

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Курмышов Василий Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vasiliy-kurmyshov@yandex.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, зав. межфакультетской кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Лукьянов Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий механики и оптики; e-mail: volodya.luckyanov@yandex.ru

Масанова Маргарита Дмитриевна – доктор исторических наук, зав. кафедрой социальной работы, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: margomas@mail.ru

Патрикеева Ольга Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: olpatrikeeva@yandex.ru

Портнягина Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Государственная полярная академия; докторант исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nar.spb@mail.ru.

Сиренов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: sirenov@rambler.ru

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, проректор; e-mail: allasmir@mail.ru

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, докторант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: arsikus@mail.ru

Соловьёв Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургская юридическая академия; e-mail: botanik-s@yandex.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор, Государственная полярная академия; e-mail: a.m.sудариков@gmail.com

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Фролов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Чернухин Виктор Андреевич – кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи; член-корреспондент, Академия военно-исторических наук; e-mail: botanik-s@yandex.ru

Яров Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: iarov@eu.spb.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 844

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а